

*Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого*

Сборник стихов и прозы

Выпуск 12

70-летию Великой Победы посвящается

Во имя жизни и любви:

Сборник стихов и прозы

Выпуск 12

Великий Новгород
2015

ББК 84 (2Рос)
О43

Составитель:

В.В. Шадурский

Фотографии:

В.И. Березовский, А.А. Кочевник

Оформление, компьютерная вёрстка:

В.И. Березовский

Во имя жизни и любви: Сборник стихов и прозы. - Великий Новгород: ЗАО "Новгородский технопарк", 2015. - 260 с.

Двенадцатый выпуск альманаха Литературного клуба при НовГУ посвящен 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В книгу вошли рассказы, очерки, стихи 49 авторов, среди них более половины - молодежь, школьники. Пять разделов сборника представляют наследие ветеранов-писателей, членов творческих союзов, произведения юных поэтов, а также биографические материалы воевавшего поколения.

© - Новгородский государственный университет, 2015

© - Авторы, 2015

© - Наследники авторов, 2015

От составителя

Первый раздел

«Во имя ЖИЗНИ и ЛЮБВИ»

**Сборник стихов и прозы
Выпуск 12**

«ВО ИМЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ»

**Владимир
Александрович
КУЛАГИН
(1923 – 1993)**

ПРОВОДЫ

С мешком заплечным
По проулку
С ребячьей радостью в груди.
Я на войну,
Как на прогулку,
С крыльца родного
Уходил.
На улице и дождь.
И слякоть.
Немного б можно обождать...
Велел я матери
Не плакать.
А бабушке –
Не провожать.
И уходил легко и смело.
Не задержался у дверей –
Не в храбрости
Тут было дело –
В слепой бездумности
Скорей.
С родней бы надо
Попрощаться
Да на отвальную собрать...
На свете просто
В восемнадцать

И петь,
И жить,
И умирать.

ЦАРИЦА ПОЛЕЙ

У царицы полей,
У пехоты,
Мотыльковая жизнь
На войне.
За полсуток
Две кадровых роты

В пулеметном
Сгорели огне.
Третью роту
На четверть скосило.
Привели пополнение взамен.
А на фронте
Всё так же,
Как было –
Без существенных перемен.

ПУШКИ БЬЮТ

А пушки бьют и бьют.
Снаряды
Землю гложут...
Солдат сперва
Убьют,
Потом венки
Возложат.

Вокруг огонь и дым.
И слева бьют, и справа.
Спасенья нет
Живым.

И только мертвым
Слава.

ВО ИМЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Пылал огонь
На танковой броне.
Броню насквозь
Снарядом прохватило.
А как мы уцелели
На войне?
Я до сих пор
И сам понять не в силах.

Ревело, выло,
Грохало кругом,
Взрывной волной
До крови било в уши.
Казалось мне,
Что этот адский гром
Вот-вот из всех нас
Выколотит души.

Куда глаза свои ни подними –
И небо, и земля в едучем дыме.
А люди оставались людьми
Во имя жизни
И любви во имя.

**ЕВДОКИМ
ЕВДОКИМОВИЧ
РУСАКОВ
(1924 – 2001)**

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Не пришедший до сих пор обратно,
Без вести пропавший у Двины,
Всё идёт,
Идёт на запад брат мой
В дымно-красном мареве войны.
Всё вперёд идёт он, всё в дороге.
Он от стужи и дождей продрог,
И усталость связывает ноги,
Но победы день еще далёк,
И ещё не видима граница.
Эхо носит выстрелов валы,
И ещё пилотку пехотинца
Не сорвала пуля с головы.
Вот уж вся Россия за плечами.
Но поход свой продолжает брат.
Так идёт он днями и ночами –
Всё вперёд...
И не придёт назад.

КРАСНАЯ КНИГА

Ликует с песнею Россия,
В труде и помыслах горда.
Но под спокойствием и силой
Хранится горькая беда.

На плитах и на обелисках
Так мало слов и много дат,—
Из камня высечены списки
Твоих, Отечество, солдат:
Быстров,
Беляев,
Ивановы —
Все наша кость и наша кровь.
И ты среди этих плит суровых,
Иван Филатыч Русаков...
Скрипит от тяжести поклонов
Ось Мира в скорбной тишине,—
Всех двадцать с лишним миллионов
Погибло наших на войне.
Они Руси верны любовью,
Они иначе не могли,
Они своей писали кровью
Ту Книгу Красную Земли.

**Антонин
Федорович
ЧИСТЯКОВ
(1925 – 1981)**

ТРУДОДНИ

Война.
Зима.
На ферме в деревеньке
Навоз – что камень.
Нагревался лом.
Тогда за трудодни,
А не за деньги
Бидоны наполняли молоком.
За «палочки»,
Как услышал вчера я.
И больно мне,
Что кое-кто забыл:
Те «палочки»
Россию подпирали
Огромную –
И фронт её, и тыл.
И я мальцом
За них трудился в прошлом.
И чести не унизили они.
И никому на свете не опозлеть
Оправданное имя –
Трудодни.
Я набивал гуменную корзину
И, обходясь без лошадиных сил,
С гумна в коровник мерзлую мякину
На самодельных санках привозил.
И ставил «день» мне
Бригадир
Безрукий

(Остались руки на передовой),
И ставил по два «дня»
Доярке в сутки,
Зубами ставил
В книжке трудовой...
Ломило от усталости суставы
Деревни всей...
А за селом вдали
По шпалам,
По тем «палочкам»,
Составы
Во все концы России
Шли и шли.

РИСУНОК

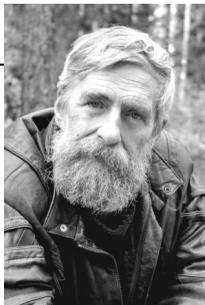
Бомбили деревню Селищи.
Сгорела, как свечка, в мороз.
Пришел мальчуган с пепелища
И уголь остывший принес.

Штанишки на ляжках, рубаха
Да серые щелочки глаз.
В них пепел недавнего страха
Ещё не остыл, не угас.

Достал из кармашека уголь
С чернеющим острым углом.
Забился с тетрадкою в угол,
Шуршит по бумаге углём.

Рисует он дом и крылечко
И тоненькое –
Как намёк –
Над крышею дома колечко:
То ль солнышко,
То ли дымок.

И горе в глазёнках – на убыль.
Мальчишка сопит над листом,
И дом, превратившийся в уголь,
Опять превращается в дом.

**Игорь
Александрович
ТАЯНОВСКИЙ
(1936 – 2009)**

**ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ
В НОВГОРОДСКОМ КРЕМЛЕ**

Вот так и мне бы, так и мне бы,
Когда подкосит немотой, –
Лежать под этим русским небом,
Укрывшись братскою плитой,

Как боевой шинелью серой,
Что всё расскажет про меня...
Приду, и долго грею сердце
В ладонях Вечного Огня.

БАЛЛАДА О БЕРЕЗЕ

*На этом дереве в 1941 году
гитлеровскими извергами
был повешен комсомолец
Владимир Падорин
(табличка на березе)*

Верстах в сорока
От старинного русского города –
Берёзовый праздник!..
Там Волхову машут вослед
Берёзы-подростки,
Берёзы – родители гордые,
Берёзы в соку
И берёзы младенческих лет.

Там каждый цветок
На высокое солнце нацелился.
Рахманинов песни
Отыскивал в здешних цветах,
Гаврила Державин
Здесь богом назваться осмелился,
И звёзд разговор
Слушал Лермонтов в здешних местах.

На этой земле,
Что весной краше ситца весёлого,
На русской земле,
На которой так хочется жить,
Сложили, не дрогнув,
Бойцы свои буйные головы,
Чтоб только знамёна
У вражеских ног не сложить.

Как ворон над трупом,
Кружил самолёт над пожарищем.
Но, детской спиной
Упираясь в последний плетень,
Стрелял по нему
Из оружия павших товарищей
Володька Падорин.
И взрывом откликнулся день.

Доносчик-сосед
Награждён коровёнкой за рвение,
А Вовка к берёзе
Пошёл помертвевшей росой.
И страшно мне, люди,
Представить хотя б на мгновение,
Как душат дитя
Золотой материнской косой.

Отряд детворы
По осколку собрал эти сведенья,
Чтоб помнили люди
Героя села своего.
Могилы... Могилы—
Вот русских детей краеведенье!
Но знает свой край
Тот, кто знает могилы его.

Приладив к берёзе
Слова на дощечке обструганной,
Ушли ребятишки —
Ведь целая жизнь впереди!
Но — с этой поры
У берёзы, врагами поруганной,
Смысл жизни зажёгся
В иссохшей от горя груди.

И с этого дня
Не старухой седой и болезною —
Живым обелиском
Растёт у дороги большой
Березонька белая —
Дерево русской поэзии.
Береза плакучая —
Дерево с русской душой.

ПОСЫЛКА

Ну как это столько радости
Протиснулось в проводки,
Когда раздавало нам радио
Последних известий пайки?

Огнём и железом по западу
Возмездье катилось в дыму...

**Иван
Георгиевич
АЛЕКСАНДРОВ
(1946 – 1996)**

САПЁРЫ

Кинофильм о войне –
Даже дрожь ощущается скулами.
Но на новые мысли
Наводит экранная гарь:
Да, геройство и в том,
Чтоб на пули откликнуться пулями
И достойным ударом
Ответить врагу на удар.
Не приказывал долг
Стать кометой, на свастики брошенной,
Умереть за других,
Чьи-то смерти своей заменя...

Но не подвиг Гастелло
И даже не подвиг Матросова
В настоящий момент
Изумляют так сильно меня.
Это были герои!
И память им самая светлая.
Но хотя бы понятны
Однажды встающие в рост...
Кто же эти,
 в грязи и в крови,
Безответные,
Под кинжальным огнем
Возводящие временный мост?
Боже мой!
Да какое же надо терпение,

Волю, силу какую
И сердце какое в груди,
Чтоб под стоны друзей,
Подснарядов смертельное пение,
Так стоять
И Победе
Стальные мосты возводить.

НОВГОРОД

Другу историку

Мы лишь ловцы и пахари... Едва ли.
Ах, погоди, историк, помолчи.
Нам подмастерья лемеха ковали,
А мастера – кольчуги да мечи.

В каком веку найдёшь такую дату,
Чтоб не сражалась Русская земля?
Я убеждён – ты тоже сын солдата
И даже внук солдата, как и я.

И если в наших спорах бесполезных
Мы тронем землю, где стоит наш дом:
На три гвоздя обугленных железных
Мы десять наконечников найдём.

В слоях земли, неведомых и близких,
Гниют мечи, австрийские штыки,
Миллионы гильз немецких и английских
И пуль, Бог знает уж каких.

Они, как черви, множатся и лезут,
Они в глаза нам целят всякий час...
В моей стране лишь рурского железа,
Как в рудниках Германии сейчас.

Под Старой Руссой, в деревушках милых,
Где нас учил сапёрный генерал,
Я видел дом, поставленный на минах,
И частокол фугасный разбираю.

Ты не поверишь, скажешь – это сказки.
А для меня привычное былье
Кормить собаку из немецкой каски,
В большой воронке полоскать бельё.

Кто из вояки сделает кумира,
Того я первым, может, прокляну.
Да, я за мир! Кто в мире против мира?
Но на войне я буду за войну.

И я умею поглядеть надменно.
Не побледнею посреди резни.
Да, я рыбак и пахарь, несомненно,
Но я и сын солдата, чёрт возьми.

И я уверен твёрдо, друг историк,
Неколебимо Новгород стоит,
Покуда мы с тобой о мире спорим,
А сын из палки саблю мастерит.

*Подборка составлена членом
Союза писателей России
Р.А. Дериглазовым*

Второй раздел

«Ни приведи ГОСПОДЬ её испытать»

**Сборник стихов и прозы
Выпуск 12**

Игорь ИСАЕВЪ
г. Псков

НАЧИНАЛАСЬ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Первые месяцы очередной русской революции. Провинциальный русский городок на Северо-Западе страны. Отряд революционных рабочих и солдат (в котором, кстати, были и крестьяне, и гимназисты) с пением «Марсельезы» прошагал по заснеженному Кахановскому бульвару и повернул к вокзалу.

На повороте командир отряда питерский студент Кирилл прекратил пение.

Николаевский вокзал города N был построен в середине прошлого века, честно прослужил России около шестидесяти лет, а теперь был занят немцами, эшелон которых двигался к Петрограду, по пути прорываясь сквозь случайные заслоны, выставяемые уставшей от войны русской армией и еще не обученными как следует красногвардейцами.

Людям Кирилла предстояло выбить немцев из здания вокзала и по возможности продержаться до подхода более крупного отряда, который спешил к городу с севера.

Подошли к вокзальной площади.

– Ну что, студент, делать будем? – к Кириллу подошел матрос Иванов с «Варяга»: моряков в России образца осени 1917 года вдруг стало больше, чем подвластных морей, – Дашь да напрямки?!

– Пушку б сюда, – вздохнул стоявший рядом седоусый рабочий.

– Тю, пскопской, – хохотнул матрос, тряхнув фирменным чубом, – пушку тебе! Ероплана не хочешь?

– Атакуем цепью, – решил Кирилл, – двигаемся по краям площади.

– Что так? – удивился Иванов.

– Пулеметы у них.

Отряд развернулся в цепь и, обходя площадь, бегом бросился к вокзалу. На полпути их разбег накрыли немецкие пулеметы.

– Ну что, стратег недоделанный, туды тебя, – ругался матрос, вжимаясь в бульжную мостовую. Бескозырку свою он обронил, к тому же падая, порвал клеш на правой ноге и от этого злился еще больше. Над головами задиристо свистели пули.

– Бомба есть у кого? – спросил Кирилл и сплюнул: в рот набилась какая-то труха с мостовой.

– У меня, – ответил рабочий.

– Давайте, – Кирилл принял бомбу и медленно пополз вперед.

– От ползет, – восхитился матрос, на секунду приподняв голову, – Как вошь по лысине. Где их так ползать учили?! – обратился он к рабочему, – Хлопнут сейчас ни за грош...

– Помолчи ты Христа ради... – попросили соседи. Матрос замолк.

Кирилл полз, прижимаясь всем телом к холодным камням и укрываясь за трупами тех, кто уже воевал здесь до них, и все равно ему казалось, что тело его растет с каждым пройденным сантиметром и делается все заметней и заметней.

Но пули свистели высоко, пулеметчики были заняты лежавшими на площади красногвардейцами и на одинокого пластуна просто не обращали внимания.

Кирилл взмок от напряжения, короткие волосы его лоснились, а гимнастерка прилипла к плечам и сковывала движения. До цели оставалось всего ничего, когда первые пули взбили фонтанчики пыли рядом с Кирилловой головой.

Крошки, отколотые от мостовой, больно оцарапали его щеку.

Кирилл остановился, закрыл руками голову и постарался еще сильнее, глубже вжаться в мостовую.

– Пропал, – тихо сказал матрос. Ему не ответили. Только стучал пулемет, никому не давая поднять головы.

Временами становилось тихо: немцы остужали ствол своего «Максима». Но стоило Кириллу пошевелиться, как «адская машинка» снова начинала работать. Положение стало безнадежным, когда со стороны путей послышалась стрельба.

– Неужто наши? Откуда?!

Немецкий пулемет смолк на несколько секунд, но и этого хватило Кириллу, чтобы рывком подняться и метнуть бомбу. Взрыв – и обслуги «Максима» не стало...

Уже на вокзале, когда последних немцев вышибли на перрон и их же пулеметом загнали по вагонам, Кирилл поблагодарил матроса.

– За что? – удивился тот.

– Ну как же. Вовремя вы зашли с перрона, – Кирилл отряхивал крошки и солому, прилипшую на рукава его черного пальто.

– Никуда мы не заходили, – заулыбался матрос, – а вот бомбой ты это грамотно...

– Подожди. Как не заходили?! – Кирилл посмотрел на немецкие вагоны, заслонившие окна вокзала. – Тогда кто же?

Недоразумение разъяснилось быстро. Едва отряд Кирилла расположился внутри вокзала, выставив к дверям и окнам наблюдателей, как от дверей послышался окрик часового, какой-то короткий разговор, и внутрь вошли новые люди.

– Кто такие? – подскочил к ним матрос.

– Отряд городской милиции, – звонко ответила миловидная девушка, двигавшаяся впереди. Матрос внимательно изучил ее стройную, затянутую в ремни и кожу фигуру и скептически хмыкнул:

– Тю, милиция, что у вас мужика что ль для команды не нашлось?

– А у вас? – невинно поинтересовалась девушка.

– Чего?! – под хохот окружающих матрос покраснел и схватился за маузер. Но вытащить его ему не дали.

– Не бузи, – уговаривал старик-рабочий, – что с бабы взять?

– Так где командир-то? – задорно спросила девушка у опешившего Кирилла.

– Маша, – радостно выдохнул он. Та присмотрелась и, недоверчиво тряхнув стриженной головой, произнесла:

– Кирилл...

– Узнала, наконец, чертяка стриженная!

– Боши! – вскрикнул часовой у дверей и упал, раненый.

– К бою! – закричал Кирилл, бросаясь к выходу на перрон, крик подхватила сотня глоток: красногвардейцы и милиционеры вперемишку бежали к окнам. Лопались остатки стекол, пели свою песню пули, унося человеческие жизни...

– Ты откуда здесь взялась? – кричал Кирилл в паузах между выстрелами.

– А? – не слышала Мария.

– Откуда?!

– У нас слышали стрельбу на станции. Послали проверить, кто это с немцами схватился. Мы-то только из Питера прибыли, – рассказывала Мария, когда немцы, наткнувшись на плотный встречный огонь, залегли.

– Юнкера что ль? – враждебно спросил матрос от соседнего окна.

– Почему юнкера? – обиделась Мария. – Гимназисты, студенты. Многие – местные.

– А-а, студенты, – протянул он и стал сворачивать папиросу.

В это время немцы снова попытались взять вокзал. Произошла штыковая схватка...

– Что ж вы, студенты, а вроде как за «временных»? –

спрашивал матрос у Марии, пока ему перевязывали голову.

– Что ж вы, матросы, русские, а вроде как за немцев? – в тон ему ответила Мария, обрабатывая раненую руку Кирилла.

– Погоди-погоди, – встрепенулся матрос, – За каких это таких немцев?

– За обыкновенных. Ленин-то ваш кто?

– Кто?

– Ну, кто-кто, затокал, – вмешался старик-рабочий, пытаюсь сменить опасную тему, – Не время сейчас. Вот отобьемся, тогда и выясним, какую она тут агитацию проводит.

– Нет, постой, – «завелся» матрос, – Дело известное. Мы эту брехню буржуйскую слышали уже! Кончай ты меня заматывать, – обратился он к солдату, бинтовавшему ему голову, – не барышня. Эй, студент, надо с твоей контрой разобратся!

– А что тут разбираться, – откликнулся Кирилл, отвлекаясь от своей перевязанной руки, – Сейчас вот шлепнем тебя и весь разговор.

– Меня?! – опешил матрос. – Да меня-то за что ж?

– А за то, шкура, что вместо того, чтобы делом заниматься, ты тут развел... так тебя и этак...

– Смотри-ка ты, студент-«бела кость», а как загибает, – уважительно сказал один из солдат. Милиционеры с любопытством наблюдали за спором красного командира с матросом.

– Братва, – «психанул» матрос, – смотри, как эта контра разговаривает! Это что же... – он замолчал, увидев, что Кирилл вынимает наган. Свой маузер лежал у Иванова рядом, но так, что сразу не дотянешься.

– Еще слово...

– Ладно, морячок, утихни, – один из солдат взял матроса за плечи и повел в сторону. До Кирилла долетело:

– Выясним еще...

Старый рабочий сказал ему с досадой:

– Поосторожней теперь тебе надо, парень. Он, этот башибузук, в спину может. Надо было тебе его того...

– Все впереди, – устало сказал Кирилл. Рука болела. Люди разочарованно расходились по своим местам.

– Нас 30 человек, – шепнула Мария, – поддержим.

– Ты не бойся, студент, – присел рядом солдат, который восхищался Кирилловым монологом, – он, Иванов-то, побузит-пошумит да и успокоится. Не подставляйся только, а мы не выдадим, – солдат улыбнулся. – Как звать-то тебя, парень?

– Кирилл.

– Ну вот, а то студент да студент. А я Прошка. Прохор то есть. Хорошо ты, Кирилл, загибаешь, прям слушать приятно.

– Видать, что образованный, – пошутил старый рабочий...

В это время у немцев закончился ужин, и они снова двинулись на штурм. В пылу перестрелки люди даже не заметили, как подошел вечер. Последние выстрелы.

– Кончилось вро... – начал было старый рабочий и умолк. Одна из последних пуль, прилетевших с перрона, нашла свою цель. С чуть седоватого, небритого подбородка по еще крепкой шее старого рабочего побежала красная струйка.

– Красная, как знамя, – тихо сказала Мария, – Ваше знамя...

Пришла ночь. В холодном, нетопленном зале ожидания вокзала люди укладывались ночевать. Найдя укромный угол, Кирилл бросил охапку сена из разграбленного фуражного склада на пол и лег сам. Рядом звучали приглушенные голоса.

– Удобный момент, – говорил мужской голос, – они ложатся спать, часовые – у окон и дверей, а на то, что внутри, они не обращают внимания. Заснут только, и мы их...

– Ни в коем случае, – отвечал второй голос. Женский. Мария?! – Они нам верят. Мы же не можем...

– Ну и что? – вспыхнул мужчина. – Это же чернь! Они же и у вас все отняли. А если мало, так вспомните того мат-

роса. Как там его... с «Варяга» японского! – человек помолчал. – Или вас так этот красный студентик приворожил?

Пощечина шлепнула, как выстрел.

– До утра-с, – ехидно произнес мужской голос.

Подошла Мария. «Резкая, как «нате!» – вспомнил Кирилл. И закрыл глаза, притворяясь спящим.

– Ты здесь? Спишь?

– Да.

– Что завтра?

– Не знаю.

– Последняя ночь, да?

– В каком смысле?

– Не притворяйся, Кирюшка. Придет завтра ваш отряд с севера и твой Иванов поставит нас к стенке. А если будешь мешать, то и тебя прибавит, – она легла рядом.

– Странно ты о нас думаешь, Маша.

– О нас?! О них, а не о нас. Ты не знаешь, как они брали Зимний, эти матросы, и что стало с детьми, которые его защищали.

– С юнкерами, – поправил Кирилл, – знаю.

– И оправдываешь? – приподнялась Мария.

– Нет. А ты вспомни казаков и жандармов...

– Ну, это когда было... При царе...

– ...и вас, милиционеров, – продолжал Кирилл. – Летом при разгоне демонстрации меня так обработали, что куда там царским казачкам.

Они помолчали.

– А давай так, – предложила она, – Что бы ни произошло, где бы и кем мы ни были, для нас всегда останется «мы с тобой» и они – все остальные...

Кирилл кивнул головой и придвинулся ближе. Из-за раненой руки объятия вышли чуть неуклюжими. Далеко у водокачки засвистел паровоз. Шла к середине их первая и, наверное, последняя ночь...

– А ты совсем не умеешь целоваться, – прошептала Мария.

– Где ж мне было научиться...

- Революция, да?
- Не шути так, пожалуйста.
- А так? – она поцеловала его.
- Так – хорошо...

Шла их первая и, наверное, последняя ночь.

Уже к ближнему пригороду подходил отряд с севера. Уже покинул станцию, узнав об этом, немецкий эшелон... Наступило утро...

Умывшись, Кирилл обошел посты. Немцев не было. За ночь его люди и милиционеры разделились, разошлись в разные стороны зала, и наиболее расторопные и предусмотрительные складывали вокзальные скамьи и столы подобием баррикад.

– Зачем это? – спросил Кирилл у Иванова.

Тот ухмыльнулся.

– Не всем же... – и осекся.

– На всякий случай, – объяснил Прошка. – Ты, Кирилл, с ними, – он кивнул на милиционеров, – не сталкивался, видать, а то б знал, что с ихним братом, как со змеей, всегда в сапогах надоть...

Кирилл разыскал Марию.

– Знаешь, – сказал он, – уводи своих да побыстрее.

– Что, уже? – догадалась она.

– Да, кажется, да.

Они прощались,

когда

возле часовых возник шум,

кто-то закричал: «Свой!»

В зале появился высокого роста смуглый матрос в бескозырке с надписью «Пантелеймон». Вид он имел самый внушительный: поверх тельняшки ремни и пулеметные ленты, на ремне – четыре бомбы, из кармана торчала рукоятка огромного нагана, больше напоминавшего хорошую пушку.

– Ну что, славяне, где тут ваши немцы?

– Немцев-то нет уже, – отозвался Иванов, – а вот контриков на вашу долю будет...

Мария бросилась к своим.

– Не стрелять! – крикнул Кирилл. Но было поздно. Уже залегли его бойцы в своих укрытиях, уже разворачивались с пулеметом часовые и врывались в зал люди матроса с «Пантелеймона».

Как во сне, видел Кирилл Марию, бегущую к своим, падающих под пулями и отстреливающихся милиционеров; видел, как, не добежав, взмахнула она руками и стала медленно падать на пол.

– Стой, дура! – крикнул Прошка рванувшемуся к ней Кириллу, но тот, изломанный пулеметной очередью, уже ничего не слышал.

Стрельба продолжалась, вокруг падали люди, но Кирилл и Мария не видели этого.

Они лежали в пяти метрах друг от друга на холодном мозаичном полу, лица и тела их остывали, а любовь была прервана.

**Геннадий
Александрович
ИГНАТЬЕВ**

*Декан исторического
факультета
Член Российского
межрегионального
союза писателей*

ДВАЖДЫ БЫЛ РАССТРЕЛЯН

Этого человека в Великую Отечественную расстреливали... дважды: сначала немцы, а потом – наши. Причем немцы оказались добрее.

Мой рассказчик, Сергей Александрович, отставной майор, лет тридцатьтому назад учился в одном из ленинградских вузов и, как всякий рациональный студент, экономил в транспорте на билетах. Ездил к родителям в Новгород непоездом за трешку, а за рубль, ибо столько тогда брали за проезд водители большегрузных машин на трассе Ленинград–Новгород. Я и сам частенько пользовался подобным способом передвижения. То время было спокойное, народ приветливый, добрый, а шоферы-дальнобойщики охотно брали попутчиков, причем зачастую подвозили совершенно бескорыстно. Бывало, суешь ему жалкий, сморщенный рубль, а он брови нахмурит, глянет пронзительно, строго, словно нанесли ему смертельную обиду. И было это оттого, что многие водители прошли через войну, где не деньги ценились, а человечность и взаимовыручка. С одним из таких новгородских шоферов и ехал однажды в Новгород Сергей Александрович. Нет дороги без хорошей душевной беседы, но поначалу разговор не клеился, на все вопросы водитель либо отмалчивался, либо отвечал скупой и немногословно. Но наш герой не сдавался, и потихонечку лед тронулся – слово за слово, начался разговор, который разумеется

перешел на военные темы.

– А ведь, браток, меня дважды расстреливали.

– Как это?! – изумился Сергей Александрович.

– Один раз немцы, второй – наши, причем немцы добрее оказались. Войну я начал аккурат с первого ее дня. Весной 1941 года был призван в погранвойска и определен служить на заставу в Литву – на границу с Восточной Пруссией, что сейчас является нашей Калининградской областью. В памятный день 22 июня судьбе было угодно послать меня в наряд по охране госграницы, потому и жив остался. Немцы первым делом ударили по заставе; когда мык ней вышли, там ничего уже не было, кроме дымившихся развалин. Когонاشли, похоронили и втроем двинулись на восток: сержант, старший нарядада нас двое, молодых первогодков. Шли-хоронились, все по лесам: по дорогам нескончаемым потоком перла вражеская техника. Главная забота – пропитание, на грибах и ягодах далеко не уедешь. Сунулись как-то к мирным поселянам – еще к хутору не подошли, как нас из винтовок обстреляли, сержанта убили. Пришлось по ночам на огородах приворовывать: в основном картошку, да раз овцу прирезали. Так и добрали до Эстонии. Нам бы ещераньше податься в Белоруссию – не догадались, молодые, зеленые. В Эстонии, уж совсем рядом со Псковщиной, нас и прихватили. Все из-за голода: так отощали, что еле плелись. Смотрим – одинокий хуторок, немцев не видать и всего трое обитателей: мужик, баба да пацан лет двенадцати. Мы к ним: так и так, не откажите, дайте хоть кусочек хлеба.

– Милости просим, – говорит хозяин, – за стол.

Накормили. С голодухи развезло, осоловели, там же в доме и заснули, а разбудили нас немцы. «Добрый» хозяин пацана за патрулем послал. Вытолкали нас пинками во двор, меж собой что-то потрещали, а потом фельдфебель, главный из них, машет рукой. И без перевода ясно – кончать будут. В патруле том в основном молодые парни, только ефрейтор пожилой, лет за сорок. Его и послали, чтоб он нас у опушки леса в распыл пустил.

Идем в путь последний, света белого не видим, в глазах темно, а сзади все: «Шнель!» да «Шнель!» У самой кромки ле-

са вдруг очередь длинная над головами – словно ветер пронесся, а мы стоим столбами и не падаем.

Издевается, думаю, гад фашистский. Оборачиваюсь, а немец обратно шагает, автомат за плечом. Теперь-то я понимаю, что попадись солдат помоложе, не крутил бы я сейчас баранку. Может, сыновей ему напомнили, да и были мы по сути еще не солдатами, а голодными мальчишками. Не все так просто там было. Человека из солдата никакая война не вытравит.

Потом мы до Псковщины добрались, вышли к своим, и вроде бы всепошло своим ходом. Три года я оборонял Ленинград. О буднях войны говорить не стану, дело это рутинное и малоинтересное, ежедневная монотонная работа. 14 января 1944 года наконец-то началось долгожданное наступление, войска трех фронтов сдвинулись с места, прорвали блокадуи стремительно пошли вперед. Вот тут и приключилась со мной новая беда.

В ходе наступательных боев наш полк оказался в нескольких километрах от родной деревни, где томилась в оккупации моя семья. Сам понимаешь, что я чувствовал. При виде знакомых с детства мест такая тоска скрутила, что сил нету. В моем отделении служил еще один паренек из нашей деревни. Кинулись мы с ним к ротному, стоим на коленях, плачем, просим хоть на пару часов отпустить, может, кого в живых отыщем. Не устоял командир, хотя и права не имел, – отпустил до шести утра, но предупредил, что если в срок не вернемся, подаст на нас рапорт как на дезертиров.

Примчались мы в деревню, а она как стояла, так и стоит, и главное – все живы. Чудо да и только! Тут и началось: кумовья, деды, бабки, двоюродные и троюродные. Одним словом, очнулись мы на следующий день, когда солнышко на вторую половину неба перевалило. Кинулись обратно в полк, а на большаке патруль. Посмотрел офицер наши красноармейские книжкии говорит:

– Господа дезертиры, вас-то мы и ожидаем. Идите-ка вы вон к той вороночке да скиньте шинельки и сапоги. Они вам больше не потребуются, пусть ими попользуются другие

бойцы, что честно за Родину кровь проливают. С изменниками разговор короткий. Сейчас мы вам и команду похоронную с музыкой подыщем.

С этими словами останавливает он проезжающий грузовик, высаживает человек пять бойцов и строит их в шеренгу аккуратно напротив нас.

Не знаю, что чувствовал в тот смертный час мой товарищ, а я весь оцепенел. В первом расстреле такого не чувствовал, тогда где-то в глубине душе верилось, что можно вот так запросто лишиться жизни, а здесь всемиклетками души моей осознал я жестокую неотвратимость смерти. Стою под винтовочным дулом, ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу, нервы в таком напряжении, что весь окрестный мир: дорога, черные куски вывороченной танковыми гусеницами земли, мельчайшие черточки пейзажа, а особенно лицо стоявшего напротив солдата – с такой фотографической ясностью врезались в клеточки мозга, что я и до сих пор вижу все так, словно было это вчера.

Помню тупой удар – тьма, а потом холод. Я медленно приоткрыл глаза: надо мною высоко в небе висела легкая тучка, по краям которой скользили последние лучи уходящего за горизонт солнца. Пуля по касательной лишь задела голову. Оглушенный, я несколько часов пролежал на мерзлой холодной земле. После госпиталя я еще повоевал, войну закончил в той же Восточной Пруссии, от границ которой топал в 1941 году.

Но на этом моя история не кончилась. После войны я осел в Ленинграде. Где-то в начале шестидесятых годов иду по Невскому, навстречу мужик с таким знакомым лицом, что от этой знакомости в груди защемило. Двадцать лет прошло, а это лицо навечно врезалось в память. Останавливаю, спрашиваю: не приходилось ли ему в 1944 году на такой-то дороге расстреливать воронки двух бойцов. «Да, был такой случай», – отвечает он.

– И что вы ему сделали? – затаив дыхание, спросил Сергей Александрович.

– Ничего, – усмехнулся шофер. – Обнялись, поплакали, а потом помянули в ресторане всех убиенных на той войне.

СЕРГЕЙ ВПЕРЁДСМОТРЯЩИЙ

Сергею Петровичу Иванову девяносто лет, ходит с трудом, но память не потерял. Есть редкая порода людей, устремленных мыслью в прошлое. Сегодняшний день у них сливается в единое целое, а молодость с ее бурными событиями, наоборот, навечно врезалась в ячейки мозговых клеток до мельчайших деталей.

– Спрашиваете, как я попал на войну? Не сразу. До 1943 года находились мы под немцем, на оккупированной территории Западной Украины. Фашисты в первые месяцы наступали так стремительно, что, заснув вечером в СССР, утром мы просыпались в ином измерении, «новый порядок» и все такое. За два года я ничем не замарался, никаким сотрудничеством с оккупантами и их пособниками. Потому, когда вернулась Красная армия, меня сразу призвали на действительную службу, определили в пехоту, наспех обучили солдатской премудрости и сразу на передовую, где меня из-за маленького роста ротный взял к себе в ординарцы: не бывалых же солдат заставлять чистить командирские сапоги, а тут подросточек подвернулся. Как солдат, я поначалу мало что понимал, приказы воспринимал буквально, без соображения, чем крупно подвел своего командира.

Близость к командиру никоим образом не освобождала от тягот несения службы: нарядов, караулов, участия в боевых операциях. В первом же карауле я и попал впросак. В ту пору установилось на фронте редкое затишье, когда ни наши, ни немцы не предпринимали активных действий. Такое время очень любили вышестоящие начальники. По окопам начинали ползать разные комиссии для ознакомления с бытом и боевым духом войск.

Командир роты лично определил мне ячейку, где я должен был стоять на посту, следить за врагом, чтобы последний тайно не подкрался к нашей оборонительной линии.

– Смотри, Иванов, – строго напутствовал капитан, – на посту головой по сторонам не верти, смотри только вперед, внимательно наблюдай за своим сектором, в разговоры с солдатами не ввязывайся.

– Есть, смотреть только вперед и в разговоры не ввязываться, – ответил я.

Ушел ротный, а я приказ исполняю, смотрю только вперед, на товарищей внимания не обращаю, на разговоры не поддаюсь, что за спиной делается, не знаю. А за спиной тем временем решил пройтись по траншеям дивизионный генерал, естественно, со свитой. Видеть я его не вижу, а вот слух, что генерал идет, докатился. От этого я еще строже вперед смотреть начал. Вскоре и сам генерал обозначился. Начальство не просто так по передовой ходит. Главное – порядок проверить, пообщаться с солдатами, поговорить с ними, может, какая неправда наружу вылезет. Через это и генералу профит: заботливый командир – отец родной, за таким в огонь и в воду. Слышу, генерал совсем рядом, за спиной с бойцами беседует. Солдат знает, как и что отвечать начальнику. Отовсюду молодецкие, бодрые ответы, по душе дивизионному, голос у него благодушный, отеческий. Только вдруг видит – солдат спиной стоит, в струнку не вытягивается, честь не отдает. Остановился, спрашивает: «Кто такой?» Рапортую, что рядовой Иванов, нахожусь в карауле, имею задачу обзирать предполье перед линией обороны. Генералу такой заспинный разговор, видеть, не по душе.

– Скажи, рядовой Иванов, а автомат у тебя чистый?

– Так точно, – отвечаю.

– Дай-ка проверю.

Как отказать генералу? Снимаю автомат с плеча и, не оборачиваясь в соответствии с приказом ротного, протягиваю оружие начальнику. Тут уж он не выдержал, взревел грозным голосом:

– Смотрите, товарищи офицеры, что за бойцы, первому встречному оружие отдают.

Конечно, был он не первым встречным, а родным отцом всей дивизии, но я-то в лицо его не видел через спину, любой мог генералом назваться. Ушел комдив, сразу ротный прибежал – белее бумаги, весь тряский, как в лихорадке и давай на меня орать. Хотел он как лучше, а получилось наоборот. Правда, особых последствий эта история не имела, но солда-

там запомнилась, долго смеялись, прозвали меня Серегой Впередсмотрящим.

Боевую службу наравне со всеми прошел по полной программе: в атаки ходил, дрался в рукопашном бою, держал оборону, имел ранения. Много в памяти осело боевых эпизодов, а один, особенный, часто во сне вижу, душу тягость охватывает, и все из-за немца, которого мог в бою убить, но не убил и все же из-за меня последний Богу душу отдал.

Как-то в наступлении наша рота с боем взяла деревню, которую следовало очистить от прятавшихся немцев. С автоматом на взводе осматриваю одинокую избу, что стояла на отшибе. Осторожно крадусь вдоль стены. На войне реакция первое дело, чуть задержался, не спустил курок вовремя, и ты покойник, потому что стоящий напротив враг тоже жить хочет, и выбора у обоих нет. Такова страшная логика войны. Солдат обычно палит по направлению, летят выпущенные им пули туда, где противник засел, а зацепят ли они кого-нибудь, никто, кроме Бога, не ведает.

Совсем другое дело, когда сойдутся два человека лоб в лоб, посмотрят друг другу в глаза и кому-то первому нужно выстрелить. Это самая сложная и мучительная ситуация. С одной стороны, нет времени для раздумий, с другой – стоит перед тобой хоть и враг, но человек. Вот и я, как завернул за угол избы, так и столкнулся лоб в лоб с высоченным немцем. Стоим друг против друга, упираемся стволами автоматов в грудь, а руки дрожат, я трясусь, и немец трясется, хоть он меня просто кулаком мог свалить. В конце концов бросил немец автомат, у меня враз на душе полегчало, никак, без крови обошлись, показываю ему – ремень сними. Это чтоб не сбежал, когда поведу на сборный пункт военнопленных. Тут я оплошку дал, доверился ефрейтору Прокофьеву, тот в аккурат в тыл направлялся.

– Ты, Иванов, чего там с немцем возишься?

– Вот, добровольно сдался, хочу сопроводить.

– Давай доведу, не сумлевайся, сдам в лучшем виде.

Я и поверил, передал ему пленного, а он его за избой и прикончил. Сколько лет прошло, а не забыть, разумом понимаю – война, но душа саднит, не сберег человеческую жизнь, а мог.

**Владимир
Иосифович
БЕРЕЗОВСКИЙ,**

журналист

*ИЗ ЦИКЛА
«ВETERАНЫ ПЯТОЙ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ»*

«ВОТ ПУЛЯ ПРОЛЕТЕЛА...»

Юлиан Юлианович Падусеп остался в Великом Новгороде одним из последних партизан легендарной Ленинградской Пятой партизанской бригады.

Попал в неё ещё мальчишкой, когда убежал в лес от фашистов. Бродил по болотам и тут наткнулся на группу партизан, идущую на задание. Сунули шашку тола в руки и забрали с собой на подрыв моста...

Так и стал шестнадцатилетний парень партизаном. Правда, признали справкой о его участии в партизанском движении, только когда исполнилось восемнадцать лет, в сорок третьем. А в сорок четвёртом, после прекращения партизанских действий на новгородской земле был призван в артиллерию, наблюдателем, а потом и начальником радиостанции стал. А это значит, как и в партизанах был на переднем крае под огнём врага, так и на армейской службе – нос к носу с врагом. Вот и при взятии Выборга оказался с группой разведчиков почти у линии вражеских окопов для корректировки гаубичного огня своей части. Но финны заметили группу и открыли ураганный огонь. Прикрыл голову руками, в правую и попала первая пуля. Затем в спину... финны пошли на захват. Пришлось вызывать огонь на себя. Когда взметнулись фонтаны земли к небу, не надеясь уже выжить, встал и пошёл... Ещё две пули так и получил, как говорят о пережитом гриппе, – «на но-

гах». Но до своих дошёл и только при перевязке потерял сознание.

– Крепкий, – сказал комбат и отправил в тыл... опять «своим ходом», только ползком:

– Смотри головы не поднимай! А то будет тебе пятая...

Наступление на Выборг было скоротечным, операция по его освобождению длилась всего 10 дней. И до раненых наступающим было недосуг. Перестал ползти в каком-то болоте. И опять потерял сознание. Очнулся, когда похоронная команда тащила его за ноги к волокушам... И хорошо, а то притащили бы не в санбат, а до места сбора отвоёвавшихся героев.

От ранений остались огромные шрамы, инвалидность и память. Служить пришлось ещё и после войны. И где было легче: в бою или в палатке на ветру Сахалина, сегодня и не скажет Юлиан, но пятая пуля так его и не нашла.

ВРАТА

Бледную глину измятых болезнью щёк расчертили солёные дорожки высохших слёз. Аннушка умерла ночью, и кристаллики соли, льдинками мерца в лунном свете, разлетались сквозь освободившийся от одеяла стеклянный глаз градусника по изъеденному мокрой тряпкой полу, оббитым каталками стенам, а затем таяли в ближнем к изголовью Аннушкиной кровати углу, до черноты вылизанном липкими языками скрученно-го в дугу фикуса.

Утром – стереть пыль с кроватных дужек, засыпать мусором фикусный провал и пробить шваброй по больничным койкам «подъём» – пришла толстая баба с вонючим ведром. Покочегарив под кроватью, баба уставилась на Аннушку.

– Светка! А, Светка! – проорала в глубь коридорного двора минутой позже.

Одеяла на соседних койках зашевелились, но голов не отпустили, налились синими нитками вспоротых тряпичных жил, застыли скрученными буграми протёртых желваков.

– Светка, сучка, что ж ты градусники не собрала!

Один из бугорков разгладился, и на свет появилась медицинская трубочка запечатанной ртути. Только расчерчивая на полосы лицо, заспанная санитарка прошла мимо, остановилась возле бабы:

– А тебе-то что? Главврач что ли? – и насторожилась. – Во, чёрт!..

– Чёрт, чёрт, тебя чтоб черти побрали. Штук десять расфиндочила... – вновь зашуровала шваброй баба.

Светка вытащила у Аннушки градусник, прикрыла ее простыней.

– ...А мне потом убирай, – баба перешла к другой койке. – Вези давай до хозяина...

...Цепляясь за каждый этаж и натужно скрипя, лифт опустил на ржавые пружины. Светка, навалившись животом на каталку, воткнула её за разбежавшиеся двери в обшитый красными пятнами дежурных ламп подвал, застопорила кабину, оставляя белый прямоугольник опущенного под землю света.

– Пусти лифт, – рыгнулось из подвальной собачьей глотки.

«Жди», – Светка распяла руки в распахнутые створки.

– Лифт пусти, кому говорю! – ударил в лицо запах разжёванной котлеты. – Клиенты ждут.

Выпавший из темноты мужик в синем халате, возвращая оставленное на стёганом матрасе лицо, то тёр ладонью прошитые ровными стежками скулы, то растягивал жирные губы тыльной её стороной.

– Отправляй, говорю, обратно. Не стопори подачу.

– Уже спотыкаюсь, – ещё крепче вжала руки в холодный металл санитарка.

– Ладно, – неожиданно скоро согласился страж анатомички. – Из лёгочного что ли?

Светка, кивнув, опустила руки.

– Чего померла?

– От лёгких и померла. От тяжёлых-то –дохнут. Вот безнадрыву и померла, только всё таблеточек просила. Ну дела

пряма, как оса. А к чему? Всяк померла легко, никто и не заметил. Даже градусник не разбила...

Растирая коленками в зелёную кровь подорожник, оставляя на мышинном сукне густые мазки с воронёных ваксой щёк, Аннушка обнимала ефрейторские ноги, роняла на волглые сапоги слёзы. И они пропадали в тёмных горловинах голенищ, взрастивших на гладких деревянных стеблях консервированную смерть, топили высыпавшуюся на землю неожиданным снегом соль.

– Паф-паф будем, деффочка, – взнуданный, с переброшенным через шею автоматным ремнем, ефрейтор спешил из Аннушкиных объятий.

Ему вторил, перебрасывая австрийскую винтовку с плеча на плечо, солдат со сведёнными тоской бровями:

– Паф-паф... паф.

– Отпустите, родненькие, – соль пожелтела от прибывшей влаги. Ефрейтор брезгливо отвернул лицо, забился рыбой в слабеющем охвате.

– Партизан, очень плёхо, – прошипел в сторону.

– Пустите, – Аннушка безысходно разжала руки, сомлевшей свечой оплыла на землю. Тут же допущенная к делу рифлёная глубоким рисунком подошва с хрустом примяла белый холмик, чтобы через мгновение выстрелить снежным зарядом в летнюю зелень.

Усердно работая гастрономом, ефрейтор безнадежно пересолил заправленный пылью придорожный салат из одуванчиков. Засмотрелся на поседевшую зелень, напомнившую ему Мекленбургское лето с подсолённым папоротником на палаточной парусине, белым морским песком, привезённым под строевые на лагерный плац и утрамбованным сотнями ребячьих ног...

– Komm, komm, – прогнавший тоску солдат подоткнул под локоть замученно провисшую на ремне винтовку, согнулся

над Аннушкой. Прозвенел автоматной упряжью и ефрейтор, очнувшись от воспоминаний.

– Простите, – сжалась в комочек девочка, но оставив надежду:

«...Милостив буди мне, – прошептала, открывшись под рукой с белым солдатским перстнем, – Господи».

– Main Gott! – вновь звякнувшая автоматная узда отвела в сторону ослабшую вдруг руку, и ефрейторское «вставайт» оборвалось: «Main Gott!», – обомлел и он, в поклоне опустился на колени, робея, провел пальцами по детской головке, опущённой седой пылью, не собрав и толики её, отдёрнул руку.

– Main Gott!

Окрепнув проронённым словом, Аннушка отняла от земли голову – стыдливо упирая лопатки в военное сукно, патруль пропадал на дороге. Вослед ему, выбивая фонтанчики пыли, выпустил пристрелочную очередь упавший на землю дождь.

Сбережённые широкими ладонями подорожника крупинки соли кротко таяли в пролившихся с неба каплях, исходили солёными ручейками по линиям судьбы глубоких прожилок.

– За что, Господи? – Аннушка подняла к дождю лицо. – Господи, за что...

Косая Батькова землянка, в мазутной пропитке шпального сруба, раздвигая косой крышей куски болотного дёрна, лезла из земли треснувшей свёклой.

– Куда прёшь? – Затягивая на животе штаны, остановил Аннушку в разломе двери обросший дерюжной щетиной мужик. На голос из бурой завеси разлома оправленное золотом волос выглянуло женское лицо...

– Куда валишься, тебя спрашивают! Или сполоумела?..

В наспех схваченном трофейным ремнем, с «Gottmituns» на круглой бляхе, кургузом пиджаке, небритый мужик мало напоминал командира – Батька. Скорее нашкодивший школьник-переросток, озираясь и поминутно поддёргивая штаны без единой пуговицы, еле удерживаемые веревкой, за-

цепившейся за жёлтую грыжу кальсон, вытолкал Аннушку наружу.

– Во-кот, – кого не ждали, того не ждали? Эй, мать, дочка пришла, – не оборачиваясь, в землянку отрапортовал мужик и, уже не строжась, продолжил для Аннушки:

– Пришла, значит, во-кот, – вновь комкая своё «вот так вот», зацепился пронырливым взглядом за скомканный Аннушкой мешок, остановил "брючной" тик.

– Доставай, что снесла.

– Соль... – Аннушка, бессильная обмануться Батьковой улыбкой, попятилась к сосне.

– Ну, давай, давай, своё яичко, курочка-несушка.

Обдирая скомканным кулачком сухую кору, Аннушка пропустила за спину руку, прижалась к стволу.

– Ну, что жмётся, чай, не жених. Давай, говорю, продукт.

– Вот... – Аннушка протянула раскрытую ладонь.

– Что вот-хоровод. Соль где?

Заневоленный подорожник, почуяв слабину, раскрылся в ладони переплётном белых жил.

– Не донесла! Не до-не-сла!!! – с завыванием обрушился вмиг озверевший Батька. Сорвал с Аннушкиной головы платок, размахнулся, обратив его в кнут, и лишь для новой силы задержал на излёте руку.

Аннушка молча упала на колени. Лицо, всё это время наблюдавшее из дверной трещины происходящее, ушло под землю...

– Просила, говоришь? – мужик юркнул за Светку, прижал кнопку...

– Так, просила или просто – плакала? – голодный Люцифер отпустил кнопку лифта и вдарил колокольным басом по залитому печным заревом коридору.

– Ха-ха, у вас, чертей, разве допросишься?

– Сам чёрт, – Светка отпрянула к запахнувшимся створкам, тыча пяткой в плотно сжатые металлические губы. – Открывай!

– Отвезёшь-поедешь. – Мужик вновь прилепил ладонь к панели вызова, скривил в ухмылке рот.

«Зараза», – Светка выжала солёную хлябь из резиновых ручек, толкнула каталку под красный свет. Оставляя на белой плитке котлетные крошки, мужик в синем халате шагнул за нею.

– Вот я и говорю, всё б вам задом вертеть. А дело делать? Носить-катать, а? Небось, ещё и не раздела?

В пламени ламп синий халат почернел, исчез без белого света вместе с телом, и только обожжённое похотью лицо да красные руки придвинулись к Светке.

– Не лапай – будешь косолапый, – Светка вырвалась из повисших в воздухе обрубков, и в игре молодого тела каталка отскочила к стене – густой гром пустого железа прошёлся по коридору.

– Поворачивай, приехали, – откатился по рельсу стальной лист.

Зал с длинными рядами глубоких стеллажей, составленных из прорезанных вдоль дождевых бочек, окропляла одна жёлтая лампа в жестяном зонтике абажура. Выпускающая тягучую желчь по тряпичным жилам, прямо под ними на брусковом столе, обтянутом детской клеенкой, издыхало набитое ветошью ведро с туалетным клистиром.

– Вот туда, краешку, – помянув взглядом податливую Светкину грудь, обретший тело Люцифер обогнал замешкавшуюся санитарку. – Для кого цветёшь как не для нас!

– Дурак, – бросила каталку.

Мужик перехватил её, направил к ближайшему стеллажу с вывернутой гайкой бочечного слива.

– На лёд положи, – вдруг заупрямилась Светка.

– На кой, и так сойдёт. – Мужик потянул Аннушку в пустую бочку.

– На лёд, – огрубев голосом, Светка схватилась за простыню, та поползла, подставляя Аннушкино лицо жёлтой лампе. – Я же сказала...

– Да фиг с тобой, – мужик испуганно оставил Аннушку в покое, потащился проходом в дальний угол зала, пиная труб-

чатые стояки. – Льда не видала... Что ей, от этого легче станет?
Да и не развернёшься тут. Повезёшь?

– Повезу.

Светка взялась за каталку, но, передумав, подняла высохшее тельце, прижала к груди.

– Во, дура!.. Как родную, обняла, метра ведь не снёшь...

– Донесу, не тебе учить.

Мужик шагнул к Светке, протянул руки:

– Давай, что ли, вместе...

**Леонид
Иванович
ВОРОБЬЕВ**

Член союза писателей РСФСР
(1932–1976)

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Мужиков в Лепёшкине осталось совсем ничего, одни бракованные, да и тех – раз, два и обчелся. И среди них самыми необходимыми для всего села были дядя Миша и Степушка Косолапый.

И оба терпеть друг друга не могли.

Степушка Косолапый работал секретарем сельсовета. Был он политически грамотен, как он полагал, и людей, по его мнению, политически незрелых, отсталых, критиковал при каждом удобном случае со всей беспощадностью, не стесняясь, прямо в глаза. И вообще был любителем выступать по любому поводу и без повода.

Косолапым он остался с рождения: ступни ног росли у него повернутыми внутрь, навстречу друг другу, и когда он шагал, впрочем, довольно бойко, переносил одну ступню через другую, похоже было, что он играет в детскую игру, в «ножки-заплеталки».

А дядя Миша был для него не только образчиком политического недомыслия, но еще и человеком, который, по глубокому убеждению Степушки, многое делает на-поперек советской власти. Той власти, без которой Степушка себя не мыслил, и одним из главных представителей которой в Лепёшкине являлся именно он.

Жизнь дяди Миши, судьба его была достойна большого повествования, хотя он не очень распространялся о своем прошлом, и для односельчан было в его жизни немало темных

мест, немало загадочного. Столяр-краснодеревщик – единственный такого рода специалист в огромной округе, он учился сложному ремеслу в Петербурге, и уж если о чем и рассказывал, подвыпив, так о своем хозяине-учителе, который его нещадно лупцевал. А рассказывал дядя Миша об этом очень серьезно, с большим уважением к хозяину и даже, казалось, с некоторым одобрением.

Побывал он и за границей, в Германии. Не по своей, правда, воле: попал в первую мировую войну в плен. И там он занимался не простой работой, а редким своим ремеслом.

Ну, как же мог Степушка относиться к такому человеку, который с уважением говорил об изверге и эксплуататоре, своем хозяине, который болтался по заграницам и якшался с немцами и который, вернувшись в родное и любимое свое Лепёшкино, нипочем не согласился вступить в колхоз, а остался единоличником?

Теперь дядя Миша уже работал столяром в сельскохозяйственном техникуме. Невелико Лепёшкино, но с одной стороны оно увеличено территорией техникума, с другой – территорией конезавода. Точнее говоря, столяром он только числился, а заниматься приходилось всем, чем только возможно, от кровельных работ до ремонта обуви. Дядя Миша все мог и все умел, а остальные мужчины были взяты в армию и воевали. Дядю Мишу не взяли по возрасту и болезням. Забраковали, разумеется, и Степушку.

И ко всему прочему были они ещё и соседями, как там у нас говорят – шабрами.

Так вот и поживали они, перекоряясь и споря друг с другом почти ежедневно. Но работали оба, прямо скажем, лошадиному.

Пропало бы Лепёшкино без них.

Стоит ли говорить, сколько работы выпадает на женскую долю и сколько прибавилось её в военные годы! И всё же не обойдёшься в деревне хотя бы без завалящего мужичонки. Сплошная беда. Ни косу отбить, ни плотницкой работы не сделать, ни печку перекласть... Вот и были дяди Мишины и Сте-

пушкины руки так необходимы в каждом хозяйстве. А руки, надо сказать, у обоих были золотыми.

Ещё только заря проклонется над Лепёшкиным, а оба этих мужичка уже на ногах. И до поздней ночи в трудах. Без них стекла не вставить, двора не поправить, валенок не подшить. Крестьянствуют, плотничают, шорничают. Чинят, подправляют, хоть временно, да поддерживают. То падает, другое ломается. Шибко спохитилось Лепёшкино в войну, шибко постарело.

Степушка и в сельсовете-то почти не бывал. И председательша его не ругала: видела, не бездельничает мужик, не шляется, помогает всему селу. И большую часть сельсоветской работы делала за него сама.

Никакой платы оба не брали. Нет, ни тот, ни другой бессребрениками не были. Однако, что возьмешь в такую лихую годину со своих лепешкинцев? А вот угощать их угощали, чем могли. И каждый старался получше. О водке, конечно, и речи не было, где её взять. Но у кого и самогонишко находился, бражка там или пиво деревенское. В войну у нас в Лепешкине с хлебом не так уж бедствовали. И на трудодни все же немного доставалось. А хозяйки рады были помощи безотказных мужиков и тоже старались для них. Те от угощения не отказывались, хотя помногу никогда не пили.

Вот иной раз и идут домой шабры под хмельком! Такое время тяжёлое, так сплотило оно сельчан, а они идут и ругмя ругаются. Ведь намотались за день, еле домой бредут. И выпили понемногу. Казалось, самыми бы дружными должны быть. А они лаются.

И всё потому, что Степушка учить начинает. С корнем решил он ликвидировать Мишину несознательность. И начнет он заковыристые вопросы о текущем моменте и о политике задавать.

Молчит дядя Миша. Презрительно молчит и в сторону смотрит. Терпит, терпит. А Степушка ковыряет его да ковыряет. И взорвётся, наконец, дядя Миша. А тихо говорить он не может, сразу срывается на крик. И пойдет шум на всё село.

Но бывало, что начинал дядя Миша. И выводил он Стёпушку из себя по-особому.

Дело в том, что дядя Миша пел.

И мог он петь прямо с нотного листа. Моя мать – преподавательница музыки – очень уважала дядю Мишу за это. У неё было небольшое специальное образование, но вот петь с листа она не могла. А он мог.

Как уж их там учили? В Петербурге дядя Миша пел в церковном хоре. Может, так же учили, как приобщал его хозяин к столярному искусству, да вот выучили...

Мать настолько уважала дядю Мишу, что не без труда упростила его поучить меня. Не петь, разумеется, а столярничать. И здесь стоит сказать, как я познакомился со столяром поближе и как делал у него табуретку.

Эту табуретку я забуду только тогда, когда навсегда успокоюсь на кладбище. Ни один рассказ мне потом так туго не дался. И не потому, что я оказался бездарным на ремесло столяра. Разные попадались мне редакторы, но не дай бог ещё раз в жизни попасться такому редактору, как дядя Миша.

Ножек этих – для одной-то табуретки – я сделал штук сто. И все дядя Миша беспощадно браковал. Он, видимо решил учить меня, как учили его. И хотя не рукоприкладствовал, но, в прямом смысле, тыкал в нос моим очередным изделием.

– Ты чего это наколбасил! – кричал он, а голос у него был, хотя и стариковский, с хрипотцой, но высокий и пронзительный.

– Повтори, какой нужен был тебе инструмент?

– Рейсмус, угольник, рубанок, фуганок, – дрожащим голосом повторял я, наверное, в сотый раз.

– Фуганок! Колун тебе нужен, дубина стоеросовая! У тебя что? Один глаз на нас, другой – в Арзамас? Ты угольник-то приложи. Приложи ты его!

Ножка всё ближе придвигалась к моему лицу, и из соображений безопасности мне приходилось отклоняться и отклоняться в сторону.

– Не верти башкой. Рубанок ему! До рубанка – есть шерхебель. Ясно? Попорть ещё инструмент у меня.

А инструмент у дяди Миши был знаменитый, редкий инструмент, с редкими клеймами. По тем временам, да и по нынешним, не было ему цены. Прежде всего столяр заставил меня выучить все до одного названия инструментов. Возможно, по-книжному они звучат и не так: ни тогда, ни после я книг по этим вопросам не читал, но дядимишину науку запомнил хорошо. До сих пор могу перечислить, в каком порядке всё лежало и висело в столярке. От калёвок, кругланков, отборников до лучковых пил всех назначений и размеров. И всегда у дяди Миши всё было в идеальном порядке.

Я, конечно, не выдержал и сбежал с этой учебы. Но зато дядя Миша хоть одному да научил меня: преодолевать физическую боль, что немало значит для подростка. Как-то нам пришлось выбивать из передка телеги заржавевший шкворень: всё приходилось делать краснодеревщику, кроме основной работы. Никто в те годы не заказывал ему шкатулок и мебели.

Так вот, выбивали мы шкворень из перевернутой телеги. Дядя Миша поддерживал передок одной рукой с одной стороны и лупил обухом старого топора по шкворню. А я держал телегу на весу с другой стороны. И хотя была она без колес и не тяжела, каждый удар дробно отзывался и в ручонках моих, и во всём теле. Я не выдержал и заохал. А дядя Миша, как обычно, раскипятился и закричал:

– Маменькино отродье! Что я тебе – гвоздь в ж... забиваю? Ишь, неженка!

И так всегда: прищемишь ли палец, порежешь ли руку – лучше не охай, не жалуйся. Только выругает как следует.

А ведь, в сущности, и потом я понял это – совсем не злой был человек. Даже добрый. Но такую он прошёл «школу», что его бесило и выводило из себя, когда, как он считал, «скулят по пустякам».

И сам никогда ни на что не жаловался. А был уже старым и работал с утра до ночи. Маялся с грыжей, с лёгкими было неладно, десяток других болезней имел. Сам худой и длинный. Не столько высокий, сколько казался таким из-за худобы. Лицо узкое, волосы всегда взъерошенные, расчёсывал их пя-

терней. И вечно не-снимаемые очки. Я иногда думал, что и спит он, наверное, в очках.

А Степушка, наоборот, был плотен, низковат, коротконог и скуласт. Глядел на собеседника чуть исподлобья, в упор, словно гипнотизируя своими темно-кариыми глазами, будто настойчиво изучал его, проверял на политическую зрелость.

Изводил же дядя Миша Степушку и, по-своему, мстил ему таким вот образом.

Здание техникума, высокое, изящное, стоявшее посреди изумительного парка, было памятником архитектуры – родовым имением Пашковых. Был там внутри дубовый зал, весь отделанный резными дубовыми украшениями, редкой красоты и мастерской работы дубовая лестница на второй этаж. Здесь, если приходилось что-либо подремонтировать, подклеить, отводил дядя Миша свою душу краснодеревщика. Однако основная работа ждала его не тут.

Здание приходило в ветхость. О капитальном ремонте в такое время и разговоров быть не могло. А вот мелкий ремонт – где подзалатать крышу, чтоб не текла, где что-то покрасить, прибить, починить – приходилось производить постоянно. Делал его дядя Миша и иногда пел.

Видится, как случившееся словно бы сегодня. Сидит дядя Миша в самодельной малярной люльке на уровне второго этажа, орудует кистью, а внизу стоит Степушка, случайно проходивший мимо. День великолепный: ранняя осень с радостными пока ещё красками. Парк пошумливает под небольшим ветерком, солнце сияет и освещает чёткие контуры бывшего барского особняка. Небо высоко и чисто. А дядя Миша бросает орлиный взор на Степушку и запеваёт. Далеко и звонко разносится стариковский тенорок:

– Богородице, дево, радуйся... Благословенна ты в женах...

– Фулиган! – кричит снизу взбешенный Степушка. – Прекрати сейчас же! Слезай, а не то стащу.

– И благословен плод чрева твоего! – соловьем разливается довольный дядя Миша.

– В район схожу! В органы пожалуюсь! – надрывается Степушка.

– Яко Спаса родила-а-а еси-и! – победно и торжественно звучит над округой.

– Отвесят тебе, что положено. За вредную пропаганду! – кричит Степушка.

А дядя Миша довольнешенек и задорно работает кистью...

Жаловался Степушка в район. Состоялся у него и недлинный разговор с участковым.

– Так ведь он не хулиганит, а поёт, – устало и примирительно говорил участковый, высокий мрачноватого вида мужчина.

– Поёт. А ты послушай, что он поёт? – азартно лез в бутылку Степушка. – Песни он поёт? Он молитвы поёт. Мы еле добились церкву закрыть, а он всю антирелигиозную работу с корнем подрывает. Его ведь молодёжь слушает.

– Так ведь он не матерные частушки поёт. И не Мурку там или про Соньку Золотую ручку, – вяло спорил участковый. – Церкви-то у нас вообще-то не запрещены.

– Во даёт, – кипятился Степушка. – А ты соображаешь момент? Рассуждения у тебя...

– А ну вас на... – говорил в конце концов участковый. – Надоели. Баламутите народ. И мне голову морочите, и людям.

Он уходил, уставший, замученный тяжёлым временем, работой, потрясенный гибелью двух сыновей. А Степушка разорялся вслед:

– И на тебя управу найду! В другие органы обращусь! Леригозника поддерживаешь, отсталый ты элемент...

Но наступил тот памятный для всего Лепёшкина день, когда дядя Миша понадобился Стёпушке. И тот, к удивлению всего села, обратился к своему шабру.

Радио в селе не было, приёмников тоже. Все новости узнавались по слухам и из газет, которых тогда на село приходило мало.

Но в сельсовет газеты, разумеется, шли, и Степушка, несмотря на вечную занятость, регулярно просматривал их. И в

этот день середины зимы он смотрел на газетную страницу и, зная необычную способность соседа, остро завидовал дяде Мише. В газете были напечатаны ноты и слова нового гимна.

Степушка повздыхал и отправился к моей матери. Дома у нас был инструмент, она проиграла ему мелодию и напела. Но для Стёпушки этого явно не доставало. И, повздыхав еще, он решительно пошел к соседу.

Разговор между ними состоялся на этот раз удивительно короткий. И без всяких взаимных оскорблений.

– Спеть сможешь? – спросил Степушка, протягивая газету.

Дядя Миша приподнял свои очки в самодельной и причудливой оправе, долго смотрел на Степушку, высматривая в выражении его лица подвох. Подвоха не увидел и сказал:

– Смогу.

– Спой, – попросил Степушка. Дядя Миша, как полагал гость, разыграл перед ним целый спектакль. Ходил с газетой по комнате, подвывал, бормотал что-то, то мычал, то поднимал голос. А потом откашлялся и запел:

– Союз нерушимый...

Он пел, а Степушка, сняв шапку, стоял и слушал. Возможно, силился вспомнить, как пела ему это моя мать. И сопоставить. Дослушал и сказал:

– Партийное задание тебе. Пошли.

Сказал так, что дядя Миша почувал что-то очень глубокое и торжественное в словах соседа. Увидел строгое и серьезное выражение его лица. И вдруг беспрекословно повиновался и пошёл.

Они оделись получше. Степушка сменил валенки на сапоги, которые сшил сам и которые очень берег, потому что сделаны они были так искусно, что несколько скрывали его недостаток и его странная походка не очень бросалась в глаза.

Сначала они пришли в техникум, в учительскую, где находились женщины – преподаватели и единственный мужчина – старенький агроном. Степушка вышел вперед и, как заправский конферансье, объявил:

– Попрошу, пожалуйста, встать. Сейчас будет исполнен новый наш гимн!

Дядя Миша пел, все стояли, а Степушка держал шапки, свою и соседа.

Затем они посетили учительскую нашей школы. Ребята столпились в коридоре, помалкивали и слушали, как из-за дверей учительской доносилось:

– Союз нерушимый...

Дальше их путь пролёг в контору конезавода. А под конец Степушка собрал нескольких сельчан в сельсовете и исполнение повторилось. И тут уже Степушка попытался подтягивать потихоньку дяде Мише.

А когда они остались вдвоём, Степушка стал просить дядю Мишу:

– Научи меня, пожалуйста!

Дядя Миша, разгоряченный явным успехом, окрылённый им, чувствуя себя героем дня, презрительно бросил:

– Учи тебя, козла... Как я тебя выучу, если у тебя медведь на ухо наступил. Только и умеешь – мораль читать.

– Научи, – слезно умолял Степушка. – Я выучу. Я «Интернационал» не хуже тебя спою. А знаешь, сколько учил? Убьюсь, а выучу! Помоги, навек другом будешь...

А к вечеру они раздобыли выпить.

Мёл и морозил январь. И село было тёмным: берегли дорогой, бесценный керосин. А двое, ставшие за день почти друзьями, бродили по сугробам и срывали остатки голосов.

И до поздней ночи то на одном конце села, то на другом слышалось:

– Сла-авься, отечество, на-аше свободное.

То тут, то там возникало и гулко раздавалось в ночи:

– Сплотила навеки великая Ру-усь!

– Сла-авься...

А женщины, сидевшие на беседках друг у друга, собиравшиеся по вечерам, чтобы не было очень уж тоскливо и одиноко, судачили обо всех своих малых радостях и больших горестях, прислушивались и говорили:

– Разгулялись наши мужички.

– Пусть их погуляют...

А тётка Матрёна Офицерова, самый главный выразитель лепёшкинского общественного мнения, подумала и веско сказала:

– И ладно, что помирились. А чего им делить? Оба несчастненькие...

**Александр
Алексеевич
КОЧЕВНИК**

*Новгородский фотограф,
фотожурналист,
член Союза писателей России*

ЦЕНА ОРДЕНА

Сын вернулся с занятий из школы домой и сразу стал помогать отцу, у которого сегодня был день рождения. Семейный праздник выдался на субботу. Имениннику повезло – этот день оказался свободным, и было время подготовиться и отметить дату день в день, без переноса на выходной. К приходу мамы было почти всё готово. Из двух столов составлен один большой стол для взрослых. Диван передвинут с привычного места, чтобы был простор, где расположился маленький столик для детской части компании. После трапезы его можно быстро убрать, освободив место для танцев под аккордеон, баян, гитару или пианино. Были расставлены разношёрстные стулья, позаимствованные у соседей, потому что общее количество гостей ожидалось около двух десятков. А в обыденной жизни иметь столько мебели не было необходимости.

Пришла с работы радостная мама и стала расставлять яства. Появились первые гости. Мужчины степенно вели дискуссии на глобальные темы, а женщины сразу включались в хлопоты на кухне, каждая добавляла свою лепту в виде салатов, пирогов, тортов, потому что все праздники устраивались в складчину и таким образом собирался роскошный стол. В центре стола стояли две бутылки – водка и вино. В то время уровень радости от праздника определялся количеством песен, танцев и вкусовыми качествами самоприготовленных яств, а не количеством выпитого спиртного. Главное было веселье, а не

отрыжка, хотя обилие и разнообразие блюд было закономерным – древняя русская традиция!

К назначенному времени все были в сборе. Обычно первое слово брал Фёдор Александрович – в компании старший по возрасту. Но сегодня традицию нарушил Александр Васильевич. Извинившись, он предупредил, что через полтора часа должен отбыть в командировку, но ему хочется получить удовольствие вместе со всеми. Он извлёк свой подарок – новую пластинку. Все с интересом стали слушать. Из проигрывателя зазвучало:

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда.
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда...

Лица гостей посерьёзнили. Все были фронтовиками. В тишине продолжалось:

Мы не забудем, не забудем
Атаки яростные те
У незнакомого посёлка
На безымянной высоте...

По отрешённым взглядам было видно, что в мыслях все отлетели каждый в своё далёкое прошлое – больше десятка лет. Спокойный голос певца и распевная мелодия вернули их в трудную молодость:

Их оставалось только трое
Из восемнадцати ребят...

Папа встал, видимо, хотел выйти, но не стал беспокоить тесно сидевших гостей. Опять сел.

Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте.
У незнакомого посёлка,
На безымянной высоте.

Затихла песня. Проигрыватель, громко щёлкнув, остановился. Отец сидел потупившись. По его щекам текли слёзы. Сын сидел потрясённый. Его большой, сильный папа, и вдруг плакал. Женщины слёз не стеснялись. Александр Васильевич попытался подбодрить друга:

– Ну что ты Алексей?

Папа, неловко смахнув слёзы, сказал:

– Друзья, ведь эта песня про моих ребят. Из девяносто человек нас уцелело четверо... А потом мне орден дали – Красной Звезды.

Отца стали просить, чтобы он рассказал, как это было. Он смущённо отказывался...

Слово взял Фёдор Александрович и провозгласил тост:

– За друзей! Которые – лежать остались в темноте!

Стоя, молча выпили, и Фёдор Александрович как-то мягко приказал:

– Расскажи, Лёша!

И началось не очень складное повествование, изобилующее именами, точными названиями населённых пунктов и паузами...

В моём пересказе восстановить всё я уже не смогу. Для меня эти детали тогда не имели значения.

...Однажды, солнечным осенним утром молодой лейтенант получил в своё распоряжение девяносто кавалеристов-новобранцев и приказ – отбыть пешим ходом в населённый пункт километрах в тридцати от основной базы. Получить там 300 голов коней, укомплектованных сбруей и весь табун пригнать в расположение эскадрона. Выглядело это несложно. Действительно, за 8–9 часов светового дня можно свободно успеть и туда, и обратно. Но задание усложнялось тем, что лейтенант должен одновременно доставить туда некий секретный пакет. Кавалеристы были давно готовы к походу, а пакета всё не было. Время затянулось сначала до двенадцати, потом до пятнадцати часов...

Наконец, молодой командир получил конверт, запечатанный пятью сургучными печатями. Около шести часов вечера без малого сотня двадцатилетних парней выступила в поход. Они предполагали лёгкий марш, как прогулку. Им даже приказали оставить в части всё оружие, чтобы не мешало. Новобранцы были рады тому, что они смогут самостоятельно выбрать себе коней для дальнейшей службы. А это большая привилегия.

Во всю силу молодецких лёгких гаркнули строевую песню, и колонна двинулась в путь вслед заходящему солнцу, к виднеющимся на горизонте карпатским горам. Скоро строевой шаг сменился более экономным – походным. Без песен, но так же энергично колонна продолжала путь. Солдаты переговаривались между собой. Местами слышался смех. Дорога начала петлять вдоль бурной речки, почти повторяя её повороты среди лесистых взгорков Карпат, становившихся всё круче. Вдруг, в наступающих сумерках впереди послышался неясный гул моторов. Слева от дороги простиралось небольшое открытое поле. Справа, в низине, высокорослый густой кустарник, далее угадывался шум бурной речки. Лейтенант на всякий случай из осторожности тихо передал по колонне команду – «Укрыться в кустарнике!» Колонна мгновенно «растворилась» в ложине.

Гул перерос в зловещий незнакомый рокот. На фоне шума множества автомобильных моторов стал различаться мотоциклетный стрёкот. По дороге не спеша проехали мотоциклы с автоматчиками. И далее, из-за поворота, показалась колонна фашистских машин.

Кавалеристы замерли в оцепенении. В потёмках было трудно пересчитывать машины, но все поняли – их много! Девяносто полных сил защитников Родины ясно сознавали, что многократно превосходящим врагам, вооруженным автоматами противопоставить нечего, кроме нескольких ножей и одного пистолета лейтенанта. Решили переждать, пока колонна пройдёт, а там видно будет. Оказалось, колонна и не собиралась проходить. Немцы остановились и стали деловито разбивать лагерь на другой стороне дороги.

Эх, если бы было оружие и боеприпасы! А так, бойцы, сжав зубы от досады, были вынуждены затаиться, как мыши.

На рассвете все осознали, что находятся в западне, из которой не только нет выхода, а даже носа не высунуть. Вдобавок этот... секретный пакет. Обнаружить себя нельзя. Не дай Бог, если он попадёт в руки фашистов.

Решили переждать день... или там два, пока немцы уйдут. Благо густые кроны кустов надёжно скрывали от вражеского глаза, и погода стояла теплая, и воды вдоволь, и доступ к

ней относительно безопасен. Вдобавок немцы не проявляли интереса к изолированной ложине у них под носом. Дальше всё просматривалось на несколько километров в обе стороны, а противоположный заросший берег опускался к воде отвесными скалами.

На второй день начал донимать голод. Сухой паёк большинством солдат был съеден в первую же ночь. На третий день голод был уже нестерпим. Все, как кроты, были заняты поиском корней и съедобных растений. Через неделю не вызывали брезгливости ни лягушки, ни ужи, ни ящерицы, ни мыши, а дальше черви и насекомые. Раздражительность сменилась тупой меланхолией. Люди слабели прямо на глазах. По утрам донимал сырой холод. Многие простудились, и скрывать кашель помогал только круглосуточный шум бурной реки.

Немцы и не собирались покидать насиженное местечко. Даже оборудовали в пределах видимости две огневые точки.

Молодой офицер принял решение захоронить пакет и, была не была, массой пробиваться к своим. Но где находятся свои? Далеко ли? Близко ли? За всё время, пока они сидели в «мышеловке», не слышали ни выстрелов, ни гула передовой. Повисло какое-то затишье. Только постоянный шум надоевшей реки.

Командир объявил свой план личному составу, посвятив в тайну наличия секретного пакета только несколько человек. С предосторожностями закопали документы. Запомнили ориентиры и подготовились к броску.

Появилась определённая уверенность. Бойцы собрались, исчезла раздражительность. Вооружились кто дубиной, кто камнями... ведь никому не хотелось потерять жизнь, как барану на бойне, хотя с дубиной против автомата – так и было. Надежда была только на внезапность.

Наступило время «Ч». Общаясь знаками и прикосновениями, насколько могли бесшумно, двинулись всей массой. Когда приблизились к огневой точке, часовой почувствовал непонятное движение у себя в тылу. Забеспокоившись, сначала окликнул в темноту, затем осветил фонарём. Увидев тёмную молчаливую толпу, завизжал от ужаса и, не успев открыть

огонь, упал, сражённый двумя выстрелами лейтенанта. С дальней огневой точки слышались очереди, которые не причинили вреда. Бойцы, уже не заботясь о тишине, бегом ринулись на свободу.

Радость оказалась преждевременной. За поворотом на встречу им вспыхнули прожектора и ударили пулемёты двух огневых точек, о которых они не подозревали. Солдаты заматались, но кто-то прихватил автомат убитого постового и очередями ловко, один за другим погасил прожекторы. Пулемёты строчили в темноту, но вслепую уже не наносили такого урона. Оставшиеся бойцы проскочили второй огневой рубеж. Не чувствуя преследования, кавалеристы собрались вместе. Беглая переключка показала, что больше половины бойцов уцелело. Опасаясь погони, сразу тронулись в путь. Отчаянно горевать о потере своих друзей было некогда и нельзя. Нестройная колонна двинулась на восток, где небо уже начинало светиться. Карпаты были позади.

Шли настолько быстро, насколько позволяла перенесённая голодуха. Проблемы добавились. Теперь раненые чувствовали себя всё хуже. Сгоряча думали, что пустыки, а теперь быстро теряли силы. Боясь опять нарваться на засаду, старались не шуметь. Вдруг из темноты громко прозвучало:

– Хальт!!!

Все остановились как вкопанные. Прозвучало несколько беспорядочных выстрелов. Беглецы бросились врассыпную, а счастливцев, прихвативший оружие постового, ответил очередью. На стрёкот немецкого автомата взметнулся шквальный огонь. Лейтенант понял, что они нарвались на наши передовые части. Он стал кричать, мол, «Не стреляйте! Свои!» Но кто там, в шуме боя, услышал? Тогда выбрав участок, где стреляли меньше, он под пулями пополз в обход. Стрельба время от времени ослабевала, но при малейшем движении шквал возобновлялся с новой силой. Офицеру удалось-таки незамеченным пробраться к окопам, но как только он сполз в траншею, едва увернулся от удара прикладом, и крикнул нападавшему сержанту:

– Свои! Веди к командиру! – и тут же в глазах сверкну-

ло, и он повалился от удара по голове сзади...

Очнулся он в землянке, где солдаты виновато потчевали чаем его троих уцелевших кавалеристов. От них он узнал, что осталось их всего четыре человека – сержант, два рядовых и он сам. В ожидании начальства, сквозь внезапно подступившую дремоту, они слушали рассказ, как пехотинцы, разбуженные ночью дальней стрельбой на той стороне фронта, в боевой готовности стали ожидать развития событий. От разведчиков поступило сообщение, что в их сторону скрытно движется колонна немцев человек двести-триста. Подумали, что это психическая атака после долгого затишья. Подпустили ближе. Один знаток немецкого языка скомандовал «Хальт!» А когда в ответ прозвучала очередь шмайсера, Тут уж ударили по этим «фашистским гадам» со всей силой...

Прибыли офицеры СМЕРШа, забрали возвращенцев и увезли в тыл. Там их разделили поодиночке, и начались допросы. Несколько дней лейтенанта вызывали многократно в сутки и приказывали вновь и вновь писать свои показания от начала и до конца, одно и то же. Найдя разночтения в деталях, «уличали» в ошибках. Вели себя резко, напористо, не нянчились, но и не били. Через четыре дня среди ночи послышался гул далёкой артиллерийской канонады. К утру всё стихло. После обеда четверых мучеников вывели на белый свет. Лейтенант с трудом узнал в побритых, осунувшихся подростках своих подчинённых. Их всех вместе, под конвоем, посадили в крытую машину и повезли, запретив разговаривать между собой. Глядя на хмурые лица конвоиров, у лейтенанта мелькнула мысль:

– Ну, вот и всё!

Однако через полчаса появилась надежда. Если расстреливать, то не повезли бы так далеко. Через узкие щели под тентовой крышей по солнышку определил, что везут их на запад. Через полтора часа пути, попрыгав на ухабах и колдобинах, остановились. Их вывели из машины. Лейтенант, щурясь от яркого солнца, смотрел на бурную, незнакомую речку, и услышал окрик:

– Ну что, лейтенант! Ищи, где закопал пакет!

Оглядевшись внимательнее, он с трудом узнал место их бывшей западни. Поодаль вольно стояли и сидели около взвода солдат. Через дорогу, на месте бывшего немецкого лагеря, валялись какие-то обломки и несколько остовов сгоревших машин. А лощины, где они прятались в голоде и сырости кустарника, как не бывало. Весь грунт был перекопан артиллерией вперемешку с корнями, ветками, щебёнкой и щепками. Ни малейших следов ориентиров. Солнце опять померкло. Теперь уже лейтенанту надеяться не на что. Он не столько в надежде, сколько протянуть время развязки, стал медленно спускаться к реке. В коленках появилась противная слабость, до дрожи. Через несколько шагов почему-то наступило странное спокойствие. Лейтенант, не узнавая, задумчиво прошёл всю территорию бывшего кустарника до дальнего края. Медленно вернулся. Ни малейшего намёка на их мучительное пребывание здесь. Чекист раздражённо бросил:

– Хорош, гулять! Или ищи, или... приехали!

– Это лейтенант и сам давно понял. Солдаты, что расположились в ожидании поодаль, как по команде вскочили.

Вдруг один из арестантов-кавалеристов решительно направился к берегу. Остановившись на кромке воды, стал пристально смотреть на противоположный берег. Потом прошёл вдоль берега, отдаляясь от группы. Немного вернулся обратно. Потом пошел дальше, как будто выбирая место, где удобнее прыгнуть в воду. Смершевец насторожился, расстегнул кобуру и поспешно направился в его сторону. Потенциальный беглец, вдруг отвернулся от реки и устоялся на склон горы в противоположной стороне, за дорогой. Потом медленно, неуверенно двинулся от берега. Чекист успокоился и всё-таки внимательно наблюдал за арестантом. Кавалерист шел, подняв глаза вверх, как слепец по болоту, щупая грунт ногами. Постоял. Двинулся в сторону, наблюдая только ему ведомые точки. Остановился и жестом рук, очертив воображаемый круг, сказал:

– Здесь копайте. Может, и найдёте то, что ищете.

Солдаты, шумно гремя лопатами и кирками, спорко

раскидывали грунт. Через какое-то время извлекли тугой свёрток из плащ-палатки. У лейтенанта выступила испарина и, несмотря на слабость, возникла не надежда, а уверенность – злоключения позади!

Чекист развернул сверток, достал планшетку, обнаружив письмо без повреждений, повернулся к лейтенанту, улыбаясь, протянул руку, крепко пожал и сказал:

– Наш человек!

Обратно ехали все вместе и кавалеристы, и чекист, и конвоиры. Непринуждённо разговаривали, шутили. Подивились, как это новобранец нашёл хоронушку? Тот смущенно пояснил, что он сибиряк и привык дома ориентироваться по дальним приметам. Разговор перешёл на довоенные воспоминания, а лейтенант про себя ломал голову, как мог сибиряк найти пакет? Ведь он не входил в круг посвященных, как и другие двое уцелевших.

По возвращении в эскадрон, спустя какое-то время оставшимся в живых четверым счастливым перед строем вручили: лейтенанту орден Красной Звезды, сибиряку – медаль «За отвагу», двоим – медали «За боевые заслуги». Потом сибиряка забрали в СМЕРШ...

– За что?! – в один голос удивились друзья.

– Просто, – служить! – ответил отец. Все облегчённо вздохнули и как бы вернулись из своих прошлых переживаний.

**Юрий
Николаевич
ФАБРИЧНИН**

*Журналист,
житель блокадного Ленинграда*

БЛОКАДНАЯ БАЛЛАДА

*Памяти Николая Петровича и Льва Николаевича
(отца и брата)*

клещи охватом
клешней западня
вокруг Ленинграда
вокруг меня

шли эскадрильи
строй храня
кресты на крыльях
бомбы в меня

в небе чернильном
всплески огня
кресты на крыльях
бомбы в меня

свод кроили
кровь леденя
шли эскадрильи
строим «свинья»

в сугробах город
рельсы спят
утробный холод
с головы до пят

прорубь взгорок
обстрел налет
шапка ведерко
вмерзшие в лед

выплески заледь
как в хрустале
бездомная заметь
прибилась к поле

буржуйка сушила
ладони жгла
Гете Шиллер
в огонь со зла

как бы в отместку
ну а потом
ела железка
за томом том

огромен город
темен пуст
амебный голод
от дум до чувств

морозный воздух
хрусток как жечь
ни сон ни роздых
есть есть есть

и только голод
иного несть
в висках как молот
есть есть есть

плошка-коптильня
как жизнь как весть
кресты на крыльях
есть есть есть

хлеб из опилок
суп из ремня
кресты на крыльях
бомбы в меня

мамочка мама
все нам опять
сырые граммы
125

ежились в запахах
окна дрожа
сырой тот запах
слизывали с ножа

до хромистых жилок
рты кровеня
кресты на крыльях
бомбы в меня

кошек не стало
не стало собак
им пьедестал бы
чтобы в веках

сердцем блокадным
стучал метроном
в мир громадный
чтоб кто-то в нем

туманным утром
труслив и лжив
радовался мудро
что город жив

коньячным букетом
сигарой дымя
что бомбы где-то
что бомбы в меня

тело за телом
на братский привоз
под прядкой белой
сухо без слез

хилый двужильный
гол простыня
в ямах-могилах
все как родня

достало чести
и все же сил
всем вместе
выжил почил

о правых стойких
в память всех
шепчу я строки
се человек

кого за лацканы
в веках вина
за ад ленинградский
за бомбы в меня

лет лечение
спасибо годам
во мне прощение
но я не дам

право сильных
взрывы резня
черные крылья
ракеты в меня

эпох смещение
новый бедлам
но «Мне отмщение
и аз воздам».

ШОКОЛАД

Что может сберечь в своей памяти трехлетний ребенок, которого голод превратил, по существу, в растение? Поэтому воспоминания моих сверстников – это воспоминания тех, кто был рядом. И все-таки, я помню – видимо, осязаемо – один эпизод тех дней. Я помню шоколад. И всплыл он в моем сознании в один из дней 47-го года.

Мы покидали гостеприимную Сибирь. Лошадь стояла у привязи, я сидел на подводе. Над головой громко вещал серебряный колокол. Лилась печальная музыка, а в тексте то и дело произносили слово «блокада». И вот тут ясно и четко я и вспомнил эту семейную историю. Может быть, потому, что она спасла меня. А началась она с необычного случая. Случая трагического.

Произошло это в самый канун войны. Станция Фарфоровский пост, где мы жили, была окраиной Ленинграда. И мы держали козу – в семье было четверо детей. И вздумалось козе в один прекрасный день свести счеты с жизнью. Дом стоял у самого железнодорожного полотна. Составы шли то и дело. И вот перед одним из них наша любимица Зойка поднялась, что называется, на дыбы. Выгнула шею и вызывающе выставила рога. Они столкнулись лоб в лоб. Сопящий, в мазуте, в испарине маслянистый паровоз и наша пушистая белая Зойка. Тяжело кативший по чугуну товарняк проследовал дальше. Под грязно-зеленым брезентом на его платформах ютилась техника.

Может быть, стараясь сгладить переживания, мать и сестра где-то в полузакрытой торговой точке и купили эту пробуждающую положительные чувства тачанку. Она была отлита из чистого черного шоколада. Зарубежное и дорогое изделие. Купили как сувенир. Она так и стояла в комод, чтобы только ею любоваться.

И вот, когда началась война, о ней вспомнили. Тачанка была заперта под замок в сундук, накрест кованный железом. В углу на сундуке устроили мое спальное место. От голода я перестал ходить, а вскоре – и говорить. И только глазами и неопределенным «э-ээ-ээ» показывал вниз. Мать отламывала ку-

сочек колеса. Потом очередь дошла до лошади. На этой маленькой дольке, да на кусочке блокадного хлеба, завернутого в тряпицу наподобие соски, и держалось мое существование. Хлеба даже мне не хватало. Средний брат всегда ходил с порезанным языком, облизывая нож, которым хлеб делили на порции. Старший брат сушил на буржуйке мелкие сухарики, чтобы дольше ощущать вкус хлеба во рту. Ему, пятнадцатилетнему, приходилось, наверное, труднее всех. Растущий организм требовал свое. Потом он, вконец обессилев и не вставая с кровати, попросит: «Мамочка, поймай где-нибудь хоть кошечку или собачку. Вырасту, я тебя царицей сделаю». Но все кошечки и собачки давно уже были съедены.

Он умер в семье первым. Тихо ушел в небытие. От него каким-то чудом остался детсадовский рисунок. Как предвидение. Это был грузовик. На таких через Ладогу доставляли продовольствие в осажденный город (так получилось, что десятки лет спустя в соседнем подъезде жил шофер дядя Вася, в те годы работавший на «Дороге жизни». Он тяжело дышал, болел астмой. Льды и полыньи не прошли бесследно).

У каждого была своя блокада. У меня - мои девятьсот дней молчания. Первое слово после Ленинграда я произнес на одной из станций, когда мы долго-долго ехали в Сибирь. И это слово было «молоко». Бутылки, заткнутые пробкой из туго скрученной бумаги, носили вдоль поезда с ленинградцами. Солнце ослепительно сверкало в бутылочном стекле. Молоко было выменяно на что-то из одежды.

Чуть позднее, сибирское, запечатлелось. Жареные прямо на плите тонкие картофельные очистки, их аппетитный хруст. Найденные на весеннем поле крохотные крахмалистые комочки, что по осени были клубнями. Сладкий жмых, который мы называли макухой. Жирная лебеда за фермой – для супа. Семена каких-то зонтичных. И не привычно приторный мандариновый джем – из китайской жестяной крупной, как бочонок, банки. Но все-таки первый в этом ряду – шоколад.

Мы уезжали из Сибири, приютившей блокадных поселенцев. Подвода в четыре широких доски, с брошенным на них навильником сена, отшлифованная дорогами до блеска сталь-

ная обшивка колес, черный солидол ступиц. Понурая у коновязи лошадь. Я сидел на сене. Невесть откуда взявшаяся корова шершавым языком и влажными губами вытаскивала из-под меня пучки сухой пахучей травы. Вещал серебристый, как дирижабль, колокол. О том, что ушел из жизни «верный соратник и друг». Лилась траурная музыка. Потом, много лет спустя, безбашенно смелые журналисты раскопают, что «соратник и друг» в осажденном голодном Ленинграде ни в чем себе не отказывал – ни в коньяке, ни в ананасах, ни в шоколаде. И я опять и опять вспоминал, что и я, отделенный от этого «друга» черно-белым пространством снегов и развалин, головешек и пеленутых покойников, тоже выживал в Ленинграде благодаря шоколаду.

В этих воспоминаниях, в этих набегающих Бог весть откуда картинах, то и дело животные: коза, лошадь, корова, собачка, кошечка... Может быть, это случайность, а может, что-то в этом и есть. Такая вот память.

**Людмила
БОЛГОВА**

*Ленинградка,
проживает
в Великом Новгороде,
пенсионер*

ОКОЛО ВОЙНЫ

Когда я увидела в интернете предложение поделиться своими воспоминаниями о войне, то решила написать о том, что помню. Я не воевала, потому что я – ровесник войны, даже немного старше, я родилась прямо перед войной. Во время войны я была ребенком, после войны подростком, но помню жизнь в первые годы и после войны. Конечно, память не сохранила последовательности событий, она состоит из обрывков детских воспоминаний. Но все, о чем я здесь пишу, характеризует ту обстановку, в которой мы жили в эти трудные годы. Мне кажется, что моим современникам это будет интересно: молодым – потому, что многого из того, о чем здесь написано, они не знают, а моим ровесникам будет, что вспомнить.

Я родилась в Ленинграде. Мне два года. Меня и моего брата, трех с половиной лет, с няней в воскресенье родители отправляют на дачу. Собраны вещи и игрушки, заказана машина, но... На дачу мы так и не поехали. Это воскресенье было 22 июня 1941 года – в этот день началась война.

Вместо дачи я лечу на самолете, внизу – ярко зеленая трава, красиво. Позже узнала, что это мои детские впечатления от первого полета. Я лечу с мамой и братом на юг, в Краснодар. Когда немцы весной 1942 года подходили к Ленинграду, началась эвакуация предприятий и ленинградцев. Мама работала врачом в воинской летной части, которую тоже эвакуировали из Ленинграда. Папа был на фронте, детей оставить было не с кем, маме с большими трудностями удалось получить разрешение взять нас с собой. Думаю, что это спасло нам жизни, ведь Ленинград оказался в блокаде. В Краснодаре жили мамыны родители, наши бабушка и дедушка. Мы стали жить у них. Жизнь была сытая, на дворе осень, много фруктов, овощей, арбузов. Кубань всегда славилась, как житница России. Однако такая жизнь продолжалось недолго. Быстро продвигавшиеся немецкие войска уже в августе 1942 года захватили Краснодар. Как и во всех захваченных немцами городах жители должны были пройти регистрацию. Активистов, коммунистов, комсомольцев сразу же арестовали, а затем расстреляли. Многих выселили из домов. Дедушку с бабушкой тоже выселили в сарай, а дом занял немецкий офицер. И хотя в Краснодаре зимы не такие суровые, как в Новгороде, жить в сарае было холодно. Дедушка поставил печку, топили фруктовыми деревьями из сада. Еды тоже было мало, спасали кой-какие запасы. Офицер был молодым и немного говорил по-русски, уважительно относился к бабушке, называл ее по-русски «мать», рассказывал о своей матери, показывал ее фотографию, через денщика передавал дрова и хлеб, иногда консервы. Бабушка до последних своих дней с благодарностью вспоминала этого немца и говорила, что только из-за его помощи они выжили. В феврале 1943 года Краснодар освободили наши войска.

После вступления немцев в Краснодар летную часть, где работала мама, перебросили в Грузию, в пригород Тбили-

си. Жить на территории части детям было запрещено, и мы с тетей и братьями жили отдельно. Еду нам мама приносила тайком, потому что ничего выносить с территории части было нельзя. Она рассказывала, как однажды кусочек от котлеты, которую она нам несла в кармане медицинского халата, попал в стетоскоп – прибор для прослушивания дыхания больного. Какой был конфуз! Помню, однажды я с братом пошла на речку, протекавшую около нашего дома. Речка была неглубокая, очень быстрая и прозрачная: видно было дно. Мы сняли ботиночки и решили прогуляться по воде, а когда вернулись, то ботиночек не было. Это горе я помню до сих пор. После этого мы долго сидели дома, никуда не выходя, пока не появилась у нас новая обувка.

После освобождения в 1944 году Ленинграда мама с братом вернулись назад, а я осталась в Краснодаре с бабушкой. Продукты получали по карточкам. За хлебом занимали очередь с вечера и до открытия магазина несколько раз отмечались по номерам, написанным на ладони. Но в 1947 году произошли незабываемые события. Во-первых, отменили карточки. Все теперь можно было купить за деньги. Во-вторых, был объявлен обмен денег. Хорошо помню, как я, уже второклассница, иду с бабушкой в банк обменивать деньги. Они у нее были завернуты по двум углам платочка. Видимо, не особенно много их было. Деньги меняли по-разному: если мало денег, то один к одному, а если много, то уменьшали в несколько раз. Самым главным было еще и то, что было объявлено о снижении цен на продовольственные и промышленные товары, и я помню, как все побежали в магазины смотреть новые цены в новых деньгах.

В Ленинград я возвратилась в 1948 году. Весь город, украшенный портретами Сталина, жил послевоенной жизнью: тяжело и голодно. В честь победы в войне была сталинская

амнистия заключенных, и на волю вышли тысячи уголовников. Было много случаев, когда с головы срывали меховые шапки, а в переполненных трамваях и автобусах из меховых шуб со спины вырезали целые куски, грабили сберкассы и квартиры. Весь Ленинград говорил о банде под названием «Черная кошка». Именно о судьбе этой банды позже был снят всем из-вестный и любимый зрителями фильм «Место встречи изменить нельзя». Прилавки всех ма-газинов были завалены мороженой треской, и наше основное блюдо называлось «тюря». В нее крошились кусочки вареной трески и черного хлеба, затем посыпались репчатым луком и поливались подсолнечным маслом. Это было очень вкусно, а главное – полезно! Иногда на улицах из больших бидонов продавали молоко. Однажды меня послали за ним. Дали в руки маленький бидончик и деньги. Продавец в белом фартуке разливал молоко большими – литровыми и маленькими – пол-литровыми кружками на длинной ручке. Он налил мне одну большую и одну маленькую кружки. Все это было очень интересно, ведь мне только 9 лет, а как хочется выпить это молоко, прямо из бидончика, ведь я пила молоко у бабушки и знаю, какое оно вкусное. Я захожу за угол и пью из бидона... К моему ужасу – это не молоко, а нечто отвратительное. И только дома я узнаю, что это соевое молоко и что только благодаря ему были спасены тысячи жизней детей и взрослых в блокадном Ленинграде.

Если нужно купить одежду, все идут на барахолку. Современный человек даже не знает, что это такое. Барахолка – это место, где все продают и покупают, узнают и обсуждают последние новости. Ведь в домах были только радиоточки, да и то не у всех. Информацию ленинградцы получали через черные радиорупоры, которые висели на столбах по всему городу. Часто на барахолке вернувшиеся из эвакуации ленинградцы видели свои похищенные из квартиры вещи. Вызывали мили-

ционеров и продавцов арестовывали, а потом судили достаточно строго. Нам, детям, все было интересно, и я помню случай, когда мы бегали смотреть, как из квартиры соседнего дома выносили украденные вещи: посуду, белье и даже мебель. Располагалась знаменитая городская барахолка около Балтийского вокзала на набережной Обводного канала. Сейчас этого вокзала нет, а в его стенах действует огромный торговоразвлекательный центр.

После войны все горожане принимали участие в работах по благоустройству города. Мы, школьники, тоже участвовали в субботниках. Хорошо помню, как всем классом ходили на работы в Московский парк Победы на Московском проспекте. Только тогда проспект носил имя И.В. Сталина. Мы убирали мусор и сажали кусты и молодые деревья. Говорили, что при посадках выкапывали человеческие кости и черепа. Мы бегали смотреть, но эти места быстро загораживали и никого не пускали. Только позже, уже после смерти Сталина, когда наступила в нашей жизни некоторая «оттепель», мы узнали всю правду. До войны никакого парка не было, а был пустырь, и на нем стоял кирпичный завод. Во время блокады он был приспособлен под крематорий, где сжигали трупы умерших ленинградцев. Часто тут же хоронили умерших, так что Московский парк Победы – это большая братская могила погибших от голода и снарядов ленинградцев и воинов, оборонявших город. Позже в парке открыли памятник жертвам блокады «Ротонда», а на месте крематория – мемориальную часовню. Ямы от снарядов и бомб превратили в пруды. Московский парк Победы стал местом отдыха горожан. Около него была открыта одноименная станция метро. Если будете в Санкт-Петербурге, посетите это очень значимое историческое место.

После войны особенно День Победы не выделялся, не было военных парадов и де-монстраций, он был простым рабочим днем. А вот послевоенные выборные кампании запомнились. Основным местом проведения избирательных кампаний были Избирательные участки. В них избиратели могли посмотреть материалы о кандидатах в депутаты, а вече-рами бесплатно показывали трофейные фильмы, проходили концерты художественной самодеятельности. Трофейными называли иностранные фильмы, привезенные после войны, из Германии, Польши и других стран. Показывали их не только на избирательных участках, но и в кинотеатрах. Народ смотрел их по несколько раз, благо билеты в кино были очень де-шевые. Прошло уже более полувека, но я до сих пор помню эти фильмы: «Тарзан», «Большой вальс» и Дину Дурбин в фильмах «Сестра его дворецкого» и «Сто мужчин и одна женщина». До сих пор для меня и моих уже немногочисленных друзей остается тайной, как в такой закрытой стране, как наша, могли показывать эти фильмы. Мы увидели совершенно неизвестную нам жизнь, свободную, красивую, полную любви. Пережив все исторические и политические изменения, произошедшие в нашей стране с середины прошлого века до на-ших дней, я прихожу к мысли, что уже тогда этими фильмами был заложен будущий раз-вал Советского Союза.

Что касается художественной самодеятельности, то это были выступления школьников из близлежащих школ. Наша школа и мы, школьники, конечно, тоже принимали участие в этих концертах: пели, танцевали, играли на различных инструментах. Песни были, в основ-ном, о Родине и о Сталине. «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет, С пес-нями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет». Пели мы песню советских школь-ников «Да здравствует детст-во счастливое наше, да здравствует наша страна!» или песню

пионеров «Как хорошо в стране советской жить, как хорошо страной любимым быть, красный галстук с гордостью носить». После войны у СССР с Китайской народной республикой была крепкая дружба, и мы пели «Русский с китайцем братья навек»!

Какая бы ни была в стране обстановка, дети воспринимает все не так, как взрослые. Для ребенка важны мама, папа, друзья, а все остальное от него где-то очень далеко. Что мы – дети знали о помощи США Советскому Союзу во время войны? Очень мало, но то, что американцы помогают нам продуктами и одеждой, и это называется ленд-лизом, мы знали. На барахолке из ленд-лиза продавали американские консервы, галеты, шоколад. Можно ли забыть сказочный момент, когда мама принесла мне подарок по ленд-лизу – штапельный в клеточку костюмчик: юбочка в складку с коротким пиджачком и зеленые замшевые сандалики! Мне казалось, что я самая нарядная в школе девочка, ведь ни у кого не было такого костюмчика.

Прошло время, изменились мы, изменилась наша страна, изменились некогда дружественные отношения с другими странами, но память о тех днях всегда с нами.

**Валерий
Анатольевич
ЕМЕЛЬЯНОВ**

*Профессор кафедры
технологии машиностроения НовГУ*

РОССИЯ

За что над тобою, Россия,
Немóлчный галдёж воронья?
Как долго ты траур носила,
О прожитом память храня!

Земля от разрывов дрожала,
Был сын твой от голода жёлт,
И женщина мёртвых рожала,
А павший в бессмертие шёл.

Сильней становясь и красивей,
Шли мальчики в бой побеждать,
И плакали молча осины,
Бессильные мертвых поднять.

И шла похоронная нá ночь,
Слова ударили свинцом,
И матери падали навзничь,
И жёны чернели лицом...

От ран, нанесённых фашизмом,
Всё ноет и ноет в груди...
Но сколько других катаклизмов
Ещё у тебя впереди.

2005г.

МЕЧТЫ

Мечтают много и разно:
О беличьей новой дохе,
О кукле, что купят на праздник,
О космосе, о тайге,
Мечтают пожить в Каире
(Кто их за это осудит?)
И о хорошей квартире
Тоже мечтают люди.

О солнце мечтают адово,
Когда дожди без конца.
А малыши сорок пятого
Мечтали иметь отца.
Военный иль не военный,
Герой или не герой,
Пусть самый обыкновенный,
Был бы отец – живой.

СЛУЧАЙ В РЕДАКЦИИ

Откинувшись на спинку стула,
Открыв под шалью пряди снег,
Старушка в комнате уснула
И улыбалась нам во сне.

Она пришла проведать внука,
И узелок с едой при ней,
Там пирожки с картошкой – с луком,
Вкусней буфетных и сытней.

Шла быстро, чтобы не остыло,
И виделось ей будто въявь,
Как к мужу в поле приходила
И как в окопы – к сыновьям...

Слезинки дрогнули на скулах,
Как вспомнила далекий смех...
И вот нечаянно заснула
И улыбалась нам во сне.

И вдруг замолк людской реактор,
И стало тихо, как в лесу.
И шёл на цыпочках редактор
С газетной кипой на весу.

РАЗГОВОР С СОЛОВЬЕМ

Солнце огромный прищурило глаз,
Выбагрив Волгу большую,
Стриж разрезает воздух, как ас,
А в кустах соловей бушует.

Я подошёл к нему и спросил:
«Не тяжело, дружище?
Ты ведь немолод, мало сил,
А поёшь всё звончей и чище».

Он мне ответил: «Если бы так...
Но моих не слушают песен –
Саксы в моде,
ударники – тум-бара-тах...
Вот возьму и уйду на пенсию».

«Соловей!

Не надо!

Не уходи!

Сделай такую милость.

Ты же не сможешь вот так – один...»

(А солнце меж тем закатилось.)

«Ты посмотри –

какая ночь!

Да в этакую красотищу
Я сам бы дуэтом с тобой не прочь
Себя самого выщелкать.

Плюнь ты на моду! Будь собой.
Пой так, чтоб терял я разум.
Пой, соловьище, пой!
С каким сравнить тебя джазом!!!»

**Анатолий
Власович
ЖУКОВ**

*Доктор филологических
наук, профессор,
председатель диссертационного совета
НовГУ*

СТИХИ О ВОЙНЕ

Бесконечные скорбные списки
Из фамилий простых и дат.
Знаки мужества павших солдат,
Обелиски стоят, обелиски...

На граните поблекшем, моля,
Кто-то ищет отца или брата –
Ведь у каждого есть утрата
И у каждого боль своя.

Вот и я на скрещенье дорог
Книгу памяти молча читаю,
И листаю страницы, листаю,
В судьбы вглядываясь между строк...

26 октября 2006 г.

Проводила мальчика-солдата
На войну, того не зная, мать.
А судьба-злодейка воровато
Сына не желает возвращать.

И который год с поры той минул,
Вроде бы закончилась война,
А сынок ни жив, ни мёртв – он сгинул,
И забыла про него Страна.

Кто же за судьбу твою в ответе?
Если жив, пусть Бог тебя хранит.
Если правда есть на белом свете,
Возвращайся. Если не убит...

22 января 2004 г.

**Гарри
Залманов
БЕРСОН**

*Доктор сельскохозяйственных наук,
профессор,
заслуженный деятель
науки России, пенсионер*

«ПРОВЕРЕНО: ВОЕННАЯ ЦЕНзуРА»

На фронте смерти не хотят, но знают: пуля – дура!
И ради жизни очень чтят Военную цензуру:
Цензура сохранит секрет, что знать врагу не нужно,
И приуменьшит долю бед незримо и бездушно!

Смотрю на старое письмо, пропахшее войною,
Местами мечено оно чернильной полосой.
В нём затушёваны слова, а кое-где и фразы,
Чтобы не вылилась беда в подобие заразы!

Но можно в письмах тех понять, что жив-здоров их автор,
А больше должно и не знать, война – то не театр!
Фашисты ж не везде ввели цензуру переписки
И даже думать не могли про вред иной записки...

Мария Роскопф в ту войну на «Юнкерсе» служила
И, как бывало в старину, любовника нажила.
А этот милый генерал был Гитлера пилотом
Он это даже не скрывал, готовясь к перелёту...

Сказал однажды ей пилот, не соблюдая тайны,
Что здесь готовят самолёт, но очень специальный:
Он без посадки мог лететь шесть тысяч километров,
В пути умел не леденеть и не боялся ветра...

А вот жених Марии жил в Париже с целью мщения,
Поскольку активистом был в рядах «Сопrotивления»...
Он как-то получил письмо с приветом от Марии,
И тайну принесло оно, а цензоры не вскрыли...

Через неделю вдруг ангар с секретным самолётом
Под бомбы англичан попал, как раз перед отлётом.
Так битый Гитлер потерял последний путь к спасенью
И ядом жизнь свою прервал, доверившись мгновенью.

Выходит, вовсе неспроста, как мы теперь и видим,
Была в те годы введена проверка частных писем,
И скромный штампик на письме, поправ его фактуру,
Давал понять любой семье Военную цензуру!

¹Мария Роскопф – после войны проживала в Мюнхене, Бавария.

В 2005 году, когда ей исполнилось 90 лет, немецкие журналисты обнаружили эту историю .

²Речь идёт о самолёте JU – 290 «Летающая крепость».

³«Сопrotивление» – французский антифашистский фронт.

Любовь
ПАТРИКЕЕВА
Химик ОАО «Акрон»

ШУРОЧКА

Мерный стук в ночной тишине,
И трясет вагон на ходу.
Все, отныне конец войне,
Шура, Шурочка, я иду.

Нам враги теперь не страшны,
Я согрею тебя, спасу...
Я иду, я иду с войны,
На плече победу несу.

Едем мы и поем в пути,
Сердце рвется скорей домой.
Шура, Шурочка, ты прости,
Но иду я с пустой сумой.

Мир у нас на земле настал,
Нам с тобою все по плечу,
Я у них ничего не взял,
Ничего от них не хочу.

Помнишь, как зимой на войну
Провожала нас, пятерых?
Ты прости мне мою вину,
Я один остался в живых.

В первый раз тогда наш отряд
Принимал на себя врага.
Женя... В Женю попал снаряд.
И осталось два сапога.

Было много битв на счету,
Только снайпер взял на прицел.
Азамат... Погиб на посту,
Даже крикнуть он не успел.

А на фронте – без перемен,
Слышен пуль леденящий свист.
Вот Сергей... Он не сдался в плен,
Потому что был коммунист.

Нам с Володькой смерть нипочем,
Вовка был шутковать мастак.
Мне осколок пробил плечо,
Ну и он – с гранатой на танк.

Мы в Москве, мы уже в Москве,
Шура, Шурочка, я спешу!
Говорить с тобой о войне
Никому я не разрешу.

Я с победой домой приду,
Я тебе принесу зарю!
Боевую свою звезду
Нашей дочери подарю.

И летят поезда во тьме,
И пронзают ночную мглу.
Я твой голос слышу во сне:
«Ваня, я тебя очень жду!»

Третий раздел

**«И В ЖИЗНИ
НОВОЙ,
НЕПОХОЖЕЙ...»**

**Сборник стихов и прозы
Выпуск 12**

**Татьяна
Львовна
ВЕРХОРУБОВА**

Директор музея НовГУ

Антонин Федорович родился в 1925 г. в д. Сушилово Боровичского района, в семье крестьянина. Мальчику исполнилось шесть лет, когда умерла мать, отец ушел на заработки, «оставив сына на попечение родственников». «Его вывели в люди родня да соседи – односельчане – по неписанному закону крестьянской, бедняцкой взаимовыручки...»¹. «Он приходил на нетвердых еще ножках в дом одной из своих теток, в котором и без него хватало голодных детских ртов, и жил в этом доме два-три месяца. Потом уходил к другой тетке. Его никогда не выгоняли, не намекали на «пора», он всегда уходил сам». «...Эта недетская проницательность и понимание жизни ребенком Антонином поражали в ту пору его родных»².

В начале 1943 г., во время зимних каникул, ученик старших классов средней школы № 14 г. Боровичи был призван в Красную Армию и уже 14 января выехал с эшелонам на Волховский фронт, где во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта готовился прорыв блокады Ленинграда.³ В один из зимних военных дней «совершив лыжный марш в строю новобранцев по Ладожскому озеру, входил в ... малолюдный Ленинград». Во встречной колонне «изможденных людей» его окликнул «двоюродный брат, один из тех..., мать которого привечала Антонина в своем доме в детстве». Чистяков «успел по ходу развязать мешок и бросил в руки... буханку хлеба – весь свой многодневный блокадный «НЗ»⁴. Отзывчивость на добро, сердечность, внимательность, мягкость отличали А.Чистякова.

Демобилизовался в 1947г., награжден медалями «За

оборону Ленинграда», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»).

После Великой Отечественной войны, еще находясь на службе, Антонин Федорович окончил десятый класс и получил свидетельство о среднем образовании. В течение 1947–1949 г. учился на отделении русского языка и литературы Новгородского государственного учительского института, окончил с отличием. «Способный и развитый студент». «Работал редактором институтской стенгазеты и ответственным агитатором. Пишет стихи и часто выступает с ними на вечерах самодеятельности», – так характеризовала администрация учительского института своего выпускника⁵.

Работал в городах Боровичи и Тосно, учился заочно на отделении журналистики филологического факультета Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А.А.Жданова. «За время работы показал себя как энергичный, знающий свой предмет и методику учитель и прекрасный воспитатель. Его класс ... имел полную успеваемость. В коллективе пользовался авторитетом», - написала в характеристике директор Тосненской семилетней школы. Районный отдел народного образования объявил в августе 1953 г. благодарность за «хорошую организацию учебно-воспитательной работы»⁶.

В Новгороде, в середине 1950-х годов начинается творческая деятельность Чистякова, он – литсотрудник областной газеты, на ее страницах, а также районных газетах печатаются его стихотворения, воспевающие «малую родину, верность материнской земле». Первый сборник стихов «Край мой Новгородский» издан в 1955 г., после второй книжки «Прошу слова», поэт был принят в Союз писателей РСФСР. Всего же в разные годы Антонин Федорович подготовил девять поэтических сборников.

Короткое время (1956–57), по рекомендации заведующего кафедрой литературы Новгородского государственного педагогического института А.З.Жаворонкова, работает в институте: в качестве ассистента проводит семинарские занятия, работает с заочниками.

Вернувшись в 1966 г. в Новгород после десятилетнего

пребывания в г. Калинин, Чистяков становится вдохновителем и инициатором создания местного отделения Союза писателей РСФСР⁷.

В конце 1960-х годов Антонин Федорович переехал с семьей на постоянное жительство в Ленинград. Но судьба еще не раз приводила его на родную землю. Совместно с писателем Федором Александровичем Абрамовым «задумали написать в соавторстве неторопливый очерк о землях Нечерноземья, ...а если получится, то и серию очерков». «Ф.Абрамов и А.Чистяков такие «разновеликие» - по силе голоса, месту в литературе – такие разные по характеру – один «неистовый», другой «тихий» - нашли друг друга для совместных хождений по новгородским проселкам, для соавторства в задуманном цикле острозлободневных очерков о нечерноземной глубинке»⁸. Три публицистических очерка «на сельскую тему» явились итогом поездок авторов: «Пашня живая и мертвая» (1978), «От этих весей Русь пошла...» (1979–80), «На ниве духовной» (1980–81). Документальное осмысление новгородской действительности, «гражданский пафос» произведений не устаревает и в настоящее время. Как возродить «дальние районы» задавались вопросом писатели и отвечали так: «превращением их в современный цивилизованный мир, надо так благоустроить глубинку, чтобы она выстояла в тяжелом поединке с городом за душу человека, бросив вызов урбанизации, противопоставив ей комплекс своих ценностей: радость общения с живой природой, свежий воздух, полевой простор»⁹. Во все века «деревня была колыбелью и могучим питомником великих дарований России»¹⁰.

Осенью 1981 г. А.Чистяков погиб, «трагически и как-то безвестно. Утонул неподалеку от своих родных мест. Похоронен в д.Жуково Боровичского района Новгородской области»¹¹.

1. Горышин Г. Новгородские проселки Федора Абрамова и Антонина Чистякова. Пашня живая и мертвая: Очерки, рассказы, стихи. Л.1987. С.3-8.

2. Роцин Б. Где-то в России //Встречи: Повесть. Рассказы. Очерки. Л.1985. С.316.

3. *Архив НГПИ. Оп.315. Св.9.Л.2 (Личное дело А.Ф. Чистякова).*
4. *Роцин Б. Где-то..., С.316.*
5. *Архив НГПИ. Оп.43. Св.3.Л.5.*
6. *Архив НГПИ. Оп.315. Св.9.Л.5,7.*
7. *ГАНУ. Ф.Р- 4440. Оп.1. Д.1Л.1; Д.2.Л.3; Организация новгородских писателей //Новгородская правда. 1967. № 225, 23 сентября.*
8. *Горышин Г. Новгородские... С.5.*
9. *Абрамов Ф., Чистяков А. Памя живая и мертвая: очерки, рассказы, стихи. [авт. вступ. ст. Г.Горышин]. Л.1987, С.102.*
10. *Там же. С.124.*
11. *Тюрин В. Писательские могилы Новгородчины // Чело. 1997. № 2. С.76.*

**Антонин
Федорович
ЧИСТЯКОВ**

*Поэт, публицист,
член Союза писателей РСФСР,
выпускник отделения русского языка и лите-
ратуры НГУИ
(1925–1981)*

СУШИЛОВО

Ах, сколько деревень у нас в России
Глядят с холмов и круч береговых!
Люблю я все деревни,
Все красивы,
Но вот тоскую по одной из них.

За то, что на сухом, высоком месте
Построилась она меж трех болот,
Уже давно,
Наверное лет двести,
Зовет ее Сушиловым народ.

Она не щедро подавала нищим:
Скупа была кормилица-земля.
И здесь под перелатанною крышей
Однажды осенью родился я...

Ступил я за порог, и мне впервые
Она своей открылась красотой:
Вошел я в лен, и лепестки льняные
Сомкнулись, словно небо, надо мной.

Я рос счастливым, как и все мальчишки.
Я приносил с ватагою друзей
Из ельника чешуйчатые шишки,
С озерка – золотых карасей...

Потом я печь нетопленную помню...
Да зеркало, закрытое холстом,
Да в сумерках холодную часовню,
Да комковатый холмик под крестом,

Да под осенним небом говор горький
Про чье-то сирое житье-бытье...
Так укатилось обручем под горку
Мальчишество вихрастое мое...

В отъезде жил я далеко и близко.
Немало перевидел городов.
Менялась постоянная прописка,
И истекали сроки паспортов...

И вот вдали – знакомые деревья,
Рассвет и дым над каждою избой.
Сушилово,
Родимая деревня!
Прими как сына,
Я опять с тобой.
Ждала меня, надеялась – вернусь я
На лоно голубого волокна,
И вот твои луга звенят, как гусли,
Под струнами разостланного льна.

В студеных росах возле ... струится
И свет и крепь твоих завидных льнов...
Давно слышал я:
Дважды лен родится.
Мне кажется –
И я родился вновь.

Под собой пробил два метра глины,
Чтоб на метр
Подняться над землей.

* * *

Ох уж эти о бессмертье речи!..
Философской мудростью слепя,
Поучаешь,
Как увековечить
На планете самого себя.

Вечность – это не моя забота,
Потому что твердо знаю я:
Вечна только на земле работа
И сама родящая земля.

Борозда без нас пройдет веками,
Будет хлеб давать,
И вечен ты,
Если ты извечный мёртвый камень
Выбросил их этой борозды.

* * *

Тягач увез избу,
И поседели,
Уйти не в силах яблони за ней.
Не заслонит она их от метели,
Дыханьем не согреет их ветвей.

Увез тягач разобранные стены
И дымом пахнувший печной кирпич,
И яблоням внезапной перемены
Душой своей древесной не постичь.

Теперь заступой даже нет забора.
И, осыпая цвет на комья гряд,
Они, седые, в пору медосбора,
У гусеничной колеи стоят.

Над ними –
Крест маршрутов реактивных.
Под их ветвями хоть бели холсты.
Вдали от центов административных
Стоят белее утренней звезды.
Они стоят,
Добром хозяев помня,
Не ощущая за собой стены.
Стоят –
От верхней веточки до корня
Своей земле,
Взрастившей их,
Верны.

**Геннадий
Александрович
ИГНАТЬЕВ**

*Декан исторического факультета
Член Российского межрегионального союза
писателей*

**СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА АЛЕКСЕЯ САМОЙЛЕНКО
(ОЧЕРК СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ)
Часть I**

Владимир Алексеевич Самойленко, доцент, кандидат сельскохозяйственных наук – общительный, доброжелательный человек, которого хорошо знают в университете. Он всегда на виду, активно подключается к любому делу, готов помочь в трудную минуту, искренне переживает, если дело не удастся довести до искомого результата. Эти качества, столь редкостные в наше время, выработались в нем в первой жизни, когда он служил в транспортной авиации.

Вторая его жизнь началась после выхода на пенсию в звании майора, к которой он готовился заранее, для чего поступил на заочное отделение исторического факультета Ивановского пединститута. Завершать обучение пришлось в Великом Новгороде, где он дослуживал свои календарные двадцать пять лет на авиабазе в Кречевицах, предместье Новгорода. Получив заветный диплом историка, на этом не остановился и после образования в Новгородском университете нашел свою нишу на стыке первого военного образования и технического гражданского, поступил в аспирантуру и благодаря терпению, трудолюбию и полученной в армии способности к самоорганизации подготовил и успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Такой

вот интересный симбиоз: летчик, историк и аграрий. Не перевелись еще на земле русской самородки.

С историей Владимир Алексеевич не расстался. Периодически выступает с различными сообщениями и докладами на конференциях родного факультета. В последнее время увлекся своей родословной, в которой нашел много интересного. Дед его по отцовской линии Данила Алексеевич Самойленко до революции 1917 года был купцом I гильдии города Кременчуга, что на Украине.

В Своде законов Российской империи говорилось, что купцы I гильдии составляют «особый класс почтенных людей в государстве» купцом мог стать любой гражданин империи, в том числе и дворянин. Для этого нужно было получить промышленное свидетельство на занятие торговлей, фабрично-заводской промышленностью, либо другим делом. В 1863 году правительство ввело II гильдию, а чтобы попасть в первую, нужно было иметь капитал от 100 до 200 тысяч, в зависимости от района, а не 50 тысяч, как по закону 1807 года. На юге Российской империи проходные ставки в купеческое сословие были самыми высокими, так что Данила Самойленко ворочал немалыми деньгами. По приблизительным подсчетам 200 тысяч дореволюционных рублей, аналогичны 120 миллионам современных. Конечно, олигархам той поры далеко до нынешних, владеющих миллиардами, но те состояния, в основе своей были честно заработаны не одним поколением предпринимательской династии, а не украдены в одночасье у государства.

Принадлежность к купеческому сословию давала большой объем преимуществ личного характера. Важнейшими правами являлись: свобода от телесных наказаний, свобода передвижения, наличие бессрочного паспорта. Купцов награждали орденами и медалями – только христиан. С началом буржуазных реформ в России, купцам I гильдии давали право приезда ко двору, ношения губернского мундира и шпаги, после 12 летнего пребывания в составе гильдии присваивали звание коммерции и мануфактур-советников, что соответствовало VIII классу статской службы или чину коллежского асессора по гражданской линии, а по военной званию капитана. В 1836 го-

ду коммерции советникам, их вдовам и детям предоставили право ходатайствовать о причислении их к потомственному почетному гражданству, в 1854 году сыновьям коммерции советников разрешили поступать на государственную службу в качестве канцелярских служащих второго разряда.

Посещал ли Данила Алексеевич при мундире и шпаге Зимний дворец в Петербурге неизвестно, в семейных хрониках такого факта не сохранилось. Но жил он на широкую ногу: владел в центре Кременчуга богатым особняком, возле которого по праздникам теснились лакированные кареты и, редкие тогда, автомобили, в обычае были шумные застолья с цыганскими хорами и песенниками. Только за одно это советская власть должна была сразу же вычистить до основания это классово чуждое новому режиму гнездо. Именно такую перспективу неустанно вбивают в сознание нашим современникам разного рода либеральные историки и демократы-публицисты. Ну не могло быть у детей и внуков купца I гильдии в СССР никакого будущего.

И по материнской линии у доцента Самойленко не все было чисто, хотя мать его происходила из крестьян, однако крестьянство никогда не представляло однородной массы: среди них были бедные и зажиточные. Семья Мороз из села Веселый Подол Полтавской области никак не попадала в разряд сельского пролетариата, ибо входила в службу богатейшего помещичьего клана, как на Украине, так и в России – знаменитых Родзянко, которым благоволили императоры, в чьих поместьях гостили А.С.Пушкин, Тарас Шевченко, Л.И.Глибов «украинский Крылов». Веселый Подол или Родзянкова слобода был столицей владений одного из наследников основателя рода Василия Родзянко, чей сын Иван в конце XVII века дослужился до полковника города Гадячина. С Ивана Родзянки пошли в гору. Его потомков Аркадия и Платона в 1743 году удостоила приемом императрица Елизавета Петровна по случаю вступления их в наследство по смерти отца. Именно она, как гласит легенда, выразила пожелание, чтобы отходившая к Аркадию Родзянковская слобода именовалась Веселым Подолом, поскольку больно весело разукрашены подолы у украинских

девчат. По другой версии, более правдоподобной, братья так бурно отметили раздел, что это навечно отложилось в людской памяти.

Из веселого Подола шло управление еще двенадцатью богатыми селами, входившими в имение. Дед Владимира Самойленко служил при главной конторе управляющим пасечным хозяйством, бабушка приглядывала за малолетними барчуками, а другой дед был старостой богатого села. Самойленко явно не бедствовали. И, наверное, не одна кубышка с родовыми золотыми червонцами еще покоится в украинском черноземе. Знать бы, где они захованы.

Самого высокого положения из клана Родзянко достиг Михаил Владимирович, выпускник элитного пажеского корпуса, служивший в кавалергардском полку, где был собран весь цвет дворянской России. С начала XX века он занялся политической деятельностью. После Манифеста 17 октября 1905 года «даровавшего населению незыблемые основы свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» осенью 1905 года Михаил Родзянко вошел в руководство умеренно-либеральной партии «Союз 17 октября» или «октябристы». С 1911 по 1917 год Родзянко занимает пост председателя 3-й, а затем и 4-й Государственной думы. По сегодняшним временам это четвертая должность в стране после президента. Доброй памяти о себе ни у историков, ни у современников Михаил Владиславович не оставил. В вопросах чести он не отличался особой щепетильностью. Пользуясь современным сленгом, частенько «кидал», доверившихся ему людей.

Также поступил он и с последним императором. По началу Родзянко вроде бы пытался спасти монархию. 10 февраля 1917 года предложил Николаю II ввести в стране институт «ответственного министерства», заявив: «Вы, Ваше величество, со мной не согласны, и все останется по-старому. Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит». Однако в критические дни конца февраля и начала марта, переметнулся в ряды сторонников отречения, чем способствовал ускорению той анархии, о которой го-

ворил. Начавшуюся революцию использовал для личного обогащения. Его подозревали в хищении крупной суммы денег из госказны. Чем не герой начала 90-х годов XX века! Жизнь свою закончил в эмиграции в Югославии, в одиночестве, третируемый русской общиной. Зато его племянник, генерал, командовавший корпусом в Первую мировую войну на Северо-Западном фронте, чести своей не замарал.

Октябрьский переворот 1917 года явился крутым переломом не только в судьбе сановитых Родзянко, но и Данилы Самойленко, враз лишившегося всех капиталов и особого положения в обществе. Пришлось ему переквалифицироваться в мелкого совслужащего, все по той же торговой части, в поте лица своего добывать прокорм для содержания семьи, где кроме него и жены было еще четверо детей.

Говоря о дальнейшей судьбе семьи Самойленко, следует отметить тот факт, что вплоть до начала большого террора 1937 года их никто не трогал. Жили они обычной жизнью наравне с остальными гражданами. Единственное, что их отличало – лишение права голоса, не мог Данила Самойленко избирать и быть избранным в органы советской власти. Честно говоря, не такое уж страшное ограничение в наши дни около половины полноценных граждан страны добровольно игнорируют избирательные кампании разного уровня. Дети купца I гильдии учились в советской школе, со временем, о ужас, их даже приняли в комсомол.

Часть II

Только в 1937 году Данилу Алексеевича и другого деда, бывшего сельского старосту, прибрали. Оба бесследно исчезли в лагерях. Со времен незабвенного Н.С.Хрущева всю ответственность за массовые нарушения законности и репрессии возложили в основном на двоих – И.В.Сталина и Л.П.Берия. Из них слепили настоящих монстров, исчадий ада. Сталина даже свободомыслящие художники рисуют с рогами и копытами. У части российских обывателей сложился в отношении И.В.Сталина настолько устойчивый стереотип восприятия, что им бессмысленно говорить что-то иное.

Как-то я ехал с работы в маршрутном автобусе со студентами исторического факультета, и в разговоре мы упомянули имя Иосифа Виссарионовича. И вдруг, совершенно неожиданно на весь салон заистерила впереди сидящая женщина пенсионного возраста.

– Не смейте упоминать имя Сталина, это мерзавец, темный и невежественный человек.

Как мог темный и невежественный человек столько лет возглавлять огромное государство, выиграть одну из самых страшных войн в истории человечества, на одном уровне общаться с высокообразованными политиками Запада, типа британского премьера – потомственного аристократа У.Черчилля, ее не волновало, она бесилась так, что казалось, хлынет пена изо рта.

Этот шабаш и истерия характерны и для многих современных деятелей кино и литературы. Какой бы ни был сюжет о годах довоенных, обязательно туда впихнут либо Сталина, либо Берию, чтобы лишний раз прогнуться перед охранителями этого мифа. Даже такой большой и талантливый художник, как Владимир Бортко, блестяще экранизовавший самый сложный роман Булгакова «Мастер и Маргарита», зачем-то ввел в картину персонаж «Человека во френче». В нем явно узнается Л.П.Берия, никакого отношения к писателю не имевший и появившийся в Москве только в 1937 году, на смену «кровавому карлику» Николаю Ежову.

Этот примитивный взгляд на главу СССР и его ближайших соратников, благодаря трудам добросовестных и непредвзятых историков стал меняться. Так в монографии доктора исторических наук Юрия Жукова «Загадка 37 года. Народная империя Сталина» Иосиф Виссарионович предстает в совершенно ином свете. Благодаря этой книге многое становится понятным в непростой истории рядовой советской семьи Самойленко.

По концепции автора, основанной на документальных источниках, с 1934 года Сталин попытался реформировать ВКП(б), а также провести широкую демократизацию общественно-политической системы в стране. Еще на XVII съезде

ВКП(б) Сталин впервые высказал крамольную для коммуниста мысль о возможности использовать парламентаризм и буржуазную демократию в интересах СССР. Именно он явился инициатором идеи конституционной реформы. Конституцию 1937 года, в принятии которой и подготовке ее содержания он вложил много сил и энергии, оценил в выступлении на VIII съезде Советов СССР 1936 года, как «сдвиг вправо», «отказ от диктатуры пролетариата», как «ликвидацию большевистского режима». Перед нами предстает совершенно иной облик человека, который мечтал ликвидировать в стране остатки революционного режима 1917 года, уравнивать всех граждан в политических правах, ввести демократические, состязательные выборы во все органы власти на многомандатной основе, лишить парторганы всевластных функций. 1 марта 1936 года Сталин в интервью одному из руководителей американского газетного объединения «Скиппс Ровард Ньюс Пейперс» Рою Уилсону Говарду заявил: «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». Признаться, такой Сталин и для меня явился настоящим открытием, ибо историки тоже не свободны от стереотипов.

И.В.Сталин не побоялся вступить в открытую схватку со всемогущей партократией, стремившейся свести на нет демократизацию страны. Боясь потерять свои посты и влияние в регионах, областные бароны – первые секретари обкомов и ЦК республик всю свою энергию направили не на демократизацию, а на дискредитацию идей Сталина, посредством раскручивания маховика репрессий. Вот что говорил на том же VIII съезде первый секретарь ЦК Украины С.В. Косиор: «Украинский народ уничтожит как троцкистско-зиновьевских вырожденков, так и остатки националистических предателей, ведущих свою подлую подрывную работу в качестве террористов, диверсантов, шпионов на службе у иностранных капиталистов, на службе озверелого немецкого и польского фашизма».

Эта линия на раскручивание маховика репрессий продолжалась вплоть до выборов в Верховный Совет СССР, причем на местах было сделано все, чтобы в Советах всех уровней

большинство оказалось у ставленников партократии. На октябрьском пленуме ВКП(б) 1937 года первые секретари обкомов, не стесняясь, заявляли, что вместо планомерной подготовки к выборам на основе новой Конституции: «Мы так слегка край, да и область почистили, но вылазки классового врага имеют место» (слова Евдокимова, первого секретаря Ростовского обкома). А товарищ Конторин, первый секретарь Архангельского обкома, заявил: «Нам сейчас предстоит провести большую работу, в особенности по Архангельской области. Там есть всякие категории людей. Много всякой сволочи. Мы вскрыли дополнительно десять контрреволюционных организаций. У нас такая область, что требуется еще подавить этих гадов». Тот же незабвенный Никита Сергеевич Хрущев, неустрашимый разоблачитель культа личности, выступая на партактиве города Москвы, вещал: «Разоблачение, выкорчевывание и разгром всех врагов народа является важнейшим условием успешного проведения выборов в Советы, осуществление сталинской Конституции». До этого, будучи первым секретарем компартии Украины, Никита Сергеевич из кожи лез, выскивая врагов народа.

До выхода книги Юрия Жукова мне казалось, что вакханалия 1937 года была лишена всякой логики, потому что в репрессивный молот попадали преимущественно представители трудового крестьянства и пролетариата, составлявшие опору советской власти. К примеру, по данным приведенным в «Книге памяти жертв политических репрессий Новгородской области за 1937-1941 года» (т.3) было репрессировано и осуждено на различные сроки 2194 рабочих, 4471 крестьян, 1308 интеллигентов. В скорбных списках сплошь и рядом фигурируют землекопы, разнорабочие, повара, конюхи, возчики кобыл и прочие трудовые элементы, многие из которых вообще были неграмотными. Явно, что «кровавый тиран» никакого отношения к этим спискам не имел, и без прямого участия местных властей было невозможно развязать террор в таких масштабах. Они чистили тех, кто хоть в чем-то проявил инакомыслие, недовольство начальством или просто трепался по пьяни, к чему народ наш имеет большую склонность. Никакой классовой

борьбой здесь за версту не пахнет, а был страх провалиться на выборах и вылететь из правящей обоймы.

Убিরались те, в ком было сомнение, что они правильно проголосуют, вычеркнут из бюллетеней партийных функционеров и нужных людей. Вот почему именно 1937 год, а не 1934 – год убийства С.М.Кирова, стал апогеем кровавой вакханалии. Своего организаторы террора добились: «Декабрьские выборы 1937 года в Верховный Совет СССР, - как подчеркивается в 4-м томе многотомной Истории коммунистической партии Советского Союза (М., 1971, с.520) – прошли в обстановке небывалого политического подъема, продемонстрировали тесное единение партии и народа. 12 декабря 1937 года к избирательным урнам пришло 98,6 процента избирателей, в то время как на выборные собрания в 1934–1935гг. явилось 85 процентов граждан. За кандидатов блока коммунистов и беспартийных отдали голоса 98,6 процента всех граждан, принявших участие в голосовании».

Вот свидетельство одного ветерана-новгородца, как тогда добивались единения партии и народа: «Меня арестовали прямо на работе и повезли в НКВД, до войны он располагался в трехэтажном из красного кирпича здании, возле которого впоследствии построили кинотеатр «Октябрь». Помню длинный коридор, по бокам которого стояли крепкие парни в форме, совершенно неожиданно начали они меня пинать, так что я летал от одной стены к другой, как футбольный мяч. Это, как понял, была предварительная разминка, чтобы сразу почувствовал свое положение. В большом кабинете, куда меня завели, за столом три человека – пресловутая «тройка»: первый секретарь горкома ВКП(б), прокурор и глава НКВД. Стали знакомиться, спросили, кто я такой, где работаю, каковы мои социальные корни – в лице папы, мамы, дедушки и бабушки. Мне дико повезло, как дошли до папы, прокурор заволновался: «Товарищи, да я же его знаю, его отец в гражданскую в нашем полку был комиссаром». Меня сразу же признали честным человеком и отпустили. Я так понимаю, что взяли меня для числа, ибо по отлову врагов народа существовал спускаемый сверху план, а дело бы сшили во время «дружеской беседы».

Сталин выборы партократам проиграл, но впоследствии расчитался, вслед за низами головы полетели у верхов. Потому и любил Иосиф Виссарионович Ивана Грозного, много у них общего, не случайно Юрий Жуков констатирует: «Сегодня уже трудно усомниться в том, что репрессии первых секретарей ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов стали неизбежным и логическим развитием давнего их противостояния с реформаторами – «сталинской группой». На войне, как на войне.

Для меня, как для писателя, теперь многое становится ясным в кажущейся противоречивости судеб семейства купца I гильдии Самойленко. В одних регионах местные власти придерживались курса И.В. Сталина на отмену некоторых принципиальных классовых ограничений, введенных в период революции. Так, в декабре 1935 года решением ЦИК и СНК СССР были отменены ограничения при приеме в вузы и техникумы для молодежи из лишенных прав семей, было реабилитировано казачество, а к 1 марта 1936 года с 768989 тысяч крестьян сняли судимости и восстановили во всех правах. А где-то этому сопротивлялись и продолжали гнобить людей.

В итоге Сталин битву с партийной бюрократией не выиграл, их все-таки в стране было около двухсот тысяч от низового до высшего уровня. Да и не было у вождя неограниченной власти, как это любят представлять его критики. Он действовал в рамках Устава ВКП(б), зависел от воли пленумов и съездов партии и даже в ближнем окружении, среди членов Политбюро не имел стопроцентной поддержки. Так члены ПБ похоронили декларированное генсеком равноправие ВКП(б) и общественных организаций, а также альтернативность при проведении выборов. Его в любой момент могли снять, и ничего бы он не сделал, и Сталин все это прекрасно понимал. Идею о противоборстве Сталина с партократией подхватили и другие авторы. Куда денешься от документальных фактов. Но как же быть: неужели привычный образ «кровавого тирана» окрасить в розовые тона и стать тому первым демократом и основателем диссидентского движения в СССР? Что скажут в Вашингтонском обкоме партии?! И вот, в труде А.Костина «Сталин против партии» (М., 2013) утверждается, что Сталин аж с 1925 го-

да действительно вступил в схватку с большевистским наследием В.И.Ленина, что именно партократия несет основную ответственность за террор 1937 года, но вот делал он это не ради народа и будущего страны, а только для установления личной диктатуры. Эти утверждения, а скорее, размышления автора никакими серьезными источниками не подкреплены. Зато красиво: все равно – гад.

В целом вполне закономерен вывод Ю.Жукова, что «та реформа государственного управления, проведения которой он так упорно добивался в течение почти двадцати лет, так и осталась до конца неосуществленной. После смерти Сталина партократия окончательно похоронила ее и тем самым нанесла непоправимый вред советской державе. От себя добавлю, она же и угробила страну в начале 90-х годов XX века.

Часть III

Так, начав писать очерк истории рядовой российской семьи, я невольно был вынужден углубиться в большую историю, чтобы самому разобраться во всех хитросплетениях и нюансах довоенного развития советского общества, особенно феномена 1937 года. Без экскурса в историю было бы совершенно непонятно, почему репрессии не затронули членов семьи Данилы Самойленко. Два сына купца I гильдии Алексей и Иван прошли Великую Отечественную войну. Иван сражался под Сталинградом, фамилия капитана Самойленко упомянута на страницах популярного в СССР романа Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Военная биография Алексея, отца доцента Самойленко, сложилась весьма непросто: он побывал в плену, был осужден Военным трибуналом, прошел штрафбат, однако войну завершил командиром роты Третьего Белорусского фронта, награжденным двумя боевыми орденами. Эти факты никоим образом не отразились на судьбе внуков Данилы Самойленко. Яркий пример тому жизненный путь Владимира Алексеевича, двадцать с лишним лет прослужившего на офицерской должности в Советской Армии, причем в политаппарате – главном органе, контролировавшем моральную и идейно-политическую чистоту армейских кадров.

Многие современные домыслы развенчивает и история военных мытарств отца его, купеческого сына Алексея Даниловича, которого после окончания Кременчугского библиотечного техникума в 1939 году по путевке райкома ВЛКСМ направили в Харьковское пехотное училище, которое он успешно закончил 16 июня 1941 года. Молодой лейтенант до начала войны успел прибыть к месту службы и приступить к исполнению обязанностей командира стрелкового взвода Купянского гарнизона, что располагался на речке Оскол Харьковской области.

Начальный период Великой Отечественной войны хорошо освещен в научных исследованиях, документальной хронике и художественной кинематографии. 15 сентября 1941 года часть, в которой воевал Алексей, попала в окружение в составе четырех армий Юго-Западного фронта.

Как отмечается в капитальном труде «История Второй мировой войны»: «Генерал М.П.Кирпонос и штаб фронта потеряли управление войсками. Расчлененные на отряды и группы войска более недели вели тяжелую борьбу в окружении. Многие из них пробились через вражеские заслоны, но десятки тысяч бойцов и командиров погибли в неравных боях с врагами». Остаткам взвода лейтенанта Самойленко прорваться не удалось, сам он во время одной из атак получил ранение в ногу и в бессознательном состоянии был пленен. Предстояла дорога в ад, начинавшаяся со сборного пункта, куда немцы сгоняли военнопленных. Здесь томилось не менее десяти тысяч бойцов и командиров Красной армии. Из них формировались маршевые колонны, распределявшиеся по концлагерям.

Большинство пленных, конечно, было морально сломлено. Люди не понимали причин столь грандиозной катастрофы Красной Армии, которая в довоенное время воспитывалась исключительно на идеях непобедимости и скорого разгрома любого врага. Войска готовили только к наступлению.

Отношение к пленным было скотское. Тысячи людей, загнанных за колючую проволоку, не имели элементарных условий, за любое нарушение охрана стреляла без предупреждения. Кормили раз в сутки, на человека приходился черпак ба-

ланды, которую варили тут же под открытым небом в больших закопченных котлах. Баланда представляла собой мутную жидкость с отваренным горохом, а чаще чечевицей. Хорошо, если кроме воды доставалось солдату два-три десятка зерен. О соблюдении санитарных норм и речи не было, в лагере сразу стала свирепствовать дизентерия с кровавым поносом, косившая людей сотнями. Именно тут, если кто и питал поначалу иллюзии относительно германской цивилизованности, стало приходить осознание истинной сути фашизма и той опасности, которая нависла над народами СССР.

Выполняя приказ Гитлера, СС сразу же занялась селекцией, коммунисты и евреи по обнаружению подлежали немедленному уничтожению. Военнопленных периодически строили и требовали, чтобы командиры, евреи и коммунисты вышли из строя. Алексею Даниловичу не дали обозначиться бойцы его взвода: «Ты, лейтенант, не выходи, не выдадим». Коммунистов и евреев расстреливали тут же, на глазах всего лагеря. Обреченных людей группами по десять человек выводили за колючую проволоку, давали в руки лопаты и заставляли копать могилу на небольшой площади за деревьями. Следующая партия их зарывала и готовила место для себя. Никто даже не пытался обратить лопаты против врага, но люди умирали с честью, достойно. Только один, стоя на краю ямы, упал на колени и с душераздирающим криком пополз к палачам. Эсэсовцы стрелять не стали, а просто затоптали несчастного сапогами и, еще живого, как падал, скинули в могилу.

После фильтрации из изрядно ослабевших бойцов стали формироваться пересыльные колонны для отправки в стационарные концлагеря. В одну из таких колонн и попал лейтенант Самойленко. Больные, раненые, истощенные люди шли очень медленно, многих поддерживали товарищи. Дневные перегоны составляли от 35 до 40 километров, с двумя десятиминутными привалами. Вокруг колонны постоянно звучали выстрелы. «И чего они все стреляют», – думал поначалу Алексей, а потом понял – охрана пристреливает отставших, и тех, у кого не было сил идти. Сами конвоиры ехали по бокам на лошадях, постоянно пуская плетки в ход.

Если бы не помощь товарищей, то его, раненого в ногу, давно бы пустили в расход, но все равно он был обречен, и трагический финал являлся вопросом времени, ибо уже начались сильные схваткообразные боли в левой подвздошной области, знобило, он весь горел. По всем признакам начиналась дизентерия в самой тяжелой форме. А так хотелось жить, ибо шли они по богатой украинской земле, широким, просторным шляхом, окрест белели белоснежные мазанки, утопавшие в буйной зелени садов, огрузших от тяжести груш и яблок. Октябрь на Украине - самое благодатное время, летняя жара ушла, а зимы еще не видно.

Но истинно говорят: пути господни неисповедимы. Кому на роду написано умереть в постели в окружении родных и близких, то, чтобы ни происходило, так и будет. Приведу по случаю увиденный в 2013 году сюжет по ЦТ о ветеране, которого в 1942 году пытались сжечь в амбаре каратели, но не сожгли – вовремя подоспели партизаны. Однако в наши дни, его, девяностолетнего старика, спалили в избе мародеры-грабители, пытаясь замести следы разбоя. Вот он неумолимый перст судьбы.

Судьба явно благоволила Алексею Даниловичу.

– Последний наш ночлег проходил в селе Семеновском, – вспоминал ветеран, – на территории сахарного завода, что был основан в свое время помещиками Родзянко. Стоим за колючкой, видим, как к конвоирам подходит группа наших девчат с объемистыми кошельками, о чем-то оживленно переговариваются, а потом в сопровождении фельдфебеля всей группой медленно идут вдоль ограды. Мне повезло, что я стоял у самой колючей проволоки и с интересом следил за непонятными событиями. И вдруг что-то кольнуло в самое сердце, я поймал внимательный взгляд чернобровой дивчины: хотите верьте, хотите нет, но что-то родное и близкое почудилось в ее взоре. Вижу, и она вспыхнула, напряглась, указывает в мою сторону рукой и говорит фельдфебелю твердым голосом:

– Це мой чоловік, – то есть «муж» по-русски.

Так я неожиданно обрел и жизнь и судьбу.

Следует пояснить, что в первые месяцы войны немцы

пытались заигрывать с местным населением и не препятствовали им забирать домой родных и близких, попавших в плен. Что касается рядовых конвоиров, они, как все солдаты мира, были не прочь выпить и закусить на халяву. Вместе с Алексеем неожиданную свободу обрели еще восемь бойцов, выбранных девушками из ближнего села Веселый Подол. Так, волею судьбы бывший купеческий сын оказался в хате Ивана Ивановича Мороза, некогда главного пасечника в имении Родзянко, советского колхозника, чья дочь Дуняша самоотверженно бросилась спасать пленных воинов.

Еще три месяца Евдокии Ивановне пришлось возвращать к жизни метавшегося в горячечном бреде Алексея, пришедшего в себя от дизентерии только в январе 1942 года, когда за маленькими окнами хаты высились огромные сугробы и вовсю трещали суровые морозы 1941-1942 годов. Фронт к тому времени ушел далеко на восток, а здесь на безлесной Полтавщине было тихо, жизнь шла своим оккупационным порядком, ни о каких партизанах и организованном сопротивлении врагу не было слышно.

Самойленко волей неволей пришлось трудоустроиваться, ибо между молодыми людьми случилось то, что и должно было случиться – вспыхнула любовь, возникла новая семья, освященная у аналоя местной церкви. «Никакая армия, действующая в качестве оккупантов, – пишет в монографии «Повседневная жизнь» доктор исторических наук Б.Н.Ковалев, известный специалист по коллаборационизму, – не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны. Без такого сотрудничества оккупационная система не может быть дееспособной. Она нуждается в переводчиках, в специалистах администраторов, хозяйственников, знатоках политического строя, местных обычаях и т.д.». Оккупантам крайне необходимо было обеспечить стабильность тыла, чтобы не снимать войска с фронтов для подавления повстанческого движения, наладить поставки продовольствия для действующей армии и сырья для экономики рейха. Поэтому на занятых территориях они пытались создать видимость гражданского самоуправления и «заботы» о населении. При немцах продолжали

действовать образовательные, медицинские, культурные и религиозные учреждения, но, разумеется под жестким полицейским контролем. Кроме того каждый гражданин был обязан пройти регистрацию, без которой он не мог передвигаться и работать. В Веселом Подоле самым значимым предприятием в советское время была опытная селекционная станция, при ней библиотека для продвижения в массы идей марксизма-ленинизма. Гитлеровцы библиотеку и станцию сохранили, очевидно, с теми же целями, но с точки зрения национал-социализма. После регистрации в местной управе в качестве мужа Евдокии Мороз Алексею Даниловичу предложили поработать в библиотеке в качестве сотрудника научного и художественного отдела. В этой должности он встретил приход Красной Армии в августе 1943 года.

Надо сказать, что положение его было незавидное. Кроме греха классового происхождения и плена, могло возникнуть обвинение в сотрудничестве с немецкими оккупантами, хотя в таком положении оказались миллионы советских людей, вынужденных, чтобы не умереть с голоду, работать за паек. Но в отличие от мирных граждан, Алексей Самойленко был военнослужащим, офицером, и тут решающее слово было за армейской контрразведкой, или СМЕРШем, созданным по инициативе И.В.Сталина в том же 1943 году. Собственно, речь шла о переименовании армейских особых отделов в организацию, чья аббревиатура означала – Смерть шпионам. Это делалось, чтобы сбить с толку немецкие спецслужбы, что удалось на славу. Противник к этому оказался не готов, и фашистские аналитики долго ломали голову, пытаясь выяснить, что за чудовище им противостоит. На заключительных этапах Великой Отечественной войны, обретая опыт, наша армейская контрразведка оказалась на голову выше пресловутого Абвера и других спецслужб Германии. Гитлер не даром, обезумев от постоянных провалов, в конце концов, казнил главу Абвера адмирала Канариса, саму службу переподчинил Главному управлению имперской безопасности.

В 90-е годы XX века в пылу борьбы с наследием советского периода именно вокруг СМЕРШа родилось множество

лживых мифов и домыслов. Все успехи нашей контрразведки политики, именовавшие себя демократами, стали связывать исключительно с террором и насилием якобы царившим в этой организации: мол, не умом все достигнуто, а исключительно кулаками, следователей СМЕРШа во многих художественных фильмах о войне изображали низкопробными и недалекими садистами. Продолжая линию 90-х годов, в 2013 году никто иной, как депутат российского парламента некто Гойзман, по манере поведения и ведению политических диспутов очень схожий с созданным кинематографистами образом начальника ГлавПура Красной Армии приснопамятным Л.З. Мехлисом, договорился до того, что объявил СМЕРШ преступной организацией, что и СС, начисто забыв при этом, что в советских спецслужбах, в том числе и в СМЕРШе служило очень много его соплеменников, которые по определению никак не могут быть преступниками.

По логике Гойзманов и им подобных, о которых очень метко выразился по ЦТ в наши дни дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Леонов – «Умалишенные, завистливые люди», в СМЕРШе должны были Самойленко сначала бить смертным боем, а потом расстрелять без суда где-нибудь за сараем. Однако, к разочарованию современных правдоборцев, ни лейтенанта, ни восьмерых его товарищей, сразу же явившихся вместе с ним в ближайшую воинскую часть по дислокации, в контрразведке никто пальцем не тронул. А вот допрашивали долго и въедливо. Майор, беседовавший с Алексеем, единственное, что предъявил – плен. «Ранили тебя, не ранили, – твердил он, – ты офицер, и в плен попадать не должен. Пистолет и – пулю в лоб». Кончилось все тем, что дело Самойленко передали в трибунал, где тоже долго выясняли, почему не застрелился. В трибунале без приговора нельзя, с точки зрения Гойзмана, и приговор оказался не тем, лейтенанта отправили в штрафбат, искупать вину кровью.

Штрафбат, при всей тяжести и опасности службы, давал шанс к возвращению в нормальную жизнь. С этой точки зрения Самойленко, при всех его уязвимых пунктах биографии, опять повезло, ибо существовало неукоснительное правило:

если штрафника зацепит вражья пуля и прольется хоть капля крови, его сразу реабилитируют, вернут в строй со всеми званиями и наградами, если таковые имелись. Шансов умереть в штрафном батальоне было неизмеримо больше – штрафников не щадили, бросали под кинжальный огонь на самые опасные направления, где порою на земле оставалось до ста процентов личного состава.

Поистине под счастливой звездой родился Алексей Самойленко. В первом же бою, когда из-за отсутствия в роте офицеров ему поручили командовать левым флангом наступающего подразделения, его слегка задело вражеской пулей. К 1945 году он дослужил до капитана, командовал ротой 3-го Белорусского фронта, воевал храбро, за что бал отмечен медалью «За боевые заслуги», орденом Отечественной войны II степени и орденом Красной звезды, который давался «за личное мужество и отвагу в боях, отличную организацию, умелое руководство боевыми действиями». Храбрость его иногда граничила с безрассудством: в боях он никогда не надевал каску, шел в штыковую с неприкрытой головой. Все это могло кончиться весьма плохо, ибо нельзя надеяться на благосклонность судьбы, у нее тоже есть предел, что и проявилось в последнем для него бою 9 апреля при штурме Королевского замка – главной цитадели города-крепости Кенигсберга.

Кенигсберг, ныне Калининград, был главным опорным пунктом Земландской группировки немцев в Восточной Пруссии. Она представляла собой очень серьезную силу, разгром которой бал поручен двум фронтам – 3-му Белорусскому и 1-му Прибалтийскому И.Х.Баграмяна, под общим командованием маршала А.М.Василевского.

Гитлеровцы почему-то были уверены, что Кенигсберг неприступен. Они вывесили на городской стене транспарант с хвастливым текстом: «Слабая русская крепость Севастополь удержалась 250 дней против непобедимой германской армии. Кенигсберг – лучшая крепость Европы – не будет взята никогда». Они надеялись, что их спасут три кольца обороны, сеть подземных арсеналов, складов и заводов, развитая система инженерных заграждений: траншеи, противотанковые рвы, мин-

ные поля, проволочные заграждения. Они начисто забыли, что на дворе был не 1941, а 1945 год, а Красная армия стала лучшей армией мира. Кенигсберг не продержался и малой толики времени обороны «слабого Севастополя», его взяли за пять дней, с 6 по 10 апреля.

Роте Самойленко предстояло вместе с другими подразделениями брать саму цитадель, и он, как обычно, вознамерился оставить каску в окопе. Но здесь решающую роль сыграл человеческий фактор, в лице его ординарца, пожилого украинца, который любил Алексея, как сына, и буквально на коленях заставил надеть каску, что спасло последнему жизнь. Пуля, видимо, уже на излете, шла прямо в голову, но скользнув по железу, изменила траекторию и стала зигзагами крутиться от шеи вниз по позвоночнику. Алексей получил тяжелейшее ранение, около года провел в госпиталях, но оправился, его комиссовали, и он, единственный из примачов 1941 года, вернулся в Веселый Подол, где его ждала жена и трехлетний Владимир – будущий майор авиации, кандидат сельхознаук и доцент Новгородского университета.

Такая вот, вроде бы незамысловатая, история обычной украинской семьи, тесно переплетшаяся с большой историей. Вопреки всем сложностям и бедам, она имеет счастливое завершение, и надеемся, что счастливая звезда Алексея Самойленко найдет продолжение в его внуках и правнуках.

**Александр
Алексеевич
КОЧЕВНИК**

*Новгородский фотограф, фотожурналист,
член Союза писателей России*

ТРОФЕЙ

Новоиспечённый второклассник приехал к бабушке с дедушкой в деревню.

Он и раньше с мамой или папой бывал здесь, но коротко, а теперь приехал на целых три месяца! Это были первые в его жизни летние каникулы. Может быть, мама думала, что её сын будет чинно прогуливаться по деревне со своими сверстниками и вести серьёзные беседы, поглощая попутно полной грудью чистый воздух... как она ошибалась!

Ведь свобода!!!

И стайки мальчишек, подобно осенним синичкам, шустро шныряли по окрестностям, из любопытства залезая в самые потаённые закутки, куда взрослым даже и в голову не приходило заглянуть.

А дело было спустя десяток лет после окончания Великой Отечественной войны и в местах, где проходили длительные, кровопролитные бои. Поэтому в любознательные руки сорванцов часто попадали, мягко говоря, своеобразные «игрушки».

В этот раз мальчишкам крупно повезло – они нашли стокилограммовую авиабомбу!

Конечно же, они решили её бабахнуть. Идея была воспринята единодушно и с энтузиазмом. Возник вопрос – как? Самое правильное – это сбросить бомбу с самолёта, но к великому огорчению, в их распоряжении не было даже самого худшего самолётика. Придумали другой способ – сбросить её с конька крыши риги, большого сарая, где помещался колхозный

малогабаритный льнозавод.

От места находки до риги было около двух километров, но это не проблема для двух дюжин пышущих энергией пацанов. Экспериментаторы нашли пеньковые вожжи и, поочередно впрягаясь по несколько человек, поволокли тяжеленную, чёрную с большими ржавыми пятнами находку к месту испытаний. Работа была адски тяжёлая. Бомба вдобавок сопротивлялась, цепляясь за траву крыльчаткой взрывателя. Ах, так? Были принесены клещи с пассатижами, и при их помощи у «этой вражины» моментально были отломаны и носовая и хвостовая крыльчатки. Дела пошли лучше. Метр за метром к вечеру преодолели полпути и в сумерках нехотя разошлись по домам.

За ужином наш работяга был очень обеспокоен. Его мучила одна мысль, что бомба брошена без присмотра. А вдруг кто-нибудь найдёт её и украдёт? Завтра придут ребята, а её нет! Что тогда делать? Жалко! И решил, беспокойная душа, на всякий случай притащить эту полезную вещь домой.

В густых сумерках пошёл он её разыскивать. Бомба была оставлена как раз против их гумна. С трудом нашёл он её в темноте, взялся за «хвост»... не тут-то было! Когда тянули ребята постарше, казалось так легко. А то, что они тащили слишком медленно, даже вызывало досаду. А как сам взялся... увы! Попробовал катить, – бесполезно. Бомба была словно приклеена к земле. Он огорчился и пошёл ночевать.

Утром ни свет ни заря запив наскоро краюху хлеба кружкой молока, охранник стремглав побежал к бомбе. Та лежала на месте – чёрная, огромная, поблёскивая на солнце мокрыми боками с крупными капельками росы. Скоро собрались и остальные «сапёры». Пыхтя, потев и отдуваясь, поволокли они свой трофей дальше.

Как притащили, как взгромоздили на крышу – рассказывать долго и нудно. Главное, сил и упорства хватило. Уж очень всем хотелось услышать, как она «ухнет».

Заправлял всей операцией Ванька – Джига. Он был уже большой. Ему было целых тринадцать лет! Сидя на коньке в обнимку с бомбой, он звонким голосом распорядился всем ма-

лышам спрятаться подальше, за куст бузины метрах в пяти-восьми от предполагаемого взрыва. Когда требование было выполнено, и малыши выглядывали из-за куста, заткнув пальцами уши, Ванька толкнул бомбу вниз. Она, неуклюже кувыркнувшись, глухо шмякнулась о землю и отломил хвостовик. Неудача! Попытались повторить испытания, но без хвостовика, с одним пояском поднять её не удалось. Уцепиться было не за что. Обескураженные неудачей бомбометатели молча разбрелись на ночлег.

Следующим утром пришло новое решение. Оттащить бомбу к кузнице и там ножовкой по металлу распилить её пополам. Сказано – сделано! К вечеру эта громадина была уже за три километра на другом краю деревни около кузницы на специальном верстаке, где обычно надевали железные шины на деревянные, тележные колёса. Но вот беда, ножовка скользила по корпусу, как по стеклу. То ли полотно тупое, то ли корпус твёрдый, но от затеи пришлось отказаться.

Следующую попытку взорвать решили осуществить ударом молотка по взрывателю. Ванька взял молоток, повернулся к бомбе задом, на всякий случай прикрыл другой рукой глаза, как шорой, чтобы в глаза не попало и... увидел, что его обступили плотным кольцом малыши. Непорядок! Скомандовал всем отойти подальше на безопасное расстояние метров, аж, за пятнадцать. Потом опять старательно прицелился и с силой саданул по взрывателю. Промазал! Второй раз. Опять неудача! И здесь Ванькин брат Мишка, двумя годами младше, но дальновиднее, предостерег брата, крикнув, что у него новые штаны, и если при взрыве он их порвёт, то мать ему уши надерёт. Ванька задумался и оказался еще умнее. Он догадался, что если бомба порвёт штаны, то не пощадит и то, что под штанами, а это неприятно. И Ванька не стал настаивать на продолжении опыта, тем более что сумерки уже сгустились. Все разочарованные потеряли интерес к трофею. Бомбу оставили в покое.

Около месяца валялась она около кузницы на виду у всех. Грелась на солнышке, ржавела под дождём...

Наконец пришла идея взорвать её подобно патронам – бросить в костёр. По отработанной технологии оттащили бом-

бу на полдневище к опушке леса в километре от деревни. Уложили несколько валунов и возложили на них бомбу, под ней развели костёр. Теперь уже осторожный Ванька загнал всех за сенной сарай, крытый соломой, который стоял метрах в сорока от костра. Мол, и так слышно будет. Один вечер грели – без результата, второй – тоже, неделю... привыкли, все переместились к бомбе. И стало уже традицией: каждый вечер разводили костёр, сидели вокруг, пекли под бомбой картошку, рассказыва- вая страшилки...

Как-то походя остановились около костра прохожие мужики. Увидев бомбу, авторитетно заявили, что она не взорвётся, потому что наполнена песком. Потом посидели вместе с ребяташками, отведали печёной картошки, вспомнили фронтовые будни, выкурили по сигарке и ушли.

Однажды на посиделки пришли ребяташки из соседней деревни. Так получилось, что вместе с гостями хвороста собрали больше, чем обычно и как повелось, расположились вокруг костра со своими небылицами. Вдруг один из ребят пронзительно крикнул:

– Тихо!

В возникшей тишине из нутра бомбы, сквозь потрескивание костра слышалось то ли похрустывание, то ли бульканье. Мальчишки мгновенно вскочили и убежали, спрятавшись в заросшем овражке за сараем. Ждут минуту – тишина! Ждут две... наконец Джига насмешливо спросил:

– Ну! Кто самый смелый? Кто посмотрит, что там с бомбой?

Все как по команде повернулись к щупленькому дачнику из Ленинграда. Когда-то один раз он проявил трусость, и к нему приклеилась кличка Валька – Тютяй. И потом этому тще-душному пацанёнку за ту мимолётную слабость пришлось доказывать, что он не трус, каждый раз, когда возникал вопрос – кто самый смелый? И в самом деле, теперь он действительно был вынужден быть самым смелым.

Под нашими взглядами, Тютяй медленно, нехотя стал поднима-а-аться... и здесь – «бабахнуло»!!!

Впечатление, что глаза чуть не выпрыгнули. С сарая

снесло крышу и ребятишек засыпало ошмётками соломы и обломками жердей. Когда оцепенение стало проходить, сорванцы поняли, что за разрушенный сарай надерут не только уши и врассыпную кинулись по домам.

На полпути к дому наш малец столкнулся со своей бабушкой, бежавшей в сторону взрыва. Она плача и беззвучно шевеля губами, схватила его, обняла и стала лихорадочно ощупывать руки и ноги, затем сорвала с головы платок и стала утирать сопли, текущие ручьём. Оказалось это кровь. Убедившись в целости внука, она опять обняла, поцеловала, схватила за руку, и побежала с ним в избу. Навстречу в сторону полдневища бежали испуганные мужики и бабы. Всё этот мальчишка воспринимал в какой-то звеняще-давящей, ватной тишине. Он оглох на несколько дней.

Экспериментаторы были удовлетворены.

Во-первых, бабахнуло так, что не только разнесло сарай, а даже в половине деревни из окон повывлетали стёкла!

Во-вторых, на удивление почему-то никому не попало.

... Спустя три десятка лет, когда я стоял на кромке застарелого оврага около груды гнилых брёвен, густо проросших крапивой, где когда-то стоял сенной сарай, холод струился у меня между лопаток.

Судьба в одно мгновение могла стереть с лица земли ребятишек двух деревень, но подарила им Жизнь!

ЭТО – ЧЕЛОВЕК!

Апрель 1989 года выдался холодный, но солнечный. Снег давно сошёл, но травы ещё не было. Этим моментом и пользуются добровольные поисковики, ежегодно работающие в одном из страшных мест Новгородчины – Долине Смерти. Находится она в районе Мясного Бора и связана с трагической судьбой второй Ударной Армии. Спустя четыре десятка лет после Великой Победы, молодые ребята «отмывают» одну из позорных страниц истории Великой Отечественной войны, занимаясь грязной, тяжёлой работой. Они находят останки бро-

шенных на поле боя геройски погибших и оклеветанных властями солдат, и, по возможности, устанавливая их личности, восстанавливают доброе имя. Потом с подходящими почестями передают земле. Это действие традиционно привлекает большое количество прессы. Мне тоже приходилось бывать там.

На безлюдной поляне стояло около трёх десятков новых гробов. Несколько из них было заполнено костями. В каждый гроб помещались останки десяти человек. Пустые стояли в ожидании. В пылу съёмки оборвалась плёнка. Выбрав укромное место под реденьким кустом ивняка, я применил простейший способ перезарядки. Скинул куртку, просунул в рукава снаружи руки и замотал в неё фотокамеру. Получился элементарный светозащитный рукав. Незаметно для окружающих, сидя в своём укрытии, я делал своё дело.

На поляне появился коллега, который, будучи местным жителем, не только отражал в прессе работу поисковиков, а сам со школьного возраста активно занимался этой важной деятельностью. Выискивая ракурс съёмки, он одиноко бродил среди гробов. Вдруг его что-то привлекло в груде костей. Он поднял какой-то маленький предмет, стал его рассматривать, потом громко крикнул в сторону группы ушедших журналистов, пытаясь привлечь их внимание. Но коллеги ушли далеко и возвращаться не собирались. Оставшись наедине с собой, он продолжал рассматривать свою находку, приподняв на фоне голубого неба. На ярком солнце блестела... золотая коронка. Коллега серьёзно и задумчиво смотрел на блеск золота, то ли любуясь блеском металла, то ли борясь с искушением. Я почувствовал себя неуютно, не зная как себя вести, когда невольно и незвано присутствуешь, как мне первоначально показалось, при борьбе человека с самим собой. Однако борьбы не было. Скорее, это были горестные размышления о нелепой судьбе хозяина коронки. Коллега тяжело вздохнул, подошёл к гробу, где поверх костей стоял десяток черепов двадцатилетних ребят, не успевших начать жить и бесславно сгинувших в мясноторских болотах. Без тени колебаний коронка была брошена на гору останков. Скользя между костей, она глухо стукнулась о дно гроба.

У меня на душе стало легко и тепло. Даже испытал чувство гордости, что мы с ним современники. Наблюдая, как мой товарищ не спеша пошёл догонять коллег, я подумал, ведь именно о таких людях в войну говорили: «Я бы с ним пошёл в разведку!»

Неважно, какой у него характер, как он относится лично к кому-либо. Главное, что такой человек не подведёт, не предаст в трудную минуту, не продаст и сам не купится. Он не подвластен алчности.

Одним словом, это – Человек!

**Евгений
Власович
ЖУКОВ**

Выпускник филологического факультета НГПИ

«И В ЖИЗНИ НОВОЙ, НЕПОХОЖЕЙ...»

Николай Иванович Терников неспешной походкой возвращался с работы. Сегодня, вместо привычных по пятницам двух лекций, ему пришлось отчитать дополнительно еще две, о чем накануне его упросил «не в службу, а в дружбу» коллега по кафедре профессор Кочергин, отправившийся в научную командировку. На последнем часе Николай Иванович без особого энтузиазма рассказывал студентам о деревенской прозе. Эта тема не была его «коньком», но студенты, как ему показалось, слушали его с интересом, делая пометы и записи в тетрадях.

Был самый конец октября. Уже вечерело, было прохладно и пасмурно. Николай Иванович с некоторым оживлением вспомнил, что жена обещала к его приходу спечь его любимый пирог с капустой. Их дом – серое пятиэтажное панельное здание, в котором они с женой получили квартиру ещё в советское время, находился в пятнадцати минутах ходьбы от института, но Николай Иванович решил пройтись, «нагулять аппетит», как выражался один его добрый знакомый, и направился в противоположную сторону – через городской парк на набережную.

Это был его любимый и многократно за тридцать лет жизни в городе опробованный маршрут. «Зачем это я так легкомысленно согласился подменить Кочергина? К лекции толком не подготовился, студенты наверняка это почувствовали», – досадовал на себя Николай Иванович.

Вдобавок ко всему остался неприятный осадок после сегодняшнего рукопожатия в лестничном проходе с доцентом Харбинским, географом по образованию и писателем-самоучкой, которого Николай Иванович откровенно недолюбливал за графоманство и унаследованный ещё в пору комсомольской молодости инстинкт держать нос по ветру.

Но уже через несколько минут он успокоился, умиротворенный тишиной безлюдной набережной и приятной мыслью о предстоящих выходных днях. Проходя мимо пустынных скамеек, он невольно остановил взгляд на крайней из них. Именно на этой скамейке лет двадцать назад он случайно, катаясь на велосипеде, повстречал своих родителей. Родители уже давно умерли, но почему-то именно сегодня вид этой одинокой, сумрачной скамейки больно кольнул в сердце.

Родителей своих, как и подобает сыну, Николай Иванович любил всем сердцем, но это была любовь, которую он при их жизни никогда не выставлял напоказ, как будто немного стеснялся затаённого, трепетного сыновнего чувства.

После смерти родителей в сознании Николая Ивановича произошла одна странная перемена. Он постоянно ловил себя на мысли, что в чём-то виноват перед отцом и матерью. Например, вспоминал, как во время службы в армии очень редко писал им письма, а когда они неожиданно приехали на пару дней навестить его, был чересчур сдержан и даже сух. Время от времени всплывали в памяти забытые прежде эпизоды, а чаще отдельные резкие, обронённые в сердцах слова, за которые ему теперь было неловко, больно и даже стыдно. Вспоминал, как мучительно умирал отец от инсульта в палате для ветеранов войны, а он, его сын, ничем не мог ему помочь. Как-то, размышляя на эту тему, Николай Иванович записал в своем дневнике: «Наверное, память дана человеку и для того тоже, чтобы тот хотя бы изредка мог заново пережить мгновения прошлого, находя в этом не только утешение, но и возможность раскаяния».

С этими грустными воспоминаниями и мыслями Николай Иванович поднялся со знакомой скамейки и пошёл домой. Почему-то сами собой пришли на память блоковские строки

«И в жизни новой, непохожей / Забуду прежнюю мечту...» И подумалось: вот если бы только была возможна эта *новая, другая жизнь*, которую можно было начать с чистого листа, не повторять прежних ошибок, любить и оберегать своих дорогих стариков и не раскаиваться в будущем.

**Владимир
Рувимович
ИСАКОВ**

Журналист, писатель

КАДРЫ ХРОНИКИ 1941 ГОДА

Памяти отца

Пурга спешит иголками сразить,
Бьёт в кисти рук, бьёт в гипсовые лица...
А им не чувствовать уже, уже не жить.
И той пурге осталось только злиться.

На бруствере споткнулись. Их не жди.
Сошлись плечами в тягостном усилье.
Неровный след траншеи позади,
А впереди – почти что пол-России.

Заносит снег их с ног до головы.
Они мертвы... И для меня остались
На том простом и вечном пьедестале
В атаке той в том поле близ Москвы.

**Валерий
Валентинович
ЛЮЛЮКИН**

*Доцент Псковского государственного
университета, кандидат историче-
ских наук, член-корреспондент Санкт-
Петербургского отделения
Международной академии наук
высшей школы*

* * *

Я не был на этой войне,
Не вышел годами, но всё же
Живёт она где-то во мне,
У сердца, ночами тревожа.
И орден отцовский храня,
Я слышу, как снова стреляют
И целятся прямо в меня,
Да только в отца попадают.

* * *

А я войною не отмечен,
Хотя была не так давно.
Лишь только наступает вечер –
Иду посмотреть её в кино.
До боли в сердце понимаю,
Что мне попасть туда нельзя,
И всё-таки бегу, стреляю
И тоже падаю там я.

* * *

Идут по улице солдаты,
И я завидую отцу.
Армейский китель, словно латы,
Ему особенно к лицу.
Он чистит к праздничным парадом
Свои большие сапоги,
Но снова прячет их куда-то –
Не одевать же без ноги.
Меня, одетого по моде,
Он в праздник видеть будет рад.
А я и не виновен вроде –
Молчу, как будто виноват.
И, поборов в себе тревогу,
Спешу, на совесть – не за страх,
Спешу к нему, как на подмогу,
С цветами алыми в руках.

* * *

Почистит медаль «За отвагу»,
В гости меня позовёт.
Достанет трофейную флягу,
В стопки вино разольёт.
Расскажет про сон вчерашний,
Как друг в бою, под Москвой...
Он сам был не раз в рукопашной,
Да слава Богу – живой.
Он пьёт и не может напиться,
И песен не хочется петь...
А память – подбитая птица:
И больно, и не улететь.

**Анатолий
Николаевич
МОЛОКАНОВ**

*Председатель Новгородского отделения
Союза писателей России*

ДИАЛОГ ПЕРЕД ВСТРЕЧЕЙ...

– Здравствуй, папа! – привычно приветствовал Николай отца, войдя в оградку к его могиле.

Он устало развернул из тряпки садовый инструмент и принялся за уборку прошлогодней травы и налетевших с берёзы листьев. Оттаявшая за теплый апрель земля легко грабилась маленькими граблями, со специально укороченной палкой для транспортировки. Трудно вырубались лопаткой пустившие за лето корни куста шиповника.

– Привет тебе, папа, от нашей семьи, – присев от усталости на скамейку в оградке, произнёс Николай. – Внучек твой, как всегда, где-то носится, с пацанами по девкам. Инга моя на работе. Я и один управлюсь, не бойся. Помнишь, как ты учил меня в детстве, употребляя эти слова «не бойся»? Я не забыл, как видишь. К майскому празднику, Дню Победы, будет в хате твоей чистёхонько. И оградку сейчас обновлю. Краску купила Инга. Она тебя уважала.

Николай взял с мешочка чистую тряпочку, полив её припасенной водой, обтёр от пыли памятник. Фото отца в военном мундире и наградами на груди, выполненное на заказ в Белоруссии, не потускнело. «Качественно делают памятники из пластика наши соседи», – отметил про себя Николай. Он устало разогнул спину. За годы своей немалой жизни артроз поразил поясничные суставы. Не торопясь, налил из бутылки в баночку краски, достал кисточку и принялся красить оградку. Пока водил по трубкам оградки ки-

стью, мысли вернули его в детство, в послевоенный сорок пятый.

Он трёхлетним ещё несмышлёнышем, на руках у матери, на вокзале встречал отца с фронта – о своем приезде отец телеграфировал заранее. Стоял такой же солнечный майский день. Где-то в сторонке играл духовой оркестр. Лица людей светились. Мать почему-то плакала. Утирая слёзы небольшим носовым платочком, старалась в толпе встречающих увидеть отца. Я не видел отца никогда, но понимал, что это – что-то родное, близкое! В свои три годика уже понимал, что в семье есть мама и папа, бабушки и дедушки. Правда, у меня не было дедушек. Бабушка только была одна, по маминой линии и говорила ещё при жизни, что дед мой с её братьями полегли все на фронте под Курской дугой. Отцовы родители умерли в блокадном Ленинграде в сорок втором году.

Отца мать увидела сразу. Крепко прижав меня к себе, рванулась к нему на встречу. Помнится и сейчас, как тогда я впервые почувствовал силу рук отца, его широкую грудь, улыбку с красивым оскалом зубов и, конечно же, его поцелуи. Он тискал меня очень долго, всматривался в мои слезливые глазёнки и говорил, говорил, говорил...

За мыслями Николай не заметил, как прошёлся кистью по внутреннему периметру оградки. Сверкающая на солнце краской, она сразу преобразилась. Довольный своей работой Николай вновь присел на скамейку передохнуть.

Мимо прошла пожилая парочка. Поздоровавшись, засемена в сторону автобусной остановки.

Николай вновь взглянул на фото отца.

– А медали твои я храню, отец. Внуку не дал поиграться с ними. А сейчас интерес у него к ним иной. Продать советует их на рынке. А я сохранию, в музей их отдам на хранение.

Почему-то прошиблась из глаз слеза. Смахнув её рукавом пиджака, Николай взял вновь в руку баночку с краской и кисть, перешёл на наружную сторону ограды, продолжил её покраску. И вновь мысленно потекли годы их жизни.

Он во всём подражал отцу. Вернувшись из школы, сделал уроки, дожидался его и мать с работы. Старался помочь по

хозяйству. От их похвалы восхвалялся, стремился познать навыки жизни. «Куда подевались сегодня стремления наши? Молодёжь, наши дети, живут другой жизнью».

Закончив покраску ограды снаружи, аккуратно сложив в пакеты весь инструмент и собранный мусор, Николай разложил на столике взятый с собой небольшой провиант. Выставил и бутылку водки, которая застоялась давно в холодильнике с новогодних праздников.

– Твои фронтовые сто граммов, отец! – произнёс вслух Николай, налив и поставив стопку у памятника, накрыв её корочкой хлеба.

– Царство тебе небесное! Пусть земля тебе будет пухом! – добавил он и выпил сам за его здоровье. Содержимое стопки резко обожгло горло. Запив тут же водой, – упреждая икоту, откусил немного хлеба и сваренного яичка.

– «Прижилась...», – вспомнил он отцовы слова, которые тот произносил зачастую при застольях.

– А вот мать с тобой рядом не положили мы. Просила в свою родовую могилу, к бабушке положить. В этом нас не вини, – продолжал вслух произносить Николай, оглянувшись по сторонам. – Вы, наверное, с ней давно уже встретились, обговорили всё. Скоро и наш черёд подойдёт. «Вечная только одна константа». – Он вновь взял в руки бутылку и, о чём-то раздумывая, налил себе полстопки водки.

– Прости, отец! Пить много я не могу. Позволю сегодня лишь за тебя и родных, за всех ветеранов, что отдали жизни ради Великой Победы! Вечная память тебе и погибшим солдатам! Наше поколение помнит о Вас, – он одним махом опрокинул стопку и второпях закусил яйцом и хлебом.

– «Крепка Советская власть», – вспомнились вновь слова отца, которые он произносил в таких случаях.

– Отец! У меня сейчас вся жизнь как на ладони. Спасибо тебе и маме, что правильно воспитали меня. Единственный я у вас. Судьба так распорядилась. Да и у нас, почему-то, с Ингой один твой внучонок. Бог не дал нам большего счастья. Он с матерью скоро тебя навестят. Сегодня они не смогли...

Николай налил себе в третий раз.

– Бог любит троицу, – вспомнил вновь он слова отца, и, готовя себя осилить её выпить, добавил, – на них не серчай, отец. Непременно они навестят тебя, – и опрокинул содержимое стопки.

– А помнишь, отец, как мы с тобой во все Первомайские праздники, особенно в День Победы, ходили на митинги? Я любил их всегда и гордился тобой. Ты – в военной форме, хранящейся до сих пор у нас с Ингой в шкафу, гордо, с наградами на груди, вышагивая в почётном карауле. Сейчас таковых уже празднеств не вижу. Новой власти пока не до Вас, ветеранов. Главное:-- я тебя помню и маму. Помню, как вы познакомились в медсанбате, как маме, – всё из твоих разговоров, – пришлось уехать в далёкий тыл и родить меня. Как после тяжёлых ранений ты вновь воевал на фронте, дошёл до Берлина, как пули тебя стороной обходили в надежде дать возможность увидеть меня. Ты так говорил мне сам лично. И сегодня я не мог не прийти к тебе, не облагородить могилку твою. Не стал я ждать выходных, когда будут свободны Инга и сын, твой внучек. Прости нас за всё, отец, если чем-то обидели в жизни.

В голове почему-то кружилось. Покачиваясь, Николай поднялся со скамьи, взял в руки просохшую уже тряпочку и ещё раз протёр фотографию отца на памятнике. Выпрямившись, чтобы ещё раз взглянуть на фото в глаза отца, он на шаг отступил назад. Споткнувшись о собранный в мешок инструмент, повалился спиной на землю, головой наткнулся на острые копыя оградки.

Проходившая мимо, невдалеке, пара посетителей кладбища, глянула в сторону блестевшей на солнце оградки и человека, лежавшего в ней.

- Один уже празднует День Победы, – произнесла женщина вслух своему спутнику.-

- Уже напраздновался... не видишь, что ли, что он уже отдыхает. До вечера, глядишь, и проспится, – ответил женщине её спутник. И они молча продолжали свой путь к остановке автобуса.

- А может, с ним что-то случилось? – обеспокоенно, подходя уже к остановке, дополнила женщина.

– Не знаю, навряд ли. Там бутылка стояла на столике. Вероятнее всего, что набрался родственничек или друг фронтовой. Судьба у каждого своя.

Подошедший автобус втянул в себя собравшихся пассажиров.

– Надо было зайти и глянуть, – продолжала уже в автобусе женщина своему спутнику. А вдруг ему плохо стало. Голова -то его седая виднелась, не молодой уже человек.

– Вернись, посмотри... – отмахнулся шутливо от её слов спутник.

Май 1995 г.

**Виктор
Семёнович
КУТКОВОЙ**

Доцент кафедры дизайна НовГУ

ВЕСЕННЕЕ УТРО КОМПОЗИТОРА БЫСТРАКОВА

Александр Иванович проснулся рано; ещё во сне мучил вопрос: «Тленной или нетленной следует считать плоть Христа?».

Подскочил с постели.

Перекрестился.

Что дальше?

Вытянул перед собой руки, присел, встал.

Включил радио.

Чередой потянулись песни, популярные в молодости Быстракова. Он давно их не слышал. Когда-то посмеивался, ёрничал, считая такую музыку достаточно безвкусной, примитивной, изрядно испорченной тогдашней идеологией.

Но вот сейчас эти песни, вопреки воле, начали беречь душу. Наверное, потому, что вместе с ними перед мысленным взором стала проходить вся жизнь...

Что за печаль неумолимо пробирается на сердце через слух?

Куда катится мир?

Ясно, как день: впереди – безысходность тупика. Нет, хуже – впереди сама бездна. Жизнь на исходе. Что дальше? Любые планы бессмысленны.

«Это пришла старость», – понял Александр Иванович.

Пришла – так пришла. Из очереди у края бездны ещё никому из смертных не удавалось сбежать. Все родные давно там – по ту сторону бытия.

Но это малое утешение, когда очередь подходит именно к тебе.

Быстраков извлёк из недр шкафа красную коробочку с наградами отца. Рубиновым отливом орден Красной Звезды обратил на себя внимание сразу; рядом лежали потускневшие от патины медали «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина»... Отец никогда не носил этих наград. Считал, что многие солдаты, не щадившие живота своего, остались вообще в неизвестности, особенно в начале войны. Чем лучше их выжившие и награжденные?

Быстраков-старший вовсе не осуждал сверстников, увесивших грудь регалиями – фронтовики достойны своих заслуг. Он просто отказался от таких украшений на своем пиджаке.

Это поколение было, наверное, создано для постигшего страну катаклизма, для того, чтобы с невиданным человечеством усилиями его преодолеть и победить. Старики искренно считали лучшим временем своей жизни – годы войны. Не странно ли? Лишения, страдания, голод, кровь, гибель многих близких и миллионов вообще незнакомых людей – всё это необъяснимо потеснило в сторону ценности мирной довоенной и послевоенной жизни.

Не странно! Война требует от людей не только жертв, но и жертвенности.

И вот удаляется в прошлое, как давняя походная песня, это легендарное поколение. Его уже почти не видно...

В стариках теперь значится Быстраков-младший. А ведь он родился через три года после благословенной Победы. Его поколение выросло на руках солдат-победителей. Но чем оно отличилось? Мотовством?

Куда катится мир?

Александр Иванович разочарованно махнул рукой. А ведь перед Богом, историей, внуками существует ответственность всего разом ныне живущего народа. И от неё никуда не деться. Бездарно размытарено несколько десятилетий. И платить по счетам придётся довольно строго. Опять страданиями, голодом, лишениями, смертями огромного количества людей?

Чтобы те, кому повезёт выжить, по прошествии времени пережитым потеснили на обочину памяти всю остальную жизнь?

А что, собственно, значит – жить талантливо?

Вспомнилась давняя беседа с другом Николаем Сергеевичем, который считал талант основой человеческого предназначения, мерилом личности. Ведь талант даётся Богом каждому человеку, однако не каждый (прежде всего из-за лени) способен его реализовать. Поэтому истинно талантливый художник как истовый труженик заслуживает самого высокого почтения.

Но что такое талант? Некая способность лучше других выполнять ту или иную работу? Вряд ли. Способность – ещё не талант. Известно всем: он – дар свыше, причём данный больше, чем человек может вместить, потому глубоко мистичен и способен скреплять любовью другие качества в человеке и вообще всех людей вместе. Без него мир примитивно прямолинеен, а с ним – сложен и многомерен. Талант несёт не только художнику – всему миру весть неземную, отрывающую людей от скучной, опостылевшей обыденности ради неотмирной радости, помноженной на неподдельную мудрость. А как же иначе? Он – не раб, но господин, попирающий рутину старого, отжившего, косного во имя нового, истинного, неизведанного, однако знающий цену старому, если оно истинно настоящее. Существует трудноразличимая граница, перейдя которую умение ремесленника может выдать себя – раба – за господина. Преданный и проданный талант даже не удаляется от человека; он сначала меркнет и лишь потом умирает или таинственно передаётся более достойному. Кто, кроме Бога, способен его воскресить или передать?

Евангельская притча о талантах подтверждает эту простую аксиому. Всё дело в риске. Человек, закопавший талант в землю, элементарно боялся рисковать, тем более жертвовать. Земля, призванная рождать жизнь, выполнила не свойственную ей роль сейфа: в сейф сколько положишь – столько и возмёшь. Земля же – всегда щедро добавляет.

Александр Иванович поймал себя на довольно простой мысли: в нынешнее время люди не закапывают таланты, а ба-

нально растрачивают их на бесчисленные удовольствия, поскольку в большинстве своём утеряли страх Божий. О какой жертвенности может идти речь, коль эпоха продажна, мелочна, паскудна?

Куда катится мир?

Что дальше?

Вспомнился вопрос о плоти Христа.

Да, Господь и явил – в абсолютном пределе – эту самую жертвенность Ничто и никогда не может быть выше её.

Пробил час – поколение отцов нашло в себе силы принести свои великие жертвы во имя чаемой Победы. Разве дело заключается всего лишь в обычном идеологическом противостоянии с врагом? Это было бы мелко....

Но каков же ответ на приснившийся вопрос?

Быстраков внезапно почувствовал музыкальную тему, отвечавшую его настроению. Сначала возник неизъяснимый художественный голод в душе, выбивший её из состояния относительного покоя. Как объяснить этот необъяснимый сдвиг? Тайна скрыта действительно в незримом рисунке движения души. Отчего душа, уже взволнованная, настойчиво и потребовала известных только ей аккордов, после которых зазвучали другие, тяжёлые, тем не менее проникновенные. Много sacramентального есть в данном моменте... Потому что не из рассудка произрастают первые побеги творчества. Быть может, они рождаются от созерцания умозрительных картин? Нет. Подобная музыка всегда литературна, иллюстративна, а, следовательно, поверхностна. Единственно, что Александр Иванович хорошо понял, она – о войне, точнее, об отце – гвардии майоре Иване Даниловиче Быстракове, в мирное время школьном учителе пения.

Мелодия дала себя узнать, но тут же исчезла, почти с той внезапностью, что и появилась. Словно канула в бездну. Маэстро чуть не оглох от тишины. Инстинктивно даже заткнул пальцами уши. Беспомощно прижался спиной к стене. В комнате бедствием повисло молчание.

Композитор, правда, быстро сообразил, что без молчания

не может быть настоящей музыки, тем более о войне. Надо уметь слушать тишину, особенно внутри себя. Вскоре, как ребёнок, он запросил из глубины души помощи свыше. И понял: здесь необходима продолжительная пауза. Зачем? Прямо в начале произведения?! А почему нет? Разве существует предписание, в каких местах положено расставлять паузы? Хоть бы и так, что с того? Решать автору. Обрыв музыки и есть известие о всеобщей беде.

Не сразу – через несколько мгновений – мелодия отозвалась мелкой малярийной дрожью в теле. Рывками громко, нервно, тревожно погнались тишину прочь струнные инструменты; потом протяжно и прощально заголосила труба. Раздумно ответили виолончели, заворковали фаготы, которые скоро были с надрывом забиты большим барабаном, но и его перекричали валторны. Громче всех оказалась тихая скрипка: перед ней беспрекословно смолк его величество оркестр; однако, будто опомнившись, инструменты послушно потянулись следом за скрипкой, смелея с каждым тактом. Тема жертвы разворачивалась нарастая. Хорошо бы её соединить с темой любви. Нет христианской жертвы без любви, и нет по-настоящему большой любви без жертвы. Обе темы должны перерасти в ожидание. Мать ждала и дождалась возвращения отца. Многим женщинам не повезло... Какой инструмент наиболее выразительно передаст муки ожидания? Свирель? Флейта? Нет, слишком сусально и прямолинейно. Без затеи. Что-то подсказывает – та же труба прозвучит ярче. Она больше других похожа на человеческий голос.

Быстраков всегда доверял интуиции, или тому, что подразумевается за пределами разума. При всем том твёрдо отвергал «автоматическое письмо», провозглашённое Бретеном, считая такой метод работы от лукавого. Здоровое искусство создаётся целомудренной душой и трезвенным умом, а не в состоянии одержимости.

Да, композитор доверял чутью, но, записав музыку, проверял гармонию алгеброй. Законы творчества неумолимы. А потому он намечал и выстраивал необходимые контрапункты; находил звуковые поддержки; вносил разнообразие в тембры и

фактуры; без сожаления отбрасывал мешавшие случайности. Произведение становилось не столь чувственным, как прежде, зато явно стройным.

Александр Иванович так, не снимая пижамы, и отправился на кухню греть чайник.

Мелодия не отпускала. Она снова всплывала разнообразными драматическими нюансами, увлекала оригинальными вариациями – сладко изматывала душу.

Быстраков открыл окна – проветрить квартиру после ночи.

Праздник Пасхи давно миновал, но пасхальные дни шли своим чередом. Приближалось Преполовение.

На улице сверкал и переливался цветами радуги май, омытый дождями.

Девочка виртуозно выделывала фигуры на роликовых коньках, до тех пор, пока мать не крикнула ей с балкона:

– Шура, домой!

Маэстро не успел налюбоваться завораживающим катанием. Он лишь подумал, что и на ненастоящих коньках кто умеет – творит настоящее искусство. Но может ли оно затмить искусство настоящих коньков?

Воздух обволакивал ласковой свежестью; как во сне, колеблясь, бережно перебирал шепчущие акварельные ветви старой ивы. С оконных стёкол срывались солнечные блики, которые дальше играли отсветами; играли везде, где было возможно им играть: в лужах, автомобилях, даже в очках прохожих. Молодой человек спугнул стайку голубей, и та медленно стала облетать двор. Уличный шум создавал привычный звуковой фон города, что совсем не отвлекало от музыки.

Александр Иванович, глядя в окно, с удовольствием потянулся. Как ни труден он на подъём, а утро всё же замечательное время суток.

Из комнаты донеслись хлопки, похожие на потрескивания костра. Только пожара и не хватало! Впрочем, это оказались и не хлопки, и тем более не костёр, а плеск крыльев: под потолком кругами свободно порхал серебристый голубь...

Бытраков самозабвенно начал наблюдать за его полётом. Воздух туго и прозрачно струился прохладой, касался лица, волос, рук, проникал вовнутрь, задавал ритм дыханию, а дыхание оборачивалось пульсом всей духовной сущности композитора. Квартиру уверенно завоёвывало благоухание сада. Эта блаженная прохлада отличалась от прохлады майского утра живительным воздействием прежде всего на душу, а не на тело. Но пуще прохлады воздействовал аромат... Было бы кошунством выгнать птицу на улицу. Сейчас птица, скорее, могла выгнать на улицу композитора: да, да, он побежал бы за голубем куда угодно. Солнце в окнах уже не светило, а лоснилось, как луна в зеркале атласной ночной реки. Интерьер квартиры терял чёткость, смазывался от движения; Александру Ивановичу показалось, что свет теперь ярче солнца горёл в его сердце, и он сам взлетел. Всё перестало существовать на свете, кроме полёта и вызванного им торжества музыки.

А когда маэстро смог оторвать глаза от почти неземного зрелища, то взгляд упёрся в голые кирпичные стены. Четыре столба в центре здания завершались вверху арками. Они предназначались, вероятно, для опоры огромного купола; при всём том вместо него голубело чистое, совершенно безоблачное небо.

Бытраков ущипнул себя, разуверившись в реальности собственного бытия. Что за ерунда? Откуда взялся этот недостроенный храм?

Неужели сон?

Нет. Явь. Да ещё и какая!

В оконный проём ветер то и дело загонял длинные нежные косы ивы; после чего они маняще уползали обратно. Издалека доносились обрывки неузнанных музыкальных фраз. Плавно развевалась алтарная завеса цвета киновари, словно переключаясь с движением бледно-зелёных ивовых ветвей. Над алтарём продолжал невесомо парить голубь.

Александр Иванович одиноко стоял в просторном притворе. Здесь крыша тоже отсутствовала, поэтому было очень светло.

Маэстро счёл недостойным удивления: вместо пижамы

он обнаружил на себе свой лучший вечерний костюм.

Всё правильно.

Быстраков подумал, что он умер. Предчувствие края бездны, значит, не подвело. Подошла очередь...

И когда в поле зрения попала фигура отца на фоне пёстрой группы ветеранов, коленопреклоненно стоявших перед алтарём, то увиденное лишь укрепило догадку.

Смерть – всё-таки странная штука... Александр Иванович представлял её совсем иначе. Ему рассказывали о каком-то тёмном тоннеле с сияющим светом впереди, а вместо тоннеля – светлый незавершённый храм... И главное – никаких болезней и печалей...

Маэстро ещё сильнее удивило другое. Отец никогда не ходил в церковь, а теперь молился открыто, горячо, со стороны даже красиво.

Кто бы мог подумать...

После молебна они встретились: без эмоций, без объятий и поцелуев.

– Хорошо ли тебе здесь? – спросил сын.

Иван Данилович ухмыльнулся:

– Неплохо. Но будь я умнее, могло быть лучше.

– Соскучился по мне?

– Нет. Мы отсюда постоянно вас видим.

– А я соскучился. Где мама?

– Придёт время – узнаешь.

Маэстро посмотрел с недоумением:

– Какое время, если я тоже умер!

– Поживёшь ещё, – ответил отец. – Смерть – это не событие-в-себе, а функция. Она неизменно служит «для» или «ради». Я умер *ради* вечной жизни. А ты – *для* прежнего творчества, *ради* воскресения в новых сочинениях. И только потому ты здесь. Не может из вечности сгнать то, что создал или благословил Бог.

– А сей недострой – тоже чьё-то будущее произведение?

– Здесь всегда только настоящее. Это храм, который обаяно построить каждое поколение. Мы немного не успели.

– Почему?

– Некоторые – не строили, а разбирали построенное...
– Ты тоже был невером.
– Кто тебе сказал? Таких здесь нет вообще. Да и на фронте подавляющее большинство бойцов носило крестики на груди. Там многие оказывались ближе к Богу, чем вы, якобы воцерковлённые.

Александр Иванович хмуро посмотрел на отца. Тот улыбнулся:

– Глениое или нетленное есть тело Христово? А?! То-то же...

После этого Иван Данилович задумчиво произнёс:

– Вера – не достоинство. Верят подчас и во всякую нечисть. Сам знаешь. Вера дана человеку изначально, как слух, как зрение, как осязание. Ты с младенчества верил, что я – твой родной отец, а мог быть и неродным... И ты всё равно верил бы.

– Хочу посвятить тебе новую композицию. Задумал её симфонической поэмой.

– Слышал. Спасибо. Неужели мой сын стал трусоват или ленив?

– Что ты имеешь в виду? – обиделся маэстро.

– Теряешь вкус к иероглифам тайны. Любишь эффекты. Заучил набор беспрюигрышных приёмов...

– Разве моя музыка настолько плоха? Всю жизнь работал на совесть, а не ради моды, успеха, денег... Есть приёмы, которые обречены повторяться, ибо относятся к ликбезу музыкальной грамоты. Взять хотя бы принцип начала и завершения действия, не говоря о рефрене. В конце концов, и сформировавшийся индивидуальный стиль необходимо учитывать...

– Сам посчитай, сколько раз скрипка оказывалась самым громким инструментом, а труба олицетворяла человеческий голос. Другие примеры нужны? В молодости ты рисковал смелее. Не я же утверждал, что талант напрямую связан с риском. Добавлю лишь: это риск часового. Творческий человек денно и ночью всю жизнь находится на посту, а значит на виду. Вот почему вражья сила всячески пытается художника отвлечь, соблазнить, задурить, и в случае неудачи – напасть и уничтожить.

– Тогда для передышки надо чаще менять часовых.

– Нет. Меняет их только Бог, и повторяю: исключительно один раз. Тьма талантливых ребят погибла на фронте! Когорты гениев! Но они – уже в другом наряде... А нам дал Господь пожить лишь для того, чтобы подготовить из вас сменный караул.

Иван Данилович посмотрел в глаза сыну.

– Почему у тебя нет учеников?

Маэстро задумался.

– Они сами не хотят... За руку к себе никого не приведешь, – посетовал он.

– Тогда возвращайся.

...Гром дверного звонка обжёг слух.

Александр Иванович вздрогнул.

Он не успел понять, что произошло. И встряхнул головой, как с похмелья.

Окна оставались открытыми, в квартире похолодало. Солнце скрылось за перламутром гнеущих облаков. Серость дня растворила тени. Один слабый ветерок не хотел меняться, вопреки натиску туч.

Сколько же времени миновало?

Бытраков открыл дверь.

На пороге с ноги на ногу переминался длинноволосый молодой человек, напоминавший кого-то из знакомых.

– Я от Николая Сергеевича, – сообщил он.

Композитор после беседы с отцом всё ещё не мог прийти в себя; стушевался, не зная как вести себя дальше.

– Проходите, – на ходу бросил он, и отправился на кухню. – Чаю хотите?

Гость казался одного роста с Бытраковым. В нём отсутствовала стеснительность, свойственная первому посещению, робость младшего перед старшим; его вид словно бы говорил, что с хозяином квартиры он давно на короткой ноге.

Молодой человек, обнаружив чайник холодным, поставил его на газ.

– Хочу, – сказал пришелец. – Куда-то собрались, мэтр?

Александр Иванович вопросительно посмотрел, приподняв бровь.

– Костюмчик выходной с утра надели...

Маэстро с едва заметной улыбкой выдохнул:

– Нет. Напротив, только вернулся. А вы, собственно, по какому делу?

Молодой человек тоже улыбнулся, но иначе, нежели композитор: выказывая, что видит Бытракова насквозь.

– Позвольте представить вам несколько моих вещей.

– Зачем? – парировал Александр Иванович, не довольный фамильярным поведением гостя.

На кого же он похож?

– Как заочный ученик – Мастеру и Учителю, – ответил тот.

Музыка не возвращалась к маэстро. А коль и вернулась бы, что толку? В старых, использованных формах он её всё равно отвергнет, поскольку умер для прежнего творчества. Новое – надо создавать с чистого листа. Плевать на былые находки и найденный стиль. Ничего не следует бояться. Условие остается одно: прежде чем творить, необходимо пережить, даже выстрадать мысли сердцем.

Бытраков твёрдо изрёк:

– Мы, сударь, не пирожки выпекаем. Очень надеюсь, что вы не станете помогать чьего-либо мнения о вашем новорожденном сыне, будь он трижды писаным красавцем. Наши произведения – те же дети. Если мы их сполна выстрадали, то ни чьи суждения не могут считаться авторитетными, причём даже в тех случаях, когда выходит неудача. В конце концов, и дети иногда являются на свет уродцами.

По лицу гостя пробежала та же улыбка.

– Вы правы, мэтр, особенно насчёт уродцев, – согласился он. – Тогда попьём чаю?

Александр Иванович заподозрил в этой раскрепощённой манере поведения некий подвох: так обычно прикидываются опытные картёжники, припрятавшие козырного туза.

– Дайте ноты! – рявкнул Бытраков.

Он долго перебирал тетради и впервые не слышал музыки с листа.

Что за оказия?

Так нельзя сочинять!

– В моём представлении, мэтр, произведение – не столько ребёнок, сколько жертвоприношение художника, – нарушая продолжительную паузу, стал размышлять пришелец. – Вы же своих детей не закалываете на алтаре искусства... Время обнаруживает: тленной или бессмертной состоялась вещь. Вместе со своим искусством мастер подчас приносит в жертву и себя. Такие случаи общеизвестны. Может ли быть означенная жертва одновременно тленной и бессмертной, как полагаете?

Говоривший замолчал, ожидая слов маэстро, но не дождался. И продолжил:

– Между прочим, Иоанн Дамаскин разом тленным и нетленным считал даже тело Христа. Вас это интересует?

Ну и утро сегодня!

Быстраков сунул ноты подмышку и отправился закрывать окна в комнате.

Молодой человек вдогонку во весь голос вещал:

– Господь испытывал голод, жажду, усталость, боль от вбиваемых в руки и ноги гвоздей, переживал трагедию отделения души от тела. Слышите меня? С этой стороны тело его действительно тленно. Иначе как мог быть искуплен грех Адамов, если Искупитель не взял бы на себя во всей полноте человеческую природу? Согласны?! Но что касается гнилостного разложения, то такого не произошло с телом Христа. Чем ознаменовано наше воскресение и нетленность человеческой плоти после Страшного Суда. Для музыкантов обязательно должна быть льгота: мы имеем дело с нетленной тонкой природой звуковых волн, а не с грубой материей.

Быстраков снова прислонился к стене и крикнул в кухню:

– Такое будущее меня устраивает. Сударь! Художник и манихей – бессрочные антиподы. Материю, наравне со своей личностью, творец и призван преобразовать.

Слава Богу за всё.

На сердце отлегло. Тупика вовсе нет! Да и о какой тленности можно говорить после свидания с отцом... У нашего

Создателя воистину никто и ничто не исчезает. Каждое движение воздуха, света или звука вызваны Творческим Промыслом. Человеку остаётся лишь прочитать эти отправленные ему письма.

Однако незнакомец, прикрываясь рассуждениями, ответил на вопрос из последнего сна. Прочитал? Чудеса... Кто же он?

Быстраков поспешил на кухню и не спросил, а настойчиво потребовал:

– Как вас зовут?

– Александр, – представился молодой человек.

Это интересно.

Маэстро снова заглянул в ноты. Стена... Бросил взгляд в пространство окна и даже за него – в простор утра; залюбовался знакомой веткой ивы, чуть тронутой лёгким весенним ветром.

В ней – в её движении – композитору таинственно открылась закрытая до того музыка и возникла своя – новая – которую он устал ждать.

Александр Иванович взял с подоконника красную коробочку, отнёс и бережно уложил её на своё место в шкафу.

Гость тоже пытался что-то разглядеть за окном.

– Не выпить ли нам за Победу? – предложил повеселевший Быстраков.

Четвёртый раздел

«Мы слышали лишь отголосок войны...»

**Сборник стихов и прозы
Выпуск 12**

**Сергей
Викторович
МЕХРЕНЬГИН**

Член Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области

В ПОСЛЕДНЕМ ШАГЕ

...И был бой, кровавый и беспощадный. Они бежали на-встречу смерти, и им полагалось кричать: «Ура-а-а!».

Общий гул голосов наступающей волны тогда сливался бы в единое «а-а-а...».

Но почти каждый, пытаясь преодолеть ужас, орал спасительное: «Ма-ма-а-а!...». Оно тоже сливалось в единое, наступательное «а-а-а...».

И, уже покидая тот жестокий, яростный мир, кто-то из них и напоследок успевал прошептать всё то же, единственное – «Ма-ма...».

А редующий гул голосов пополнялся новыми, катился дальше, дальше – до самой Победы.

*По воспоминаниям участников
Великой Отечественной войны.*

* * *

В безумном дележе «всесильных»
Солдатским жертвам нет числа,
Земная скорбь холмов могильных
Их стон последний донесла.

Бойцы седые и салаги,
Не все на наградных листах –
Из тех, кто пал в последнем шаге,
С прощальным «Мама!» на устах.

Не долюбив, шагнули в вечность,
Преодолев окопный страх.
Их не растрочена сердечность,
Не всё досказано в словах.

Их имена в строю посмертном,
На обелисках и крестах.
А в колокольном звоне мерном –
Святое «Мама!» на устах.

И долго вспоминать Отчизне,
В избе крестьянской и Кремле,
О той цене утраты жизнью –
Во имя жизни на Земле.

Умолкнем и приспустим флаги,
Скорбя на памятных местах –
О тех, кто пал в последнем шаге,
С прощальным «Мама!» на устах.

КОРОТКИЙ РАЗГОВОР*

Из сборника дорожных историй

Рослый, в зимней шапке-ушанке и широкой, объёмистой куртке, мужчина преклонного возраста неловко, с трудом поднялся с перрона по ступенькам в тамбур и, опираясь на трость, стал преодолевать тесноту узкого прохода – словно протискиваясь по нему, двинулся вглубь плацкартного вагона.

Старика провожала крепкая с виду, статная женщина, возрастом несколько моложе него.

Приговаривая что-то, она помогла пожилому пассажиру

снять верхнюю одежду и присесть на одно из боковых мест второго купе, лицом по направлению движения поезда.

Долгая стоянка в Ярославле подходила к концу, и, возвращаясь с прогулки по перрону, Виктор Петрович задержался в проходе, занятом вошедшей перед ним парой. Он дожидался, пока пожилой пассажир сядет, неловко выбравшись из рукавов своей зимней куртки и обнажив при этом несколько рядов наградных планок на левой стороне пиджака.

Завидев Слогова, женщина повернулась к нему и с улыбкой спросила:

– Это – Ваше место?

Получив отрицательный ответ, провожатая скороговоркой добавила:

– Он не надолго, до следующей станции. Здесь ближе к выходу.

Приветливо улыбнувшись в ответ, Виктор Петрович миновал пожилую пару и повернул к себе, в следующее купе.

Повесив свою верхнюю одежду на крючок, он уселся за столик, у самого окна, обнаружив при этом сидящего напротив молодого человека лет двадцати, который, видимо, вскоре по прибытии поезда в Ярославль сменил на этом месте прежнего пассажира.

Новичок оказался словоохотливым и, аппетитно расправляясь с курицей, обёрнутой тонкими слоями теста, похожими на блины, живо реагировал на реплики попутчиков, не упуская случая вставить в разговор и свои «пять копеек».

Наконец, насытившись, новый сосед вновь упаковал остатки своего калорийного блюда в фольгу и с явными признаками довольства отвалился от стола, стал более пристально разглядывать окружающих.

Хорошо упитанный, с румянцем, обильно разлитым по круглому, курносому лицу, и бойкий, не по годам уверенный в себе, он чем-то отдалённо напоминал мультяшного Винни-Пуха, «кто ходит в гости по утрам» и «поступает мудро».

Тем временем, медленно набирая ход, поезд тронулся.

– Дед, ты воевал? – неожиданно встрепенулся румяный пассажир, устремляя свой взгляд по диагонали, через проход и

адресуя свой вопрос старику из второго купе.

Дед явно не расслышал сказанного ему и, в свою очередь, вопросительно взглянув на парня, жестом руки показал на своё ухо: мол, говорите громче – плохо слышу.

Не снижая напора, бойкий сосед по-свойски, чуть громче повторил:

– Дед, ты где воевал?

Для педагога Слогова это тоже издавна стало привычным: садясь в очередной поезд, без стеснения вызывать на разговор своих новых знакомцев, либо поддержать чью-то начавшуюся беседу.

Именно в дороге, в непривычных обстоятельствах он всякий раз находил подтверждение старой истине: самая большая роскошь – это роскошь общения.

– На Курской дуге. И дальше, до самой Победы, – с готовностью, твёрдо ответил ветеран, едва различив обращённый к нему вопрос. Похоже, он вовсе не удивился ему: видимо, за многие годы общения с подростками и молодёжью привык отвечать на подобные.

Возникла пауза. Дед сидел, повернувшись вполборота, – так, что можно было разглядеть ряды наградных планок на его пиджаке. Они, по всей вероятности, и привлекли внимание новичка.

Молодой человек явно не осознавал, что человек, к которому он обратился, имел за плечами совершенно уникальный жизненный опыт.

Быть участником беспримерной по своей ожесточенности и упорству битвы на Курском выступе, в результате которой в 1943-м году было сорвано генеральное наступление Германской армии на Восточном фронте, – это, безусловно, уже само по себе достойно особого уважения и почитания.

Ведь та, промежуточная победа наших войск (и в значительной мере – благодаря усилиям танкистов) являлась одной из ключевых в Великой Отечественной войне. Операция «Цитадель», тщательно разработанная немецким командованием, была сорвана.

А фашистской армаде, между тем, противостояли и со-

всем юные защитники Отечества, среди которых тогда был сидящий теперь поблизости старик.

И тут, неожиданно для себя, Виктор Петрович участливо, вполголоса предложил бойкому соседу по купе:

– А Вы поговорите с ним. Таких ведь немного в живых осталось. Можно сказать, перед нами – живая легенда.

Но, заметив нерешительность молодого человека, он сам направился к участнику войны.

– Здравствуйте! Можно с Вами поговорить? – обратился Виктор Петрович к глуховатому пассажиру, едва присев напротив старика на свободное боковое место. И, получив согласие, тут же стал знакомиться.

Вслед за ним, устремив любопытный взгляд своих круглых глаз на ветерана-орденоносца, на нижней полке с другой стороны прохода, напротив деда расположился и молодой сосед Слогова.

Для своих 86-ти лет старик был ещё довольно крепок, гладко выбрит, ухожен и, как говорится, находился в ясном уме.

«Вот что значит старая закалка!» – отметил про себя Слогов.

Он и прежде встречал подобных, стареющих мужчин, над которыми, несмотря на полученные в боях ранения, время, казалось, было не властно. Они по-прежнему подтянуты, их взор цепок, а однажды обретенный боевой дух и сознание добытой – в единении со всем народом огромной страны – Победы, востребованности в качестве живого примера патриотизма и воинской доблести помогают им держать плечи расправленными, вопреки возникающим по жизни бытовым, житейским трудностям и проблемам.

Выяснилось, что Анатолия Константиновича (так представлялся ветеран) на службу в Красную Армию призвали в самый разгар войны, в сорок третьем, когда ему не исполнилось ещё и восемнадцати лет.

Сразу же, в числе других новобранцев он попал на курсы стрелков-радиостантанковых войск.

Затем, по окончании – в Нижний Тагил, где каждые су-

тки, непосредственно с завода в сторону фронта отправлялся целый воинский эшелон с двадцатью шестью новыми танками, погруженными на платформы.

Вместе с другими бойцами и командирами, обретя свой Т-34, пустился в путь и юный Толя.

Добрались до станции Валуйка, что в Воронежской области, оттуда – своим ходом, в составе колонны боевых машин – проследовали к месту дислокации в районе села Уразово.

А это уже было на подступах к той самой, Курской дуге, где по обе стороны противостояния, ощерившись всеми своими пушками и пулемётами, для участия в решающей битве скапливались невиданные до той поры силы бронетехники – танки и самоходные орудия.

Представить то состояние, в котором пребывали люди, находившиеся внутри грохочущей стальной машины, – в их стремлении поразить врага, опередить его в смертельной схватке, и, притом, самим не попасть под прямое попадание снаряда противника, избежать противотанковых мин и падающих сверху авиабомб, – даже мысленно побывать в таком состоянии дано не каждому.

– Анатолий Константинович, в прежние годы мне доводилось немало читать и видеть на экране о том, как проходила грандиозная битва на Курской дуге, – начал издали Словов. – Но вот что хотелось бы услышать от Вас, непосредственного участника тех давних событий. Каковы были Ваши ощущения в тот момент, когда, находясь внутри машины, экипаж вступал в бой?

– Какие ощущения? – переспросил танкист, взгляды в лицо собеседника. И не спеша, подбирая слова, продолжил: – В первом же бою прямым попаданием снаряда из немецкого «Тигра» снесло башню нашего танка. А заодно с нею срезало тела командира и заряжающего бойца, которые находились в ней, – будто тупой секирой пополам перерубило. Вот и представьте себе, какие у меня были ощущения при виде такой картины... У восемнадцатилетнего парня...

Воцарилось молчание. Виктор Петрович обвёл взглядом сидящих и лежащих вокруг него пассажиров. Они все с не-

скрываемым интересом, молча смотрели на пожилого участника войны – видимо, пытались представить то ужасное, участником и свидетелем чего ему довелось стать при боевом крещении.

Тогда, в июле сорок третьего года советским войскам (войсками Воронежского фронта, на котором довелось воевать юному стрелку-радисту, командовал генерал армии Николай Ватутин) противостояла войсковая группировка немцев, в состав которой входили, помимо прочих, 20 танковых и моторизованных дивизий.

В решающем, встречном танковом сражении в районе села Прохоровка одновременно, с обеих сторон в бой вступило 1200 танков, огромное количество артиллерийских расчётов, при значительной поддержке авиации.

Современному обывателю нетрудно представить себе сотню-другую машин, подпирающих других, подобных им, в заурядной автомобильной пробке мегаполиса. А тут 1200 бронемашин, одновременно ведущих пальбу навстречу друг другу! Просто непостижимо воображению!..

Героическими усилиями наши войска тогда разбили фашистскую танковую армаду, в результате чего немецкое наступление на Курском выступе было остановлено. В ходе сражения на огненной дуге было разгромлено 30 отборных дивизий противника.

Позже, вскоре после Победы в 1945-м, закалённый боями, будучи уже кавалером трёх орденов Отечественной войны и награждённый, помимо других наград, медалью «За отвагу», Анатолий вновь побывал на Курской дуге, в местах бывших сражений.

Груды искорёженного, обгоревшего металла – то, что осталось от былой мощи бронетанковых соединений – ещё не были убраны с полей. И на месте механика-водителя какого-нибудь танка можно было увидеть скелет, «сжимавший» рычаги управления. Эту картину бывалому солдату забыть невозможно.

...Неожиданно, после минутной паузы старый стрелок-

радист перешёл к описанию бытовых деталей оснащения немецких солдат.

– Фашисты были холёные, снабжались – «будьте-нате». В их солдатских ранцах, помимо продовольственных пайков, помещались и сигареты, и зубные щётки, и небольшие щётки для обуви, – отметил он. – Культурная нация, нечего сказать. Только вот народа нашего, при своей «культурности» – сколько погубили... Даже сгоняли в церкви, в сараи, запирали там и сжигали заживо...

Он вновь помолчал. С ним заодно, не смея прервать ветерана, молчали и его попутчики. И эта минута молчания под глухой стук вагонных колёс была минутой памяти павших в огне далёкой, ужасной по пережитому, по трагическим последствиям войны.

– Ну, а наши солдаты, как известно, курили махорку. Да не всегда даже было, из чего самокрутку свернуть – бумаги не сыскать, – не без иронии продолжил седовласый танкист. Но тут же гордо заключил:

– А в войне всё ж-таки мы победили. Несмотря ни на что.

Поезд заметно замедлил движение, подходя к перрону станции Данилов.

Взглянув в окно, Анатолий Константинович вдруг оживился и показал на проплывавшее за окном деревянное строение:

– А вот здесь я живу, это мой дом.

И, будто приглашая в гости, он уточнил:

– На первом этаже. Сошёлся тут недавно с одной женщиной, с ней и живу.

Словом поблагодарил ветерана за беседу и предложил ему помочь одеться.

Напоследок, уже готовясь к выходу, старик убеждённо произнёс:

– Войну выиграл Жуков.

Но после небольшой паузы, обернувшись к собеседнику, добавил:

– И... Сталин.

– Это хорошо, что первым Вы назвали имя полководца.

Хотя, мне думается, ещё правильнее было бы сказать: войну выиграл многонациональный советский народ, – ответил Виктор Петрович и, провожая старого солдата, ещё раз тепло поблагодарил его, пожелал ему на прощание доброго здоровья, помог сойти из вагона.

Затем, одевшись, он вновь вышел на перрон – «продышаться». Отмеривая шаги по даниловскому перрону, Слогов заметил в дальнем его конце знакомую, удаляющуюся фигуру 86-летнего стрелка-радиста, участника Курской битвы. Неспешно, тяжело ступая и опираясь правой рукой на трость, он завершал свой путь. До дома ветерану уже было, что называется, – подать рукой.

...Остаток вечера Слогов провёл в беседе со своим молодым, румяным соседом и ещё многое узнал об Илье (так звали молодого человека).

Совместное участие в коротком разговоре с бывалым танкистом сблизило их. А, узнав о том, что Виктор Петрович работал преподавателем, вчерашний студент Илья ещё более расположился к попугачику.

Не без видимой гордости он продемонстрировал два своих только что полученных диплома об окончании одного из полутора десятков ивановских вузов.

Первый из них подтверждал то, что молодой выпускник мог теперь профессионально заниматься вопросами коррозии металла, второй – давал право занимать руководящие должности, уже с точки зрения экономического базиса, владения основами маркетинга.

– Как Вам удалось – сразу два? Ведь, помимо большого желания, всё же надо было посещать занятия... Как это оказалось возможным – «не разрываясь», обучаться и защититься на двух факультетах одновременно? – любопытствовал опытный педагог.

– Крутился... – не особо смущаясь, лишь лукаво улыбнулся в ответ ему молодой собеседник.

Помолчали.

Но молчание для выпускника было тягостным – похоже,

ему было трудно сдерживать свой риторический запал. И он продолжал рассказывать о себе, делясь планами на будущее.

Выяснилось, что родители Ильи – рядовые труженики. Отец – высококвалифицированный монтажник на кораблестроительном предприятии, мать – работает в пожарной части.

В родной северный город новоиспечённый ивановский выпускник направлялся буквально на два дня, чтобы повидаться с родней и со своим любимым красавцем-котом, зрячим альбиносом.

А в Москве, куда молодой человек намерен вернуться, его ждал старший брат, который уже «хорошо устроился», работая начальником отдела в крупной оптовой компании по снабжению продуктами питания.

И сомнений у Ильи – относительно того, в каком городе приложить усилия для собственной самореализации, – конечно же, нет: только в столице. Два диплома плюс военный билет уволенного в запас – будут тому порукой.

Поэтому первым делом он теперь намерен идти «сдаваться» в военкомат, чтобы отправили на годичную воинскую службу.

– Да, без службы в армии не обойтись – военный билет нужен. Без него на приличное место не устроишься, – со знанием дела резюмировал розовощёкий попутчик Слогова.

Со словами о «нужности» военного билета Виктору Петровичу невольно вспомнилось случайное знакомство в Петербурге с двумя юношами – близнецами из Москвы.

Парни приехали тогда на очередную книжную ярмарку помогать родителям в их малом бизнесе – торговле печатной продукцией.

Они восхищались местными красотами города на Неве и, пребывая в состоянии эйфории, разоткровенничались.

Настолько, что исподволь упомянули о своих «белых билетах», приобретённых за немалые «зелёные» деньги, – это позволило им откосить от прохождения армейской службы.

Вот так, просто: отмазались и – всё, свободны. И можно дальше заниматься коммерцией, с неограниченной полнотой радоваться прелестям жизни, в том числе – «за того парня».

Интересно, а как бы их родители поступили в условиях войны – тоже попытались «отмазать» своих чад?..

И каков боевой дух современных солдат российской армии, если существует возможность «откосить» от службы?..

И какая армия будет защищать общество потребления при таком раскладе патриотического сознания его граждан?..

Уж не пора ли что-то менять в идеологии государства, если в общественном сознании столь укоренились двойные стандарты?.. И один из них: могу служить, а могу – «откосить»...

Черере вопросов в размышлениях педагога, казалось, не будет конца.

Но молодой человек, стремясь выговориться, вновь преврал её. Илье не терпелось поведать попучкику о том, что далее, по его плану, в течение трёх лет ему нужно решить семейный вопрос. Попросту говоря – жениться.

– А открывать собственное дело – больших вложений, начального капитала требует, да и риска многовато... У меня таких намерений нет, – отвечал он на очередной вопрос Слогова.

Новоявленный выпускник не собирался подаваться и в науку, как и заняться преподавательской деятельностью. Впрочем, и применить полученные знания по химико-технологическим особенностям металлов, защиты их от коррозии на практике – тоже «не для него».

А вот устроиться, подобно брату, в солидную компанию, с высокой зарплатой – было бы в самый раз.

...Как меняется жизнь, меняются люди...

Дети уже не хотят повторять «подвиги» своих родителей, закаляться на пути преодоления повседневных трудностей – они с готовностью заполняют ячейки пресловутого общества потребления, осваивают его новые горизонты. Хотят получить всё сразу и, по возможности, – больше того.

С подобными проявлениями современных взглядов, нравов подрастающего поколения педагог Слогов сталкивался часто и уже перестал им удивляться.

Примеров было немало. И вместе с ними росло ощущение

ние того, будто что-то очень существенное, определяющее сбито в программе национального самосознания.

А выжившие ветераны... Низкий им поклон – за ратный труд, за доблесть, за самопожертвование в тылу, во имя Великой Победы.

Стемнело. Взгляд Слогова листал мелькавшие за окном таинственные очертания деревьев, какие-то редкие, в отсветах фонарей контуры станционных построек.

Юный собеседник Виктора Петровича по-прежнему сидел рядом, но, выговорившись и уже не заводя нового разговора, притих.

Слогов же, отрешённо глядя в окно, продолжал предаваться своим размышлениям о нынешних энергичных выпускниках с большими, свежими корочками дипломов... Их кредо – на примере таких, как Илья – выглядит просто: в столицу! В коммерцию! Поскорее пополнить ряды «купипродайкиных»...

Москва, пусть и не резиновая, но примет. Как принимает многих и многих других, разрастаясь посредническими структурами чиновников и коммерсантов. Концентрируя у себя огромные финансовые потоки, жируя за счёт всей остальной России. И, конечно же, разительно отличаясь сутью всё новых, создаваемых ею развлекательных телевизионных шоу от реальной жизни населения, проживающего за пределами столицы.

И вскоре – планово, строго по графику – образуется ещё одна молодая семья. А в столичных пробках обозначится ещё одно авто приятной наружности, за рулём которого будет бурно проявлять нетерпение своей деятельной натуры молодой северянин, он же новоявленный москвич, пока ещё столь похожий на известного персонажа из давнего мультфильма времён СССР.

...Приближался очередной юбилей Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

– Интересно, какие планы были у ветерана-танкиста тогда, накануне? – словно продолжая размышлять, но уже вслух произнёс педагог. – Жаль, спросить не успел, разговор был слишком коротким. Всего-то 70 километров пути...

Молодой обладатель двух дипломов повернул к нему своё курносое, румяное лицо, и в его, уже привычном для Виктора Петровича, пытливым взгляде круглых глаз застыла явная озадаченность.

Илья, вопреки своей бойкой словоохотливости, впервые не ответил: он впал в задумчивость. Наверное, пытался представить несбывшиеся планы своих сверстников начала далёких сороковых годов. И эта задача была для него, похоже, не из простых.

** Рассказ печатается в сокращении.*

**Юрий
Николаевич
ФАБРИЧНИН**

*Журналист,
заслуженный работник культуры Российской
Федерации*

* * *

На запад фашисты драпали,
Путая west и ost.
Вкупе хохлы с кацапами
Гнали их в гриву и хвост.

Уз, осененных залпами,
Казалось, не развенчать.
Но вот – мановенье Запада
и каинова печать.

Высветилась, заблестела...
Где же была она,
Когда за правое дело
Священная шла война?

СОЛДАТ

Бежал он, плечи распрямив,
С решимостью святой,
Как будто мог от пуль и мин
Мир заслонить собой.

Бежал он, ненавистью сжат
В тугой взрывной комок,
Как будто скорбь всех изб и хат
В себя вобрать он мог.

Бежал он, телом и душой
Презрев свинцовый шквал,
И вдруг на взгорке небольшом,
Подкошенный, упал.

Лежал он, словно бы прилег
Передохнуть чуток.
Касался кирзовых сапог
Надломленный цветок.

Лежал он, словно бы просил
Сырую Землю-мать,
Чтоб победить в сраженье, сил
Ему немного дать.

Лежал он, словно бы живой,
Готовый встать и нас,
Живущих нас, закрыть собой
В десятый, сотый раз.

СВАДЕБНАЯ БАЛЛАДА

Мешаясь с трогательным танго
И «Рио-Ритой» озорной,
Вдруг растревожится «Славянка»
Под граммофонною иглой.

В кругу друзей идут четою
Среди гуляющих в кремле
Невеста – в белом под фатою,
Жених – в защитном, при ремне.

Во всем солдатском, что ж такого?
Утихомирьтесь, голоса.
Пойми, народ, у рядового
На свадьбу только полчаса.

Жених – суров и полон жизни.
Невеста – нежность и мечты.
«Тысячелетие» отчизны
На них взирает с высоты.

Солдат – обстрелянный иль внове,
Взрывал мосты иль наводил,
При всех делах – ни жил, ни крови
В жестокой схватке не щадил.

Гостей на свадьбу не созвали
Они победною весной:
Невеста – в шалевой печали.
Жених – под памятной звездой.

Исходит медь огнем державным,
Уходят в небо купола,
И над рекой о чем-то главном
Поют, поют колокола.

ВО ДВОРЕ

Лебедь – взметом – по двору:
Хлоп, хлоп, хлоп...
Бьет сосед мой по ковру,
Чист был чтоб.

Бьет, не милуя ковра,
Чист чтоб был.
Из лебяжьего крыла –
Пыль, пыль, пыль.

Из лебяжьего пера –
Моль, моль, моль.
Миг – и вынесет с ковра
Птицу боль.

Вот уж воду режет... Взлёт...
Берег мшист...
Но сосед по ворсу бьёт,
Чтоб был чист.

Миг – и лебедь на крыло,
Ввысь уйдет.
Но сосед наотмашь, зло,
Честно бьет.

Вот удар, еще удар.
Стынет миг.
В гибкой шее заплутав,
Умер крик.

С удовольствием, взახлеб
Бьет сосед.
Взлет, как эхо: хлоп, хлоп, хлоп.
Был и нет.

Вспомнил: поле, танк, под ним –
В рожь как врос.
Люк открылся. Сладкий дым
Папирос.

Будет вам и «nach», и «drang».
Врос. Застыл.
Сзади танк не то, чтоб танк, –
Слаб на тыл.

Газ и лязг. И вслед – гранат
Связка, взмет...
Тем, дымившим, автомат
Выдал счет.

Все недвижно на ковре:
Лес, пруд, свет.
Отдыхает во дворе
Мой сосед.

Закурил, присел, отер
Лоб, рот, нос.
Встал, скатал, свернул ковер
И унес.

Лебедь, лилии, вода –
Вместе с ним.
...Шел июнь. С ума сводя,
Цвел жасмин.

21.06.91

ПАМЯТЬ

...а чайки забыли море.
Забыли озер зыбучесть.
Лазоревость рек забыли.

Обжились в асфальтном гаме,
У луж, что были дождями,
Над мусорными ларями.

И плачут в немолчном хоре
О том, что, приемля участь,
Память в себе убили.

И нет им теперь покоя:
Что ж было в ней там такое –
В памяти – роковое.

А люди забыли...

**Виктор
КАРПУШКИН**

*аспирант
кафедры технологии
машиностроения НовГУ*

В ГЛАЗАХ ВЕТЕРАНОВ

*Цикл, посвящённый 70-летию Победы
в Великой Отечественной войне*

Некоторые из предлагаемых текстов публиковались ранее в книгах, посвящённых Великой Отечественной войне, которые издаются в Политехническом институте НовГУ. Основную работу по привлечению авторов, их взаимодействию с ветеранами и сбору материалов для этих сборников взяла на себя Алла Филипповна Булгакова, заведующая механико-энергетическим отделением, председатель Совета по воспитательной работе и молодёжной политике Политехнического института. За это хочется выразить ей огромную признательность и благодарность.

В НАШЕМ ГОРОДЕ

В нашем городе помнят сотни героев
И подвиг их вряд ли опишешь пером:
Надоело отступать или ходить строем,
И между двух фронтов, как между двух миров...

Задержали наступление у ворот Кремля.
И как только фашист их ни истреблял...
Держались сами, держали врага в смятении,
Пока не ударила артиллерия.

Два с половиной года в клещах оккупации
Жителей не смогли превратить в рабов.
Пусть и удары родной авиации
Оставили с крышами всего пару домов.

Войска попытались перейти через Волхов,
Чтобы застать фашиста врасплох,
Научиться летать было бы не плохо,
И с этим помог им, видимо, Бог:

Тридцатитонные махины по тонкому льду
Переправлялись, над водной гладью скользя.
Заметив наших, враги открыли пальбу,
Но слишком поздно: Юрьев был уже взят.

Говорят, что историкам верить нельзя
И что чудес не бывает на свете.
Да, голубь на Софии за годы озяб,
Но купол её по-прежнему светел.

В ГЛАЗАХ ВЕТЕРАНОВ

Памяти Ивана Осиповича Аксёнова

Киноэпопеи не расскажут правду,
Ни одна книга нас не вернёт туда,
Мелодии военных лет не сделают храбрым,
Для кого-то забыть не составит труда.

Двадцать второе июня, четыре утра:
Для нашей страны начало утрат.
Сказав: «Конец войны – победа», я бы солгал.
Она идёт, пока не похоронят всех солдат.

Два врага превратились в коллег,
Но один из них ещё только встаёт с колен.
В горле ком, словно от сухих галет –
Скоро новый юбилей на календаре.

Целые города линией фронта стёрты,
Но душу согревают гимнастёрка и костёр.
Родина встретит руками распростёртыми:
Многих увезут туда, где дуб не растёт.

Несгибаемый стержень, крепче иностранных,
Позитивный взгляд на мир, как ни странно,
Эта боль от годами открытой раны –
Вот, что я увидел в глазах ветеранов.

В ЭТОМ ЛЕСУ...

В этом лесу подолгу не тает снег,
И почему-то редко расцветают цветы.
Тут позже всех узнают о весне
Эти солдаты с гранитной плиты.

Я тоже был на этих братских могилах
И не увидел конца этому списку имён.
На чём держимся мы, как на стропилах?
Видимо, на жизнях тех, кто погребён.

Тут нечем гордиться, просто нужно помнить:
Эти события вызывают только скорбь.
В исторических спорах ломаются копыя,
А героев хранит болотистая топь.

Кроны деревьев скрывали от Бога многое,
Если бы он видел, то не допустил бы.
Кого-то эта история совсем не трогает.
А кого-то насквозь пронзила, как вилы.

В этом лесу мрак до позднего утра,
И восход солнца не даёт гарантий.
Теперь не так уж важно, кто был прав,
И у кого медали лежат в серванте.

Что там напишут историки лет через сто?
Какой для власти будет удобней смысл?
Правда сотрётся среди сотен листов,
А инфляция в разы поменяет числа.

Сколько улиц назовут именами павших,
Сколько раз ещё таблички украдут,
Мне почему-то кажется, не так уж и важно,
Для тех, кто тогда оказался в аду.

СМОГ БЫ?

Что потребует Родина за ордена,
Не узнаем, нам доля эта не отведена.
Чего стоит сохранить надежды росток,
Мы не поймём никогда процентов на сто.

Какой ценой им удалось выстоять,
Спокойно идти на звуки выстрелов?
Думаю, нам с тобой никогда не понять,
Эти усилия просто немислимы.

Не уверен, что смог бы из нас каждый
Проявить себя точно так же.
Смог бы я, забыв про ужин и завтрак,
Сохранить надежду на завтра?

Смог бы правильно провести параллели,
При этом сохранив веру в людей?
После налёта вражеской авиации,
Выжить и человеком остаться?

Я не хотел бы ответить на эти вопросы
Собственным опытом седых волос.
Мы слышали лишь войны отголосок,
Но и он заставил думать о ней всерьёз...

В КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ

Не ради Кремля или Белого дома
А ради родных, друзей и знакомых.
Не ради мавзолея, где лежит Ленин,
Всё было для детей и новых поколений.
Не ради радио- или телеэфиров,
А ради земляков в соседних квартирах.
Не ради победы, скорее ради мира,
На этой земле столько людей погибло.
И я не понимаю, откуда были силы,
Стоять на своём, когда всех подкосило...
Но где-то глубоко под каменным настилом
Для них стала финалом братская могила.
Ни конкретного места, ни конкретной даты.
Просто когда-то... были ребята.
Году в сорок первом или сорок пятом,
Для которых «Родина» звучало свято.
Командование и погода – против них, словно,
Но в бой шли все... поголовно.
В плену унижали их и зверски мучили,
Но они не сдавались даже в крайнем случае.
Была идея, что объединяла людей,
Цепляла за душу... И если хочешь, не верь:
Она была рядом и не менялась с годами,
А видеть или нет – мы решаем сами.
Ровесникам режут глаза передовицы,
Свое место они ищут за границей.
Но если хочешь, чтобы радовал мир снаружи,
Внутри должна быть сила посильнее оружия.
У нас тут не рай и даже не дешёвая копия,

Но и Америка – это сплошная утопия.
И есть моменты, что напрягают не по-детски,
Но лучше слышать русский, чем немецкий.
Я прожил в Европе четыре долгих года,
И ни разу меня там не назвали уродом.
От их житухи вряд ли полезешь в петлю,
Но я вернулся на родную землю.
Депресняки бывают и нервы пошаливают,
И не то чтобы патриотизм зашкаливал...
Просто, думаю, что так будет правильно:
Страна – наша, а не Путина или Сталина.
Я помню эту смену власти с путчами,
И небо, на года затянутое тучами.
Я понимаю, что прижмёт ещё и покруче,
Но если сдать, то только в крайнем случае.

2007, 2015

ДЛЯ ТЕХ, КТО ПОВЫШЕ

Я бы записал эти треки на диск,
Для тех, кто умер, когда я ещё не родился.
И никогда не попросят исполнить на бис
Те, для кого этот текст написан.

Я бы устроил концерт, почитал бы со сцены
Какого-нибудь милого и небольшого клуба,
Но я уверен почти что на сто процентов,
Зал был бы пуст – смотрелось бы глупо.

Не раскачает никого этим басом и битом
Там, где ещё недавно махали кадиллом.
Так и не решусь, наверно, рядом с могилой,
Включить этот минусок, даже с мобилы.

Я бы хотел им зачитать, но уже не смогу,
Точнее – это они не смогут услышать.
И пока на том свете мне ставят прогул,
Я стараюсь писать для тех, кто повыше.

Сильно утрирую, но на то, что внутри
Можно взглянуть не хуже, чем через витрину.
Каждый из них старше меня минимум раза в три,
И каждый по-своему продвинут.

Интересно, что бы сказали они,
Когда бы я до конца эту тему добил.
Мне трудно представить это даже на миг,
Надеюсь, обошлось бы без обид.

Время не лечит боль – оно её дробит,
Просто готовит сердце к новым битвам.
И всё, что сказано было мною под ритм,
Видимо, очередная форма молитвы.

Такой уж у меня эгоистичный подход,
Который можно и не понять походу,
Но, правда, я не думал о плохом,
Когда зачитывал этот тексток народу.

**Юлия
ЛЕТОВА**

*Выпускница юридического факультета
НовГУ, юрисконсульт
федеральной противопожарной
службы по Тверской области*

ДНЮ ПОБЕДЫ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

* * *

Столько сказано и написано
Об истории той войны.
Словом искренним люди неистово
Ленту времени темную жгли.

Жгли каленым железом ярости,
Страха, преданности и веры
Времена те – без срока давности,
Те, что болью полны без меры.

Пусть в сердцах современников наших
Твердью станут слова-монолиты,
Тех живущих и там пропавших,
Из чьей смерти жизнь наша отлита.

Каждый раз сознавая – до дрожи,
Каждый раз говоря – ком в горле,
Каждый миг там не зря был прожит,
Жаль, что мало осталось – кто помнит.

Мы не знали таких событий.
Слава Богу, пусть так и будет.
Пусть не будет кровопролитий
И войною поломанных судеб.

Мы не сможем уже поведать,
Передать, донести до сути
Лучше тех, кто принес Победу
И кого уже больше не будет.

Семь десятков и также дальше,
Не давая возникнуть сомнениям,
Пронесем через годы без фальши
Связь, так нужную поколениям.

* * *

Вновь страницы газет пахнут дымом войны.
Черно-белое фото и трупы на нем.
И ты думаешь, как хорошо, что не мы.
Оказались в ту ночь под палящим огнем.

Кто-то отдал приказ, карты разрисовал,
А за что, не понятно, жилища горят,
Непонятно, кому снова мир помешал.
Зачем, армию пешек построили в ряд?

С их вершин не заметна та боль и тот страх,
Нужно вовремя дергать за тонкие нити,
Прикрепленные кровью на чьих-то руках,
Обрываясь, собой полосуя по жизни.

А у ног их простой и безликий народ,
Будто шахмат фигуры на малой доске,
Власть свободу сулит и ни капли не врет,
И рисует их судьбы на мокром песке.

И опять в новостях: крики, взрывы, обстрел...
Только слез уже нет, тихо плечи дрожат.
Кто-то вовремя вырваться смог и успел,
Ну а чьи-то тела на равнинах лежат...

* * *

Снова повеяло грустью
Из тишины поминальной,
Новые раны на сердце
Былым затянуться не дали.

Колокол вторит вполголоса
Шепоту губ в молитве.
Кончатся черные полосы,
Только не будут забыты...

**Арина
БОРИСОВА**

*Учащаяся гимназии «Исток»
Великого Новгорода*

НОВГОРОДУ

«Город воинской славы», —
Как это гордо звучит!
— А что это означает?
— Что подвиг Новгорода не забыт.
— Что же такое подвиг?
Почему у всех грусть на лице?
Что было с Новгородом,
В этой далекой войне?
Ведь прошло уже семьдесят лет:
Новые улицы и имена.
Никто теперь и не скажет,
Что город задела война.
— Это верно. Сейчас все иначе:
Жизнь спокойно и плавно течет.
Поэтому мы не забудем
Сорок четвертый год!
Мы не забудем дату
Двадцатое января,
Когда земля новгородская
Была освобождена
От немцев, что пуль не жалели
На защитный Волховский фронт,
Средь сражений не было видно
Даже вдали горизонт.
Тысячи человеческих жизней,

Восемьсот восемьдесят три дня,
Как самый жестокий грабитель,
Тогда забрала война.
Новгород в оккупации
Жил, не смыкая глаз,
Наши предки самоотверженно
В боях сражались за нас.
Чтобы наша жизнь безмятежно,
Спокойно и плавно текла,
Чтобы мы никогда не узнали,
Что такое война.
– Так вот что такое подвиг!
Вот почему храним
Мы в сердце воспоминания...
Давайте же почтим
Героев павших память,
Тех, кто Новгород защищал,
Кто городу родному
Жизнь свою отдал!
Новгород Великим
Назвали когда-то не зря:
О нашей великой истории
Никому забывать нельзя!

**Артём
МЕЖУРЕЦКИЙ**

*Студент исторического
факультета НовГУ*

СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОЙ СЛАВЫ

Надеюсь, что пока ещё в каждой семье хранится память о тех, кто принимал участие в Великой Отечественной войне.

Я помню, как в детстве перед сном мы иногда просили не читать книжку, а рассказать какую-нибудь историю. Часто родители рассказывали о своих бабушках и дедушках, в том числе и об их жизни во время Великой Отечественной. Несколько лет назад я решил записать эти истории.

Вот что мне рассказывала мама о моих бабушках и дедушке с ее стороны: «Бабушка Валентина родилась в селе Новые Юрковичи (сейчас Брянская область). Во время Великой Отечественной войны эта территория была оккупирована фашистами. Партизаны предупредили местных о том, что немцы будут забирать молодёжь на работы в Германию. Бабушка Валя и другие жители, успевшие убежать, прятались в соседнем селе, которое недавно было сожжено врагом. Спасшиеся помогали партизанам, тогда погибли два бабушкиных брата. Немцы не могли справиться с партизанскими отрядами и прислали солдат SS. Прабабушка вспоминала, как фашисты выкопали яму, залили её бензином и подожгли. В огонь кидали младенцев, а матери сами бросались в пекло за своим чадом. Когда наши войска пошли в наступление, немцы, отступая, сжигали дотла все сёла. Но почти сразу на освобождённой территории начиналось восстановление населённых пунктов.

Бабушка Шура (Александра) родилась в деревне Рокочино Новгородской области. В военные годы трудилась в колхо-

зе. Периодически женщин отправляли на оборонные работы, они ездили к линии фронта в сторону Будогощи: копали окопы, строили оградительные сооружения. После войны бабушка Шура продолжала трудиться в родном колхозе. Как за работу в тылу, так и за труд в мирное время прабабушка была награждена многими наградами».

Прадедушка Ваня вырос в Новгородской области в деревне Мошичино. В колхозе дедушка работал с лошадьми, хорошо ориентировался на местности. Поэтому в 1939 году был призван в ряды Советской армии именно в пограничные войска, на границе с Бессарабией. Курить пограничникам было нельзя, так как в дозоре их мог обнаружить нарушитель. Поэтому на границе дедушка навсегда бросил курить. Там его и застала война. Сдерживая натиск врага с первых дней, дедушка Ваня вместе с войсками отступал до Одессы. Отсюда наших солдат на кораблях переправили в Феодосию. В Крыму советские войска были разбиты, дедушка попал в плен. Несколько раз он неудачно бежал. После очередной попытки бегства с другими военнопленными дедушка Ваня был отправлен на работы в Германию. При открытии второго фронта из плена его освободили американские войска. После Победы дедушкина часть готовилась к переброске на Дальний Восток. Но так как война с Японией скоро закончилась, наши солдаты на год остались в освобождённой Германии, сохранять мир. По завершении воинской службы дедушка вернулся в родную деревню. Дед Ваня имел как боевые награды, так и награды за труд».

А вот, что я услышал о дедушках и бабушках по папиной линии: «Бабушка Маша родилась в деревне Золото Ленинградской области. Работала сварщиком на Тихвинском (сейчас Бокситогорский) глинозёмном заводе во время войны, до и после неё.

Дедушка Родион родился в Новгородской области в деревне Анциферово. В 1939 году был призван в Советскую армию на войну против Финляндии. Во время Великой Отечественной служил связистом на Ленинградском фронте. Был награждён медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда».

Прабабушка Клава родилась в деревне Воложба (Ленинградская область). Во время войны работала на предприятиях посёлка Бокситогорск, помогая фронту. Продолжала трудиться в родном городе и в мирное время.

Дед Андрей родом из Ленинградской области из деревни Межуречье. Принимал участие в финской кампании. Во время войны участвовал в переходе кораблей Балтийского флота с военно-морской базы города Таллинн в Кронштадт на крейсере «Киров». Во время этого перехода корабли попали под бомбёжку вражеской авиации. Спасаясь, моряки вплавь добирались до островов (прадедушка добрался до острова Гогланд). После авианалёта уцелевшие суда забрали выживших матросов. Корабли Балтийского флота, дошедшие до Кронштадта, участвовали в обороне Ленинграда. Часть моряков, в том числе дед Андрей, были списаны на берег. Дедушка служил шофёром на «полуторке» (ГАЗ-АА). Возил хлеб в блокадный Ленинград, а из Ленинграда вывозил детей и взрослых по Дороге Жизни на Большую землю. Когда бомбили Дорогу Жизни, во льду появлялись воронки, часто машины провалились под лёд вместе с продуктами. Водители ездили с фарами с небольшими щелями, светящими едва заметным светом; дверца всегда была открыта – если машина проваливалась под лёд, шофёр мог бы выскочить; сзади в кабине висел котелок, который гремел и не давал шофёру заснуть. Дед Андрей участвовал в снятии блокады Ленинграда. Войну закончил в Кёнигсберге. После прадедушка работал шофёром на предприятиях Бокситогорска».

Дедушка Толя родился в мае 1941 года. Он плохо помнит военные годы. Но дедушка рассказывает, что всегда засматривался на солдат в красивых гимнастёрках, при боевых наградах. А ещё дедушка помнит всеобщую радость от Победы. Хочется, чтобы и сейчас это чувство объединяло нас.

Такой связующей нитью поколений и времён, безусловно, можно назвать и литературу. Поэтому я хочу привести два отзыва на книги, прочитанные в подростковом возрасте, отзывы написано тогда же.

Прочитав книгу Геннадия Михасенко «Кандаурские

мальчишки», я сначала подумал, что это истории про деревенских мальчишек, которым интересно повредничать девчонкам и старухам. Даже во время войны они не изменились. Но стали задумываться, что обратить внимание на себя можно не только хулиганством, но и хорошим поступком.

Когда началась война, в сибирской деревне, пусть и удалённой от фронта, не хватало мужских рук. Поэтому мальчишкам пришлось стать настоящими мужчинами, они взяли на себя обязанность пасти овец. Им пришлось даже поймать преступника и спасти заплутавшую овцу. Вот какое серьёзное дело, это вам не девчонок за косички дёргать!

Больше всего в повести мне понравилось, как мальчишки ходили за кедровыми шишками. Я тоже хочу это сделать, да только кедры у нас поблизости не растут. А жаль. Так хочется самим собранных и запечённых в костре кедровых орешков.

Когда я прочитал повесть и собирался отнести её в библиотеку, на следующее утро книги не нашёл. Оказалось, что мой дедушка взял её почитать, а потом он сказал, что здесь описано его детство: дедушка тоже в детстве был пастухом. И это здорово! Как хорошо, что книги могут быть машиной времени.

Книгу Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» мне посоветовали прочитать бабушка с дедушкой. Они говорили, что «эту повесть должно читать молодое поколение. Люди должны знать свою историю, любить и, если нужно, защищать свою Родину». А вот то, о чём меня в подростковом возрасте заставила поразмышлять эта повесть.

Кажется, война – не женское дело. Но самые героические подвиги совершают именно женщины.

Почему человек идёт защищать свою Родину? Не ради своего будущего, ведь он может погибнуть в бою. Не ради славы, ведь жизнь дороже известности. Наверное, солдат думает, что другим людям плохо, когда на Родине царит война. Поэтому, может быть, ради блага других людей, живущих здесь, нужно отдать жизнь. Ведь если не ты, то кто освободит Родину?

Мне было жалко девушек, погибающих от оружия врага.

Они ещё не узнали всех радостей жизни, но, испытав все тяготы войны, погибли. Кажется, что маленький отряд солдат, среди которых пять девчонок, не способен противостоять шестнадцати отлично организованным фашистам. Но моральная сила, воля к победе и боязнь за судьбу Родины помогли не просто девочкам, а настоящим советским воинам. Помогла им сражаться и природа. Ведь когда ты живёшь среди могучих лесов, когда ты ходишь по прекрасным лугам, когда ты видишь тихие зори, тебе не жалко жизни за эту красоту. М если не ты успешешь полюбоваться этим, хотя бы следующее поколение заметит: «А зори здесь тихие...»

В старших классах учительница по литературе Мария Васильевна Румянцева предложила мне подготовить краеведческие работы. Так или иначе они тоже были связаны с Великой Отечественной, с историей моего родного Бокситогорского района Ленинградской области во время войны.

Таким образом, у меня накопилось немалое количество материалов, связанных с Великой Отечественной войной. Я решил оформить эти материалы в виде сайта tearal.ru/voina/.

В каждой семье хранят имена своих героев, свои рассказы о войне. Больше всего, на мой взгляд, память о Победе зависит от семьи. Только если нам с детства будут рассказывать о подвигах предков, мы сможем испытывать искренние чувства уважения к Победе, к прошлому.

Сегодня Интернет даёт огромные возможности для хранения информации и всеобщего доступа к ней. Появляется возможность сделать доступными сведения о том, как отдельный человек видел войну, как эти события отражаются в сознании современных людей.

Военно-исторический форум-2 решил использовать возможности современных технологий и создать электронную книгу Памяти pobeda.vif2.ru. Этот проект действует на основе ежегодного конкурса «Страницы семейной славы» при поддержке Союза журналистов России, МГУ и ряда других организаций. В проекте участвуют как дети, так и взрослые, в том числе и ветераны. Любой желающий может представить свою

статью, сайт или творческую работу, посвящённую своей семье или истории нашей страны. Вот уже три года лучшие работы печатаются и в бумажном сборнике. Каждый год в Москве проходит награждение лучших работ. Кроме того, на заключительной встрече участники делятся и своим опытом поисков, работы в архивах.

Хочется отметить, что возможности Интернета в сохранении памяти использует и государство. Министерством обороны России были разработаны два очень важных ресурса. Обобщенный банк данных «Мемориал» obd-memorial.ru содержит информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны. Электронный банк документов «Подвиг народа» podvignaroda.mil.ru наполнен документами о ходе основных боевых операций, подвигах и наградах воинов Великой Отечественной.

Важно, что государство осознаёт свою немалую роль в сохранении памяти о Победе. Но главное, чтобы эта память сохранялась в семьях и передавалась следующим поколениям.

**Дмитрий
БАРАЕВ**

Учащийся школы № 2 г. Пестово

Старшинов В. Г.

ПОД СТАРОЙ РУССОЙ ПРОПАЛ

Мой прадедущка по материнской линии Старшинов Василий Григорьевич родился в 1891 году в д. Сосновец Быковского поселения в крестьянской семье.

До войны прадед работал в колхозе, женился. С женой Ириньей Титовной воспитывали девять детей. Один из них – мой дедушка.

Семья была зажиточной. Велось свое хозяйство. Держали свою лошадь, трех коров, овец, кур. Дети во всем помогали родителям, пасли коров. Летом ходили в лес за ягодами и грибами, заготавливали дрова на зиму. Но всему помешала война.

Прадедущка ушел на фронт в июле 1941 года. Воевал в районе города Старая Русса Новгородской области. Последнее письмо с фронта жена получила в сентябре того же года. В декабре после сильнейших боев под Старой Руссой прадед стал числиться пропавшим без вести.

После войны в живых осталось шестеро его детей. Иринья Титовна вырастила их одна. Все дети получили образование, обзавелись семьями, работали, воспитывали своих детей и внуков. Одна из них – моя мама, внучка моего прадеда. От нее я и узнал эту историю.

В Пестовском районном военкомате есть Книга памяти, в которую вписано имя Василия Григорьевича Старшинова. На мемориале у школы № 1 тоже запечатлено имя моего прадедушки. Я очень им горжусь.

На память о Василии Григорьевиче в семье сохранилась одна-единственная довоенная фотография. Я смотрю на своего прадедущку, которого никогда не видел, и думаю: только бы война никогда не повторилась.

Егор ГЛУШАКОВ

Учащийся школы №2 г. Пестово

ЧЕРЕЗ ПАМЯТЬ К МИРУ

Меня зовут Егор Глушаков. Я живу в г. Пестово и учусь в 5 «А» классе школы № 2. Вчера мама показывала мне дом, где она жила маленькая, вместе со своей мамой, папой, бабушкой и дедушкой. На воротах дома в то время висела красная звезда. Это означало, что в этом доме живет ветеран Великой Отечественной войны. Это был мой прадед, дедушка мамы –

Никитин Василий Петрович

Никитин

Василий Петрович. Мама очень его любила и гордилась им. Прадедушка Вася не любил говорить о войне. Никаких документов военного времени на настоящий момент не сохранилось. Немного из его рассказов запомнил его сын, мой дедушка Александр Васильевич Никитин.

Мой прадед Никитин Василий Петрович родился 3 марта 1926 года в деревне Мякишево Весьегонского района Калининской области. На фронт он был призван в 17 лет в 1943 году. После недолгого обучения воевал в пехоте. Был и связистом, ползал с катушкой на передовой, и в противотанковом расчете бил фашистские танки из ПТР (противотанкового ружья), и в танковом десанте воевал. За один из боев получил медаль. К сожалению, она потом затерялась в госпитале. Гимнастерку после ранений получил уже без медали, а восстанавливать после войны так и не стал.

Прадед воевал на 1-м Прибалтийском фронте под командованием маршала К.К. Рокоссовского. В 1944 году в битве под г. Шауляй его взвод попал под минометный обстрел. В живых осталось только два человека. Тяжело раненный в голову и ноги, дед попал в госпиталь. Осколки так и остались на всю жизнь с ним: вынимать их было нельзя. Прадед потом «звенел»

при переходе через турникет в аэропорту и носил с собой свидетельство о ранениях.

После выздоровления Василий Петрович был комиссован домой как инвалид войны. Самый дорогой праздник для него – 9 мая, День Победы!

Возвратившись домой, прадед много трудился - стране очень не хватало мужских рук. После переезда в Пестово работал трактористом. Женился на Надежде Алексеевне Смирновой. Вместе они построили дом и вырастили сына Александра. Помогали растить внучек Наталью и Олесю. Дедушка Саша говорит, что отец был очень трудолюбивым. В семейном архиве сохранилось много грамот и поощрений за доблестный и отличный труд. На вид Василий Петрович мог показаться суровым, но для мамы он был очень ласковым и добрым дедушкой.

Война – это плохо. Все это знают. Но иногда людям приходится защищать свою Родину от захватчиков, чтобы дети росли счастливыми в свободной стране. Мои родители передают мне гордость за тех людей, которые подарили нам мирную жизнь - наших прадедушек и прабабушек. Надо помнить и знать своих предков. Через память о прошлом, о тяжелых испытаниях войной, о людских бедах и потерях наш путь к миру!

Елизавета ГРЕКОВА

Учащаяся школы № 2 г. Пестово

О СЛАВНОЙ ЖИЗНИ БОЕВОЙ

Никто не забыт и ничто не забыто...

Мой прадедущка по материнской линии Доброходов Андрей Петрович родился в 1921 году в д. Новинка Пестовского района Ленинградской области.

Окончив семь классов, вспоминает он, пошел работать в родной колхоз. В Пестове записался в железнодорожно-ремонтную бригаду и отправился «путешествовать».

Война его застала в Донбассе. В сентябре 1941 года был призван в Красную Армию. На призывной комиссии записали в авиашколу.

Отслужив год и получив специальность механика самолетов с поршневым двигателем, прадед попал по распределению в истребительский полк. Воевал на Западном фронте в звании старшего сержанта технической службы. Менялись аэродромы, самолеты. В личных документах А.П. Доброходова написано, что «за период Отечественной войны обслужил 300 учебно-боевых и 15 боевых вылетов, восстановил в полевых условиях 12 самолетов».

Победу прадедущка встретил в Польше. Демобилизовался только в сентябре 1946 года.

За мужество, отличную подготовку своего самолета к боевым вылетам, который, по характеристике командования, считался эталоном для всего полка - ни разу не вышел из строя из-за неисправности - прадедущка был награжден медалями «За боевые заслуги», « За победу над Германией», маршала Жукова и другими.

После войны трудился в Пестовском лесмашпроме. Женился. Вместе с женой Анастасией Григорьевной они воспитали двух сыновей. Имеют девять внуков, десять правнуков и два праправнука.

В 2012 году учениками школы № 6 г. Пестово с участием

моего прадедушки снят фильм «А в памяти война», посвященный Дню Победы. Фильм занял 1 место на областной краеведческой конференции.

Про прадеда написана не одна статья в нашей местной газете. Андрея Петровича с

большим интересом слушают дети на классных часах в школе. Сейчас прадеду Андрею Петровичу 93 года. Каждый год в День Победы он надевает с гордостью свой пиджак с орденами, ходит на митинги, посвященные празднику. И, вспоминая отдельные моменты, в кругу семьи рассказывает о войне.

Я уважаю своего прадедушку и горжусь им!!!

Доброходов А.П.

г. Модлин, Польша.

Надпись на обратной стороне фотографии:

«Пусть бледный снимок сей напоминает

О славной жизни боевой.

О том, как боя ожидая,

Мы дышим свежестью степной.

г. Модлин, Польша. 15.04.1945 г.»

Фото из семейного архива

Екатерина ДЕНКС, Любовь ДЕНКС

Ученицы школы №2 г. Пестово

«МЫ ПОМНИМ, МЫ ГОРДИМСЯ!»

Денкс Алексей Владимирович
Чехословакия, 1945 г

Наш дедушка по отцовской линии Денкс Алексей Владимирович родился в 1915 году. Время было тяжелое. В семье его родителей было пять сыновей, один из них - наш дедушка. Несмотря на трудности жизни, он окончил 5 классов в семилетней школе. Поступил в ФЗО (фабрично-заводское обучение), где получил профессию шофера. Она для него стала единственной на всю жизнь. В 1939 году во время Финской кампании был призван в ряды Красной армии и принимал участие в боевых действиях. В 1940 году демобилизовался из армии.

А в 1941 году началась Великая Отечественная война. И 23 июня, с первых дней войны, дедушка снова был призван в ряды рабоче-крестьянской Красной Армии. Все долгие годы войны был водителем. Обеспечивал боезапасами свою гвардейскую артиллерийскую бригаду резерва Верховного Главнокомандующего.

В суровые годы войны дедушка честно выполнял свой патриотический долг — достойно нес службу в доблестных войсках Первого Украинского фронта, заслуживших своими ратными подвигами всеобщую любовь нашего народа.

На знаменах боевой славы войск Первого Украинского фронта записаны выдающиеся исторические победы. Могучими ударами они разгромили врага в районе среднего течения Дона, нанесли гитлеровцам беспрецедентное поражение в районе Курской дуги, героически форсировали реку Днепр и освободили от фашистских оккупантов древний русский город — столицу Советской Украины - Киев.

Стремительно наступая, окружая и уничтожая крупные

группировки врага на Правобережной Украине, освободили города — Житомир, Ровно, Проскуров, Винницу, Каменец-Подольск, Ковель, Тарнополь, Черновицы, Станислав, Дрогобыч и Львов.

С жестокими боями прошли южную Польшу, форсировали реки Сан и Вислу, освободили вторую польскую столицу - город Краков и важнейший промышленный район — Верхнюю Силезию.

Ворвались на территорию Германии — логово фашистского зверя, форсировали реки Одер, Нейссе, Шпрее и, выйдя на реку Эльба, в центре Германии соединились с войсками наших союзников.

Вместе с доблестными войсками Первого Белорусского фронта наголову разбили берлинскую группировку немцев и водрузили над Берлином знамя Победы.

Сокрушительными ударами, уничтожая остатки вражеских войск, заняли город Дрезден, и, завершая окончательный разгром фашистской Германии, освободили столицу союзной нам Чехословакии — город Прагу.

За войну дед был награжден медалью за Отвагу, медалью за освобождение Праги, медалью за победу над Германией и множеством грамот. Хочется процитировать некоторые из них.

Первый Украинский фронт

Благодарственная грамота

Гвардии красноармеец Денкс Алексей Владимирович

«Дорогой товарищ! Великая Отечественная война победоносно завершена. Красная Армия в жестоких боях с немецко-фашистскими захватчиками отстояла честь, свободу и независимость нашей Родины, обеспечила миллионам людей возможность от фронтовой жизни снова вернуться к мирному созидательному труду. Вы возвращаетесь на Родину с ПОБЕДОЙ...»

«...Семьдесят четыре благодарности объявил в своих приказах Верховный Главнокомандующий — Великий СТАЛИН войскам 1-го Украинского фронта за отличные боевые действия.

Выражаю уверенность, что безграничная любовь к Советской Отчизне, вдохновлявшая Вас в дни Великой Отечественной войны, будет неиссякаемым источником Ваших трудовых подвигов в дни мирного труда.

Сердечное спасибо за отличную службу в войсках фронта, желаю здоровья и успехов на фронте мирного социалистического труда на благо и счастье нашей Родины, во имя торжества великих идей ЛЕНИНА-СТАЛИНА».

Таков героический путь нашего дедушки.

В конце 1945 года дедушка демобилизовался и вернулся в свой город Пестово Новгородской области, где встретил нашу бабушку Денкс (Белякову) Валентину Фёдоровну, с которой они поженились 1 января 1946 года. Вместе они воспитали двоих сыновей – нашего папу и его брата. Бабушка, так же, как и он, участвовала в Великой Отечественной войне. Была призвана на Волховский фронт в 1942 году.

Дедушка много трудился и в мирное время: работал водителем автобуса, лесовоза, на пенсию вышел с ОМЗ. Его трудовой стаж — 42 года. За свой труд был награжден многочисленными грамотами и наградами.

Таким был наш дедушка, живший теперь уже в прошлом столетии, в трудное, героическое время. Хотя нам и не удалось застать его, но для нас он всегда был рядом, потому что папа часто рассказывает нам о нём. Мы очень гордимся им, любим и уважаем.

Валерия ДУБОВИЦКАЯ

Учащаяся школы №2 г. Пестово

Е.Т. Виноградов

Фото с сайта

МОЙ ПРАПРАДЕД НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В этом году исполняется 70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. О том, что мой прапрадед по материнской линии Виноградов Егор Терентьевич был участником ВОВ, я слышала от старших. Когда я родилась, его уже давно не было в живых. История его военной жизни в семье не сохранилась.

Мы с мамой решили попытаться найти информацию о прапрадедушке. Сделали запрос в Интернете на портале о фронтовиках

«Победа 1945». Через несколько мгновений я впервые увидела Егора Терентьевича на фотографии! С волнением я читала его карточку фронтовика, узнавала подробности нелегкой службы (адрес на сайте: <http://www.pobeda1945.ru/frontovik/27233>).

Виноградов Егор Терентьевич родился 6 мая 1904 года в деревне Погребное Лесного района Калининской (ныне Тверской) области.

В Красную Армию прапрадед был призван из запаса Лесным РВК Калининской области в июне 1941 года. Вместе с ним в Красную Армию были призваны его родные братья Виноградовы Андрей Терентьевич (1909 г.р.), Николай Терентьевич (1900 г.р., пропал без вести в декабре 1941 года), Алексей Терентьевич (погиб), Василий Терентьевич (1925 г.р., подполковник, участвовал в обороне Сталинграда и жил в этом городе, умер в Москве 8 июля 2007 г.).

Семья Виноградова Е.Т.: жена Виноградова Александра Абрамовна с детьми Анной (1926 г.р.), Анастасией (1929 г.р.),

Ниной (1931 г.р.), Надеждой (1934 г.р.), Александром (1936 г.р.) во время войны проживала в деревне Антушино Лесного района Калининской области.

На фронтах Великой Отечественной войны прапрадед с 1941 года. Был легко ранен 9 января 1942 года, тяжело ранен 9 мая 1944 года. В марте 1945 года мой прапрадед воевал стрелком 1 стрелкового батальона 284 стрелкового Краснознамённого полка 86 стрелковой Тартуской дивизии 116 стрелкового корпуса 2 Ударной армии 2 Белорусского фронта. В бою за населённый пункт Шёнфельд 25 марта 1945 года он уничтожил 3 немецких солдат, а 2 взял в плен. За образцовое выполнение боевых заданий, доблесть и мужество 5 апреля Е.Т. Виноградов награждён медалью «За отвагу».

Прапрадед в бою при форсировании пролива Пеене и захвате плацдарма на его берегу в районе населённого пункта Карнин на острове Узедом в земле Мекленбург-Передняя Померания, Германия в числе первых переправился на противоположный берег, преодолев пролив шириной до 1 км. В этом бою он был легко ранен, но с поля боя не ушёл до конца выполнения боевой задачи. После завершения боя был эвакуирован в 14 отдельный медико-санитарный батальон 86 стрелковой дивизии. Ошибочно он был внесён в Список безвозвратных потерь 284 стрелкового полка 86 стрелковой дивизии, как погибший в бою 4 мая 1945 года и похороненный в братской могиле. Его жене Виноградовой Александре Абрамовне было направлено извещение о смерти № 0430 от 6 мая 1945 года.

После излечения мой прапрадед с 14 июня 1945 года продолжил службу в своём 284 стрелковом Краснознамённом полку 86 стрелковой Тартуской дивизии.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество он был награждён второй медалью «За отвагу». Также был представлен к ордену Красной Звезды и награждён.

В сентябре 1945 года он был демобилизован. Проживал и работал в селе Лесное на комбинате бытового обслуживания, в селе Виглино на хлебопекарне, в последнее время работал в

колхозе «Дружба» колхозником. Умер прапрадед 6 января 1981 года, похоронен на кладбище Борулица в селе Лесное.

Еще месяц назад я ничего не знала о своем прапрадедушке. Я рада, что «познакомилась» с ним и считаю его героем.

Внуки фронтовика, мамины двоюродные дяди, Юрий и Александр Виноградовы, проживают в селе Лесное Лесного района Тверской области. Мы поддерживаем с ними связь.

Дарья КРЫЛОВА

Учащаяся школы №2 г. Пестово

ВЕЛИКАЯ ТРУЖЕНИЦА

9 Мая вся наша страна будет отмечать 70-летие Великой Победы. Летит время. Проходят годы. Стираются из памяти события давно минувших лет. Но всегда остаётся то, что не сотрётся с годами. Для нас это память о Великой Отечественной войне.

Судьба моей прабабушки по материнской линии Анны Кузьминичны Мельниковой очень похожа на судьбы многих советских женщин. Оставаясь в тылу, они приближали Победу с каждым днём, неся все тяготы на своих хрупких плечах.

Родилась моя прабабушка в деревне Маньково Пестовского района. В семье было пятеро детей, прабабушка была второй. Поэтому родители дали ей возможность отучиться только два года в Брякуновской школе. Читать и писать она умела, а дальше за старшую сидела в няньках. Пряла пряжу и выполняла работы по дому. Чуть исполнилось пятнадцать лет, прабабушка вступила в колхоз. Нужно было работать, чтобы помогать родителям: кормить брата и сестёр.

Когда началась Великая Отечественная война, моей прабабушке было двадцать лет. Молодая, красивая, невысокого росточка девушка осталась в деревне, проводив на фронт своего любимого.

Некогда было думать о себе, о своей молодости. Как и все женщины, моя прабабушка работала день и ночь. Каждой была выдана норма по заготовке леса. Лес пилили по размеру и складывали в штабеля. Затем отправляли на фронт. Ходили на работу за несколько километров в Талицкое болото. Заготовки леса шли зимой, а летом и весной пахали и сеяли. Вся эта тяжёлая работа легла на женские плечи. Но моя прабабушка по натуре - весёлая, неунывающая и трудолюбивая. Всё это помогло ей выстоять и вынести те тяготы, которые выпали на женскую долю. Несмотря на то, что питание было очень скудным, физические силы молодёжь поддерживала песнями, шутками и при-

ятными воспоминаниями.

В 1943 году вернулся с фронта любимый человек. Образовалась счастливая семья. Родилось трое детей. Теперь моя прабабушка вместе с прадедушкой ждали Победу, помогали фронту, работая в колхозе. Моя прабабушка вступила в колхоз в 1936 году и продолжала трудиться и в послевоенное время. Труд был тяжёлым, обыденным. Но трудолюбие, любовь к жизни и своим близким помогли моей прабабушке преодолеть тяготы послевоенной жизни.

В 1969 году Мельникова Анна Кузьминична стала участницей выставки достижений народного хозяйства СССР в городе Москва.

За долголетний добросовестный труд от имени Президиума Верховного Совета СССР решением исполкома Новгородского областного Совета народных депутатов 27 октября 1981 года прабабушка награждена медалью «Ветеран труда».

*Мельникова Анна Кузьминична (в центре) с мужем Мельниковым Иваном Григорьевичем
Фото В. Васечкина для буклета «Пестово. Маленький город России»,
выпущенного к 80-летию г. Пестово Новгородской области*

В 1993 году за доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны А.К. Мельникова награждена медалью указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года.

В 1995 году прабабушке вручается юбилейная медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В 2003 году ей присвоено звание «Ветеран Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

1 марта 2005 года Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2004 г. А.К. Мельникова награждена юбилейной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В 2006 году к 65-летию трагической даты начала ВОВ моей прабабушке пришло поздравление от президента Российской Федерации В.В. Путина.

В 2007 году В.В. Путин также поздравил ее с всенародным праздником - Днём Победы.

Моя прабабушка Анна Кузьминична, как и многие другие, держала бессменную трудовую вахту. Своей стойкостью, мужеством она показала мне, что нет и никогда не будет такой силы, которая смогла бы поставить на колени наш народ.

Умерла моя прабабушка 9 ноября 2008 года, когда мне было всего пять лет. Я горжусь ей и говорю «спасибо» великой труженице.

**Александра ЛАКШИНА,
Максим ЛАШКИН**

Учащиеся школы №2 г. Пестово

**НАША ПРАБАБУШКА – ЖИТЕЛЬ БЛОКАДНОГО
ЛЕНИНГРАДА**

Мы хотим рассказать о своей прабабушке – Зориной Евстолии Михайловне, которая носит звание «Житель блокадного Ленинграда».

Наша прабабушка родилась в деревне Васютино Шольского района Вологодской области в семье колхозников. Окончила 8 классов и пошла работать вместе с родителями в колхоз.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Город Ленинград был разрушен, и в 1942 году прабабушку отправили работать на стройку, поднимать Ленинград. Вот что об этом рассказывает она.

– Здравствуй, бабушка! Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, только ноги болят.

– Бабушка, сейчас идет подготовка к празднованию 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Нам в школе поручили взять у тебя интервью, как у человека, который пережил блокаду. Присядь поудобнее и расскажи, что часто рассказывала раньше, а мы постараемся записать и потом прочесть в классе ребятам.

– Ой, я уже забывать стала, ведь уже сколько лет прошло!

– Ничего, мы тебя будем спрашивать, а ты отвечай.

– Хорошо, давайте попробуем!

– Как ты попала в Ленинград, ведь ты жила в городе Луга?

– В 1942 году Ленинград был разрушен фашистами, и

нас отправили работать туда на стройку, поднимать город.

– Как ты туда добиралась?

– Собрали нас, посадили в машины в кузов и повезли. Везли нас через Ладогу, подъехали мы к берегу, остановились, все есть хотят. В соседней деревне набрали мороженой да гнилой картошки, хотели напечь лепешек. Развели костры погреться – зима была, одежонка плохая (взять особо негде было, ходили, в чем есть). Тут к нам подошли военные и велели затушить костры: «Немцы везде, а вы костры жжете. Сейчас палить начнут!»

– И что, голодные остались?

– Голодные, сели в кузов, да поехали. Доехали до середины, как залетали самолеты, как начали бомбить. Машины под лед вместе с людьми так и уходили, никому спастись не удавалось. Нам водитель хороший попался, как начнут бомбить, он остановится и стоит, пока не улетят. Пока ехали, несколько раз принимались нас бомбить, я уж думала - не доедем! Едем, смотрю я в воду, а она красная течет, вот сколько крови людской пролито.

– А куда вас там привезли?

– Переехали мы озеро, нас военные встретили, накормили и повезли в общежитие. Там тепло было, торфом топили.

– Что вы там делали?

– Работали на стройке по 12 часов.

– Чем вы питались?

– Ой, питались плохо, варили в основном щи черные из хряпы, это и ели.

– А что такое хряпа?

– Это капуста зеленая. Я потом, когда поросенка держала, ему и варила, а в войну сама ела. Больше нечего было. Люди в то время видели только переживания и муки.

Потом меня мастером поставили, работницами командовала, многие завидовали, работа-то легче.

– Бабушка, а что, совсем больше ничего не ели?

– Нет, ведь когда хлеба крошечку дадут, а бывало, совсем оголодаем, соберемся и пойдем на поля картошку воровать, прямо руками копали. Сторож услышит, что воруем, как

начнет палить! Старый он был, пока собирается стрелять, мы врассыпную бежать, зато душу отведем.

А потом меня в столовую работницей перевели. Кашей из тухлой муки накормят, я и рада. А было, что работница одна котлету съела, прямо горячую со сковороды, так ее сразу выгнали! Вот как строго было!

– А что еще о том времени помнишь?

– Ничего не помню, забываю теперь. Вот начнут кино про войну показывать, я смотреть не могу, плачу, так вспоминать не хочу, страшно становится, будто вчера все было. Помню, что есть всегда охота было. До сих пор кусочек хлеба никогда не выброшу. Помню, было время – люди за хлеб убить могли! Вот как жили.

– Ты помнишь, как война закончилась?

– Конечно, помню. Объявили нам, что война кончилась, наши победили. Мы тогда решили праздник устроить и на работу не идти. Так за нами начальник пришел, часы на стол поставил и сказал: «Вам 5 минут!». Мы бегом побежали все, боялись, не то, что сейчас!

*(Записано со слов Зориной Евстолии Михайловны,
февраль 2015 г.)*

В 1945 году наша прабабушка познакомилась с прадедушкой Володей, которого война забросила под Ленинград. Вскоре после войны они поженились и приехали на родину прадеда, в город Пестово Новгородской области. Поселились в доме с его родителями. Прабабушка Толя, так мы ее зовем, устроилась работать на льнозавод и проработала там 27 лет. За это время они с мужем воспитали двух дочерей, двух внуков. Наш прадедушка немного не дожил до нашего рождения, а бабуля «держит оборону»!

В сентябре этого года ей исполнится 90 лет! Мы очень ее любим и гордимся ею! День Победы для нее – самый важный праздник. В этот день мы обязательно приезжаем к ней. Прабабушка всегда грустная, со слезами на глазах, хотя рада нас видеть. Это слезы радости и боли о том времени, которое она смогла пережить.

Илья ЛУКЪЯНОВ

Учащийся школы №2 г. Пестово

Лукьянов Николай Васильевич

ЗА МИРНОЕ НЕБО СПАСИБО ТЕБЕ!

Мой прадедущка Лукьянов Николай Васильевич родился в 1922 году. О том, каким он был, мне рассказали папа и бабушка.

До Великой Отечественной войны прадедущка учился на механика.

В 1941 году ему было 19 лет. Он не дождался повестки и сам пошёл в военкомат. И прадеда взяли на фронт. Он попал в летную дивизию, подготавливал самолёты к вылету.

Однажды, когда они перелетали с аэродрома на аэродром, их подбили, но прадедущка остался жив. Прадед долго лежал в госпитале: у него были ранения. Когда он поправился, не задумываясь, сразу вернулся на фронт. Их первая эскадрилья летала бомбить Берлин. Николаю Васильевичу присвоили звание лейтенанта.

Прадедущка служил до конца войны. У прадеда было много наград: за отвагу, за взятие Берлина.

Когда он вернулся домой, его ждала прабабушка. Они поженились в Пестове. У них родился сын Виктор - это мой дедушка, отец моего папы. Прадедущка пошёл работать на фабрику «Молога». Трудился на станке в фанерном цехе.

До войны прадедущка Коля очень хорошо учился и много читал. В мирное время он собирал Большую советскую энциклопедию из 30 книг и много других интересных произведений. Прабабушка была заслуженным педагогом, учителем младших классов.

Я не видел своих прадедущку и прабабушку. Но по рассказу папы, это были очень умные и хорошие люди. Прадед умер в восьмидесятых годах прошлого столетия. Похоронен на нашем пестовском кладбище.

Каждый год 9 мая, в День Победы, мы навещаем могилу Николая Васильевича и говорим ему «спасибо» за мирное небо над головой.

Илья ЗАБУГОРНОВ

Учащийся школы №2

г. Пестово

УЧИТЕЛЬ, КОМАНДИР, ВETERАН

Мой прадедущка по материнской линии Смирнов Яков Владимирович родился 15 января 1923 года в деревне Косинское, тогда Мошенского района. Учился в школе д. Ореховно. Окончил Боровичское педучилище по специальности «учитель начальных классов», до войны работал учителем в школе. Война началась, когда прадеду было восемнадцать лет. Его мобилизовали на оборонные работы в Боровичский район. После 20 августа 1941 года учителя освободили от них: приближался новый учебный год. Но работать уже не пришлось – его мобилизовали на

Из архива межпоселенческой центральной районной библиотеки имени академика, председателя Союза писателей России В. Н. Ганчева в Пестово

фронт.

Сначала прадед воевал на Волховском фронте (Мясной Бор), после ранения попал в госпиталь. После госпиталя он окончил краткосрочные курсы младшего лейтенанта и ушел на фронт в пехотный полк командиром артиллерийского взвода. Затем стал командиром батареи. Прадеду было присвоено звание старшего лейтенанта. После очередного ранения он попал на Ленинградский фронт. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда через Синявинские болота.

В 1943 году Яков Владимирович снова получил ранение и тяжелую контузию в голову. День Победы он встретил в госпитале.

За время войны получил Орден «Красной Звезды», Орден Отечественной войны первой степени, 4 медали «За отвагу», медаль «За оборону Ленинграда». Прадед - ветеран Великой Отечественной войны, инвалид 1 группы.

После войны Яков Владимирович работал учителем в школе д. Пикалиха, завклубом в д. Охона, снабженцем в ОМЗ, начальником отдела снабжения КБО, строил мост через р. Мологу, трудился сторожем в АТП. Вместе с прабабушкой Анастасией Леонтьевной они вырастили двоих сыновей – моего дедушку и его брата.

Прадедушки не стало 16 февраля 1990 года.

О прадедушке-ветеране я знаю из рассказов своих родных: прабабушки, дедушки, мамы. Интервью с ним напечатано в пестовской районной газете «Коммунист» в январе 1987 года в рубрике «Подвиг». В ней рассказывали о ветеранах ВОВ и участниках войны. Когда я родился, прадеда Якова уже не было в живых. Но я точно знаю, что он был замечательным человеком и **НАСТОЯЩИМ ГЕРОЕМ!**

Елизавета НЬОРБА

Учащаяся школы № 2 г. Пестово

Рупасов Николай Прокопьевич

ЕФРЕЙТОР РУПАСОВ

Так случилось, что когда я родилась, прадедушки уже не было в живых. О нём мне рассказали родные и близкие. Мой прадедушка по материнской линии Рупасов Николай Прокопьевич родился 16 декабря 1905 года в семье крестьянина в деревне Микшина гора Софроновской волости Яренского уезда Вологодской губернии. Жена: Курсына Ксения Ильинична.

В 1928 году окончил педагогическое училище в городе Великом Устюге, направлен работать в Красноборский район. Работал учителем Красноборской семилетней школы, заведующим начальной школы, завучем Красноборской ШКМ, заведующим Красноборским детдомом, директором Красноборской семилетней школы.

В ноябре 1941 года прадедушка добровольно ушёл на фронт. С ноября 1941 по январь 1942 года был курсантом Пуховичского пехотного училища. Получил специальность: артиллерийский дивизионный вычислитель.

Ефрейтор Рупасов Николай Прокопьевич в годы войны был разведчиком батареи топографической разведки 624 отдельного Краснознамённого разведывательного артиллерийского дивизиона 998 пушечного артиллерийского Дембицкого Краснознамённого полка 5 пушечной артиллерийской Старо-константиновской Краснознамённой ордена Суворова и ордена Богдана Хмельницкого бригады Резерва Главного Командования. Участвовал в боях на Калининском, Волховском, Брянском, Воронежском фронтах.

До прорыва линии обороны противника на Львовском направлении, не страшась артиллерийско-миномётного обстре-

ла, отделение, в котором находился прадедушка, развило опорную сеть в районах наблюдательных пунктов на площади 33 кв. км. Он неоднократно под огнём артиллерии и миномётов противника закреплял точки на местности. В июле 1944 года он был награждён медалью «За отвагу».

Был ранен одновременно в плечо и в ногу 1 сентября 1944 года.

При форсировании реки Шпрее, столкнувшись с группой немецких автоматчиков, ефрейтор Рупасов открыл по немцам огонь и убил двух гитлеровцев, а остальные обратились в бегство. За этот подвиг он был представлен ко второй медали «За отвагу» в мае 1945 года.

Закончил войну под Прагой.

Награждён орденом Отечественной войны I степени, медалями «За победу над Германией», «За трудовое отличие», «Ветеран труда» и юбилейными. Демобилизовался в августе 1945 года.

Работал директором Красноборской восьмилетней школы. Общий трудовой стаж Николая Прокопьевича 52 года.

Прадедушка прожил долгую, нелёгкую жизнь. Он был храбрым, смелым, трудолюбивым. Я им горжусь!

Анастасия ОДНОВОЛИК

Учащаяся школы № 2 г. Пестово

ХЛЕБ ДЛЯ ПАРТИЗАН

Когда началась Великая Отечественная война, моей бабушке по материнской линии Пиводе Вере Петровне было 11 лет, а её сестре Наде 13.

После начала войны немцы быстро наступали, занимали города и сёла. Так и село Стеблёв на Украине, где жили мои родственники, в августе 1942 года было оккупировано фашистами. Все мужчины ушли в партизаны. В селе остались лишь женщины, дети и старики.

Как вспоминает бабушка Вера, немцы особо не лютовали. В школе сделали штаб, а в мастерской, где проходили уроки труда у мальчиков, соорудили тюрьму. В погреб сажали тех, кого хотели расстрелять.

Мама моей бабушки, моя прабабушка Мария, раз в десять дней тайком пекла хлеб для партизан. Но кто-то из полицейских узнал об этом. И вот однажды поздно вечером, когда тесто для хлеба было готово, Мария отправила дочек в огород за капустными листьями (на них она выпекала хлеб в печи) и сказала: «Девочки, поторопитесь, хлеб очень нужен партизанам». Как только девочки ушли в огород, в дом ворвались полицейские и увели маму в комендатуру. Девочки сидели в огороде тихо, как мыши. А когда всё стихло, пришли домой. Тесто вылезало из кадки, и они вспомнили мамины слова: «Хлеб очень нужен партизанам». Вера и Надя, как умели, посадили хлеб на капустные листья. Он получился нежный и хрустящий. Ночью пришли партизаны, забрали хлеб и увели девочек в лес. В партизанском отряде девочки не сидели без дела: они помогали на кухне, стирали бинты и рубахи партизан.

Прабабушку Марию хотели расстрелять. Но ей помог солдат-полицейский. Он вытащил прабабушку из погреба и принёс туда накануне умершую женщину. Немцы разбираться не стали, потому что рано утром отправляли партию девушек в Германию. Среди них оказалась и Мария. В Германии она пребы-

ла до самой Победы. А дочки её всё это время жили в детском доме.

Девочки подросли. Старшая, Надя, вышла замуж и уехала в жить в Москву, а Вера осталась на Украине. Тоже вышла замуж, устроилась работать на ткацкую фабрику и про войну старалась не вспоминать.

В 1986 году накануне Дня Победы в дом к Вере Петровне постучал человек в военной форме. Это был работник военкомата. Он вручил ей медаль «Участник Великой Отечественной войны».

Я горжусь своей бабушкой! Хлеб, выпеченный заботливыми руками Марии и детскими руками моей бабушки и ее сестры, на войне спас жизнь не одному человеку.

Ангелина ТИХОМИРОВА

Учащаяся школы № 2 г. Пестово

«КАК-НИБУДЬ ЖИВИТЕ, ПОКА ИДЕТ ЭТА ПРОКЛЯТАЯ ВОЙНА...»

Семь десятилетий отделяет нас от событий, связанных с Великой Отечественной войной. Наверное, в нашей стране нет ни одной семьи, которой не коснулась бы эта трагедия. Среди тех, кто не вернулся с войны домой, был и мой прадед, Гордей Иванович Смирнов, пропавший без вести весной 1944 года. Многие годы семья ничего не знала о его судьбе. Лишь в 2007 году благодаря работе поискового отряда оборонно-спортивного клуба «Десантник» г. Стрежевой Томской области стало известно, где и как погиб прадедушка. По номеру медали «За отвагу», найденной на месте раскопок, удалось установить имя солдата.

О том, что пережил мой прадед на войне, о чем он думал и мечтал, можно узнать из его фронтовых писем, которые бережно хранятся у нас в семье.

В действующую Красную Армию Гордей Иванович был призван в феврале 1942 года. Дома у него осталась жена и четверо детей. На тот момент старшему сыну было 12 лет, а младшей дочери исполнилось только 3 месяца.

Нелегко приходилось солдату на войне, и вдвойне тяжелей, когда не мог дожидаться писем от родных и близких. Гордей Иванович тосковал, беспокоился о семье и продолжал ждать вестей из дома.

«...Хорошо бы вернуться домой с победой. Ну, Бог знает, что судьба ждёт впереди. Я рад бы побывать дома и обнять бы детей. Наверное, они обо мне сильно соскучали. Наверное, каждый день вспоминают... Посмотрю на фотокарточку и как побуду дома. Пока спишь, только и думаешь: «Скорей бы кончилась эта проклятая война. Тогда бы опять зажили хорошо. Все по-старому было бы...»

В каждом своем письме солдат проявлял заботу о родных и близких, выражал надежду на скорую встречу. Находясь на

фронте, далеко от дома, он думал о семье, о том, как нелегко приходилось близким в это трудное и голодное время. Регулярно, при первой же возможности, посылал жене деньги, заботливо и по-хозяйски давал советы. Гордей Иванович беспокоился о хозяйстве, о том, запасли ли на зиму продуктов, потцовски давал наставления сыновьям.

«...Дуня, старайтесь запастись харчов: грибы, ягоды и особливо, если можно, картошки. Может, не будут ли в колхозе нанимать копать. Дак вы с Ваней сходите. Может, заработаете сколько. Спасибо сыну Ванечке, что он пишет. Ванечка, помогай маме, и слушайте её, и Толенька, и Миша. Нячтите Тонечку. Вообще, как-нибудь живите, пока идёт эта проклятая война... Я всеми силами стараюсь хотя маленько вам помочь. Посылаю 150 рублей денег...»

«...Продай на деньги что-нибудь моё, хоть пальто или костюм. Не жалеи. Жив буду, дак будет и костюм. Я знаю, что тебе проживать трудно – особо большая семья...»

С особым трепетом в своих письмах прадедуська писал о детях, интересовался их делами, учебой в школе.

«...Дуня, опиши, как Ваня ходит ли в школу и как он слушает тебя, и как обижают его ребяташки или нет. Он скажет, нет папы, и заступиться некому. И как Толя с Мишей вспоминают обо мне? Пусть учатся и пишут мне письмо, то они забыли папу. Напишут, я погляжу на фотокарточку, как дома побуду. Она всё меня спасает...»

«...теперь я пишу тебе, дорогой сын Ванюшка, что я ваше письмо получил и сердечно тебя благодарю. Дорогой сын, я жалею тебя, что ты ещё маленький, и пришлось тебе работать. Был бы я дома, не работал бы ты, а учился. Но что же делать? Помогай матери как-нибудь жить. Нам это всё война сделала...»

В отдельных письмах особо остро прослеживается его боль и тоска по дому.

«...Дорогая жена Дуня, я вспоминаю о своей семье. Неужели нас с тобой и с детьми разлучит судьба? Неужели мы больше не встретимся в жизни? Неужели не бывать мне в своём родном дому? Неужели меня сразит вражеская пуля и раз-

лучит нас с тобой? Но, жена Дуня, если что будет, в горе не кидайся, пожалей детей. А, может, даст Бог, вернусь домой и заживём по-старому...»

«...своей жизнью не дорожу, раз требует Родина. Но иногда бывают тяжёлые минуты в бою, и вспомнишь, что могут остаться семьи сиротами. Вот, что мне жалко было бы. Я один, моя жизнь – одна копейка. Хотя завтра, хотя сегодня помереть. Вот что и скучно, и обидно, когда сидишь в лесу, как заяц. Только пули не дают покоя. Как соловьи свищут, только успевай нагибаться. И настала холодная зима. Только ветер воет над большими лесами и болотом...»

Неоднократно Гордей Иванович был ранен. О своих ранениях он писал скупно.

«...Мы лежали трое в землянке. И к нам в землянку попал снаряд. Двоих ранило. А меня только зарыло землёй. Полчаса лежал, как мёртвый. Полежал 4 дня и опять на фронт. На то война. Пока меня Бог спас от этой смерти, от этого снаряда. В голове всё-то звенит...»

По отдельным строчкам из писем прадедушки можно судить о тяжелом положении на фронте. В 1943 году шли жестокие бои на Ленинградском и Волховском фронтах. В этих боях пришлось участвовать и Г. И. Смирнову.

«...Я был 12 дней в тяжёлых современных боях даже не только писать письмо, но иногда и кушать не приходилось. И еда на ум не шла. Не знаю, как Бог спас. Товарищи, которые были со мной, выбыли. А на мне шинель порвало. Но тела не хватило, и остался жив и здоров ... Ну, очень положение тяжёлое. Суровая война, какой история не знала. Но, жена Дуня, обо мне не скучай, пожалей своих детей...»

Из писем прадедушки видно, что он нисколько не сомневался в Победе Красной Армии. Находясь на фронте, он надеялся на скорое возвращение домой, но вместе с тем понимал, что самые трудные испытания на этой войне еще ждали впереди. Несмотря на тяжелейшие условия, солдат сохранял твердость и силу духа.

«...Но, наверное, ещё предстоят более суровые бои, и мне не миновать. Ещё придётся сражаться, пока немцев не

прогоним с нашей земли. Но, Дуня, никто как Бог поможет... И так сообщаю я вам, жена Дуня, что за хорошую службу и за участие в 12-дневном бою меня правительство высшего командования наградило медалью «За отвагу»...»

«...Конечно, сейчас, Дуня, идёт жестокая война. Как вы, наверное, по радио и сами слышите, что тысячи сражаются наших братьев и реки текут крови за освобождение России. Это всё нужно пережить и терпеть. Тысячи семей оставши без крова и тысячи расстреляны мирных людей немецкими извергами. И так продолжается война. Когда разобьём немцев, будем живы, и тогда будет наша встреча, и тогда заживём мирной жизнью. Но сейчас я остаюсь очень расстроен. Болит сердце. Ждём. Скоро в бой на разгром немцев...»

О чем переживал тогда солдат, почему болело его сердце? Может быть, именно в те дни он почувствовал, что встретиться с семьёй ему уже никогда не придется? Через несколько дней домой пришло еще одно письмо, уже последнее. Прадедушка пишет девятилетнему сыну Анатолию. Он извиняется за то, что не смог побывать дома, успокаивает мальчика и обещает встретиться.

«29 декабря 1943г. Добрый день, дорогой сынок Толенька. Я твоё письмо получил, за которое много раз тебя благодарю и целую я тебя много раз. Я очень рад, что ты пишешь мне письма и пишешь хорошо. Учись, Толенька лучше, тебе очень это пригодится. Будешь где-нибудь в конторе работать. Толенька, я хотел дома побывать, но не пришлось. Война кончится, и приеду домой... Сейчас, Толенька, пишу я тебе это последнее письмо. Пока не пиши мне писем. Второго меня отправляют. Как съеду на новое место, сразу напишу новый адрес. До свиданья. Целую тебя много раз. Твой отец. Смирнов Гордей И.»

Выполнить обещание, данное сыну, Гордей Иванович, увы, не смог. В январе 1944 года после «отправки на новое место» он оказался на псковской земле, недалеко от города Остров. Писем оттуда родные уже не получали. А в апреле этого же года прабабушка получила извещение о том, что ее муж Смирнов Г.И. пропал без вести.

Из документов и воспоминаний очевидцев можно представить, какая тяжелая ситуация сложилась на том участке фронта в первой половине 1944 года. В течение 6 месяцев наши войска безуспешно пытались прорвать немецкую линию обороны «Пантера». Тысячи советских солдат полегло на этой пропитанной кровью земле. В апреле 1944 года здесь погиб Гордей Иванович Смирнов, честно и до конца выполнив свой воинский долг.

Из архивной справки Центрального архива Минобороны РФ от 22 января 2008 года мы узнали, что 23 февраля 1943 года мой прадед был награжден медалью «За отвагу».

Я горжусь своим прадедом и считаю, что мы не вправе забывать о том, какой ценой досталась нашему народу Победа в этой страшной и беспощадной войне. Мы обязаны сделать всё, чтобы ужасы войны больше никогда не повторились, а люди жили мирной и спокойной жизнью.

Елизавета УДАЛЬЦОВА

Учащаяся школы № 2 г. Пестово

«ТАМ ДЕНЬ ОДИН, КАК ГОД, ТЯЖЕЛ»

22 июня

Не танцуйте сегодня, не пойте.
В предвечерний задумчивый час
Молчаливо у окон постоите,
Вспомните погибших за нас...
В. Шефнер

Я хочу рассказать о моих прадедушке и прабабушке Киселёвых Иване Петровиче и Марии Николаевне. Оба они участвовали в Великой Отечественной войне. Когда я родилась, их уже не было в живых. Очень жаль! Думаю, от них я больше узнала бы о том, как страшно, тяжело и голодно им жилось в те годы.

Прадедушка

Мой прадедушка Киселёв Иван Петрович родился 9 августа 1918 года в Калининской области на хуторе Веретьё. Семья была небольшая: отец, мать и двое сыновей. Иван Петрович поступил в Бохтовскую школу и отучился семь классов. В 1939 году в возрасте 20 лет прадедушку призвали в армию. Он служил в 25-й Чапаевской дивизии шофёром.

В 1941 году война его застала на Бессарабской границе. Затем дивизия пошла на Одессу, были огромные потери. Следующим был Севастополь. За его освобождение бились два месяца, до середины октября 1941 года. На Керченском проливе мой прадедушка чуть не утонул. Пехота шла по воде. Вода застилала прадедушке глаза. Ему помогли выбраться два высоких парня, которые шли по обе стороны от него. Под Геленджиком прадедушку сильно контузило в бою, он был без сознания. Лечился после этой контузии в Моздоке. Потом на его пути был Сталинград, там готовилась операция по завоеванию. За-

тем Румыния, Югославия и опять контузия, но здесь прадедушке очень повезло: пуля пролетела у его виска и лишь процарапала кожу. Мой дедушка, сын Ивана Петровича, мне рассказал, что видны были шрам на виске и чуть-чуть полоса на голове, волосы в этом месте не росли.

В мае 1945 года дорога привела его в Австрию. Чувствовалось, что война идёт к завершению, но всё же ещё гремели взрывы. Фашистский батальон пытался вступить в войну с нашей дивизией, как в воздухе загремели салюты и объявили: война окончена.

Сразу после Победы прадедушку не отпустили домой. Их ещё полгода держали на границе с Турцией. Решался вопрос: будет СССР воевать дальше или нет. Войны, слава богу, не было. И только 5 января 1946 года прадедушка демобилизовался.

Прадедушка имел 11 военных орденов и медалей:

- Медаль за освобождение Праги;
- Медаль за освобождение Вены;
- Медаль за освобождение Сталинграда;
- Орден славы III степени и другие.

Иван Петрович прошёл всю войну и ни разу не был ранен, зато получил сильные контузии. По возвращении домой прадедушка посватался к прабабушке Барановой Марии Николаевне. Они поженились 21 января 1946 года. Работал он в налоговой, МТС (машинно-тракторная станция) водителем, в колхозе «Победа» - чинил, точил детали для техники и станков. Ещё он заработал Орден Почёта по заготовке льна. Прадед долго шел к этой награде и добился ее.

После войны прадеду досталось очень много болезней: сказались контузии, отнимались ноги, напоминала о себе язва желудка. Умер Киселёв Иван Петрович 27 октября 1985 года.

Я очень горжусь своим прадедом. Он был настоящим героем!

Прабабушка

Моя прабабушка Баранова (Киселёва) Мария Николаевна родилась 7 июня 1923 года на хуторе Евково Калининской области. Так же, как и прадед, ходила в Бохтовскую школу, но отучилась только 4 класса. Научилась читать, писать, затем её родители не пустили больше в школу, так как надо было сидеть в няньках. Семья у них была большая: отец, мать и пять дочерей. Прабабушка была старшенькой. Помогала по дому, работала на лесозаготовках.

7 июня 1941 года ей исполнилось 18 лет, и её отправили на курсы трактористов. А 22 июня началась война. Она отказалась от курсов и вызвалась идти на войну. Её послали рыть окопы. На войне она была полтора года, ранена не была. Воевала под Осташковом, Ржевом, Смоленском. Было очень страшно: гремели взрывы, стреляли. А работу свою всё равно приходилось выполнять. Тогда она и ещё две девчужки пытались сбежать. Их поймали и угнали в Прибалтику, где прабабушка также рыла окопы. В 1942 году глубокой осенью их отпустили. Они пробирались домой. Было ужасно страшно. Они шли по краю леса и каждый раз прислушивались, когда слышали чьи-то голоса. Кушать было нечего. В лесу уже ничего не было из еды. Когда приходили в деревню и натыкались на русских, просили у них милостыню. Солдаты жалели девочек и давали им кто что мог. Прабабушке один раз русский солдат дал кусочек сахара. Это, конечно, была большая радость для неё. И так они, трое девчат, шли из Прибалтики до самого дома. К сожалению, одна из них не дотянула: умерла от голода в 30 км от дома.

За службу прабабушку наградили Сталинской почётной грамотой за оборонительные работы.

После войны бабушка работала бригадиром в колхозе «Победа» «по наряду» в Калининской области.

В 1946 году образовалась новая семья Киселёва Ивана Петровича и Киселёвой (Барановой) Марии Николаевны. У них родились двое детей: мой дедушка и его сестра.

13 августа 1997 года прабабушка умерла.

Очень здорово знать, что у меня были такие смелые предки. Со слезами на глазах я слушала рассказ дедушки о них. Я ими горжусь! И никому из нас не желаю пережить такого, что пережили люди в войну.

День Победы. И в огнях салюта
Будто гром:
– Запомните навек,
Что в сражениях каждую минуту,
Да, буквально каждую минуту
Погибало десять человек!..

Кирилл ФИНОГЕНОВ

Учащийся школы № 2 г. Пестово

ПАМЯТЬ СЕРДЦА ЖИВА

Всё дальше и дальше от нас Великая Отечественная война. Всё меньше и меньше в живых остаётся тех, кто её помнит, кто видел, кто в ней участвовал. Чтобы помнить, чтобы не забывать, чтобы не допустить повторения – вчитайтесь.

О том, что мой прадедушка по материнской линии Новожилов Василий Владимирович был участником Великой Отечественной войны, я узнал от бабушки Александра Васильевича. С его слов и записан этот рассказ, в котором живёт память сердца.

Родился прадедушка в 1909 году в деревне Кадницы Пестовского района в крестьянской семье. У его родителей было шестеро детей. Жили бедно, поэтому рано пришлось идти работать. В Воскресенской школе он окончил всего 4 класса.

В 1930 году прадед служил в кадровой армии. После армии работал в деревне Никулкино десятником на лесопункте.

В 1939 году прадед участвовал в Финской войне.

На рассвете 22 июня 1941 года, в один из самых длинных дней в году, Германия начала войну против Советского Союза. С первых дней мой прадедушка воевал на Волховском фронте. Когда прорывали блокаду Ленинграда, Волховский фронт соединился с Ленинградским. Прадед служил в пехоте автоматчиком, имел звание сержанта.

Он участвовал в прорыве блокады Ленинграда. В посёлке Синявино шли жестокие бои. В одном из боёв прадед Василий был ранен в ногу. Осколком разорвавшегося снаряда ему оторвало ногу почти до колена. Он потерял сознание, долго лежал на снегу, поэтому обморозил руки и ноги. Его нашла собака-санитар. Очнулся он от того, что собака лизала ему лицо. Прадедушка собрал все свои силы и перебрался на волокушу. Собака-санитар вывезла его с поля боя к своим.

Раненого прадедушку отвезли в Краснодарский госпи-

таль. Ему ампутировали ногу и правую пятку. Он стал инвалидом. Прабабушке Ирине Михайловне пришло известие о том, что прадед пропал без вести, а потом она получила письмо от него из госпиталя.

В 1944 году прадед вернулся из госпиталя домой. Он получил II группу инвалидности по ранению. И Победу он встретил дома.

После войны он работал в колхозе бригадиром, председателем колхоза «Большевик». Позднее работал наблюдателем на метеостанции. Имел четверо детей. Один из них – мой дедушка Александр Васильевич.

Василий Владимирович Новожилов умер в 1974 году.

Прадед награждён Орденом Славы II степени, Орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другими.

Мы последние поколения, которые видели живых ветеранов!

Чтите, пока есть кого!

Благодарите, пока есть кого благодарить!

Ведь их так мало осталось!

Спасибо им за то, что мы живы!

Пятый раздел

«Наследники Великой ПОБЕДЫ»

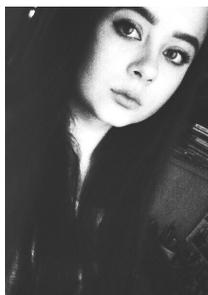

**Сборник стихов и прозы
Выпуск 12**

**Владимир
Алексеевич
САМОЙЛЕНКО**

Председатель совета ветеранов НовГУ, гвардии майор

**Дарья
ЧЕКМАНОВА**

Ученица МАОУ СОШ № 20 г. Великого Новгорода

**Олег
ПЛАСТОВЕЦ**

Студент кафедры ХИПОМ НовГУ

**ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
ИСТОРИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ И БОЕВОЙ ПУТЬ**

Новгородцам, партизанам и подпольщикам, солдатам и офицерам, живым и павшим, награждённым орденами Отечественной войны посвящаем...

Нами достаточно скрупулезно проведены архивные исследования и работа по изучению истории учреждения ордена Отечественной войны I и II степени и его боевого пути.

При попустительстве правящих кругов Запада и США гитлеровская Германия развязала Вторую Мировую войну, в орбиту которой было втянуто 61 государство с населением 1 миллиард 700 миллионов человек. Под ружьё было поставлено 110 млн. человек – на 40 миллионов больше, чем в первую мировую войну (1914-1917г.г.)

...22 июня 1941 года мирная жизнь великой страны была нарушена вероломным нападением фашистской Германии. Германские империалисты поставили своей целью уничтожить первое в мире социалистическое государство, поработить народы Советского Союза, как и народы многих других стран... Началась Великая Отечественная войны – самая суровая и тяжёлая из всех войн, которые приходилось вести нашей Родине и нашему трудолюбивому народу и его Вооружённым силам.

Пылали города и сёла, пылали колхозные угодья, пылали Днепр, Ока и Клязьма, пылали небо и земля... (Вера Панова, сценарий к художественному фильму «Спутники»). Конец июня 1941 года и первая половина 1942 года стала для Советской Родины началом суровых и продолжительных испытаний в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. В этой борьбе решался вопрос о жизни и смерти нашего социалистического государства. На решительную борьбу с врагом поднялась вся страна.

Здесь уместно привести слова поэта-фронтовика Леонида Хаустова из альманаха «Ветеран»:

Я, твой солдат!

Твоих приказов жду –

Веди меня, Советская Россия,

На смерть, на труд, на подвиг – я иду.

Учитывая сложную историческую обстановку, Указом Президиума Верховного Совета СССР 20 мая 1942 года в ответственный и сложный период Великой Отечественной войны был учрежден орден Отечественной войны двух степеней (I и II). Учреждая новый орден воинской доблести: Родина звала своих защитников к героической борьбе с захватчиками, к полному изгнанию их с нашей священной Земли. Это было тяжелое для советской Родины и ее народа время. Немецко-фашистские полчища рвались к Волге, на Кавказ, осаждали Ленинград, копили силы для генерального наступления на Москву. Вот как пишет об этом времени четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах «Воспоминания и размышления»: «...19 мая обстановка на юго-западном направлении стала катастрофической.

Ударная группировка противника ворвалась в тыл советских войск. Только теперь был отдан приказ прекратить наше наступление на Харьков и повернуть главные силы ударной группы против войск Клейста».

Советские воины оказали упорное сопротивление врагу, истребляли его живую силу и технику. В этот же период положение наших войск Брянского и Юго-Западного фронта значительно ухудшилось. Часть сил оказались в окружении. Вот что сообщает в своих воспоминаниях Маршал Советского Союза А. М. Василевский: «...Обстановка на воронежском направлении резко ухудшилась. Оборона на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов оказалось прорванной на глубину до восьмидесяти километров. Фронтные резервы, имевшиеся на этом участке, были втянуты в сражение. ...По поручению Ставки мне пришлось срочно отправиться в район Ельца, чтобы ускорить ввод в сражение танковой армии и немедленно приступить к подготовке контрудара».

Ценой величайшего напряжения моральных и физических сил рядового и командного состава наступление немецких войск было приостановлено. Немецкий генерал Карл Типпельскирх по этому поводу писал: «Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковых и несколько пехотных дивизий... были введены для локализации прорыва, а затем и для контрудара».

Таким образом, героическими усилиями бойцов и командиров Красной армии, очередной раз были сорваны планы Гитлера, поставившего задачу в директиве №41 от 5 апреля 1942 года: «...в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожения противника...».

Но военно-политическая обстановка продолжала быть сложной: «Тяжелая борьба войск продолжалась до конца мая. Многие участники тех событий погибли в боях смертью храбрых. Часть воинов вырвалась из окружения», – трактует в своих мемуарах Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

В трудные дни апреля-мая 1942 года девизные слова «Народ и армия едины» были не только лозунгом, но и обра-

зом жизни советских людей. Дважды Герой Советского Союза Иван Игнатьевич Якубовский вспоминал, что в перерыве между боями, на коротком отдыхе, на некотором удалении от линии фронта «...воины могли пристально взглядеться в картины полузабытого мирного бытия. В тревожные, посуровевшие лица ребятишек, которые гурьбой выбегали к армейским продпунктам с пачками писем, на которых значилось: «Вручить самому отважному», «Самому храброму», «Земляку — харьковчанину», а иной раз с просьбой опустить письмецо отцу, брату ближе к передовой, где скорее разыщут ту самую затерявшуюся полевую почту, которая долго не преправляет, вести от бойца».

Орденом Отечественной войны награждались лица рядового и начальствующего состава Красной Армии, войск МВД и партизанских отрядов, проявивших в боях за Советскую Родину, храбрость, стойкость и мужество, а также военнослужащие, которые своими действиями способствовали успеху боевых операций наших войск. Статус определял конкретно, за какие подвиги солдаты, сержанты и офицеры награждаются данным высоким воинским отличием.

Первыми кавалерами ордена Отечественной войны стали артиллеристы дивизиона 32-го гвардейского артиллерийского полка. Этот дивизион за два дня боев уничтожил 38 фашистских танков и свыше 300 гитлеровских вояк. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1942 года были награждены девять наиболее отличившихся артиллеристов: «Орденом Отечественной войны I степени — командир дивизиона гвардии капитан И. И. Криклий, младший политрук И. С. Стаценко, и гвардии старший сержант А. В. Смирнов; орденом II степени — гвардейцы С. Т. Жарко, М. Г. Немфира, П. В. Нестеренко, Н. И. Григорьев, А. И. Кулинец и И. П. Потрош».

Мой отец, боевой офицер, старший лейтенант, гвардеец, командир роты стрелков-автоматчиков Самойленко Алексей Данилович за штурм и взятие Кёнигсберга с 6 по 9 апреля 1945 г. был награжден Орденом Отечественной войны II степени. В сводке Совинфобюро говорилось: «...войска 3-го Белорусского фронта завершили разгром Кёнигсбергской группировки

немецких войск и штурмом овладели городом Кёнигсберг».

Отец рассказывал об этом сражении в завершающий период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 г. г. Это же событие освятил Герой Советского Союза, участник боёв в Восточной Пруссии и штурма, разведчик полковник Владимир Васильевич Карпов в повести «Взять живым!»: «Настала ночь на 6 апреля – ночь штурма. Передовые батальоны смяли фашистов и подошли вплотную к фортам. Орудия большой мощности, оглушая всех грохотом своих выстрелов, открыли огонь на поражение. Трехметровые стены сначала гудели, отбрасывая снаряды, потом стали трескаться и оседать!

Тремя ярусами кружили над крепостью самолеты: выше всех – истребители, ниже – бомбардировщики, еще ниже – штурмовики. Над фортами окутанными дымом, кувыркались обломки зданий, сооружений и деревья вырванные с корнем.

В час дня начался общий штурм».

В завершающий день 9 апреля при штурме 3-го форта с тремя главными объектами (основное сооружение, тыловые ворота и капонир) отец был тяжело ранен, вынесен с поля боя своим ординарцем совместно с медицинской сестрой и День Великой Победы встретил в госпитале.

Как понятно мне «За всё»!

Вот закрою глаза и увижу:

На себе мы комроты несём,

Оступаясь в болотную жижу...

Леонид Хаустов, 1942

Немецкое командирование было убеждено в неприступности Кёнигсбергской крепости. «На красной кирпичной стене замка ровными готическими буквами было написано: Слабая русская крепость Севастополь удержалась 250 дней против непобедимой германской армии. Кёнигсберг — лучшая крепость Европы — не будет взята никогда!»

Но немцы глубоко ошиблись – все решилось в три дня. «День девятого апреля уходил в историю. Последние выстрелы слышались со стороны Кёнигсбергского зоопарка. Откуда шли колонны пленных в обвисшей грязной форме, с мрачными лицами, испачканными сажей! Бесславный конец!»

Вот как вспоминает об этом генерал-полковник Хлебников: «Принуждённый к сдаче, пленённый комендант крепости генерал Лаш на допросе показал ... Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кёнигсберг, так быстро падёт. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. Под Кёнигсбергом мы потеряли всю 100-тысячную армию. Потеря Кёнигсберга – это утрата крупнейшей крепости и немецкого оплота на востоке».

В общем и целом генерал Лаш в своих показаниях на допросе нарисовал довольно верную картину падения Кёнигсбергской крепости и разгрома возглавленной им группировки. Он только приуменьшил понесённые ею потери. Одних пленных мы взяли около 100 тысяч, в том числе 1800 офицеров и генералов. Захватили 3500 орудий и миномётов, 90 исправных танков, 130 самолётов и миномётов и много другого военного имущества.

Всего за подвиги и заслуги, совершенные в период Великой Отечественной войны, было произведено более 344 тыс. наградений орденом Отечественной войны I степени и более 1 млн. орденом II степени. В их числе было 13 тысяч партизан и подпольщиков, более 12 тысяч тружеников тыла, около 700 иностранных граждан, сражавшихся с фашизмом. Этой высокой награды были удостоены города Новосибирск и Смоленск, ряд воинских частей и соединений, значительное количество оборонных предприятий СССР.

Орден Отечественной войны был первым в Советском Союзе, который после смерти награжденного оставался его семье. Как дорогие реликвии, хранятся ордена Отечественной войны погибших в боях героев или ушедших из жизни после Великой Победы. Они постоянно напоминают нам о величии совершенного подвига в годы суровых испытаний, об уничтожении фашизма, о мужестве и героизме российского народа.

Храбро сражались представители Новгородской земли при обороне Ленинграда осаде и штурме «лучшей крепости Европы – Кёнигсберга» и на Невском плацдарме. Вспоминают ветераны: «На этом участке шла напряженная, кровопролитная позиционная война, а Невский «пяточок» был для всего фронта

примером мужества и стойкости. Уже после войны мы как-то просеяли здесь землю на нескольких квадратных метрах. На каждый метр в среднем пришлось триста осколков и пуль». В этой связи на «Рубежном камне», обозначившим южную границу знаменитого плацдарма вырублены слова поэта Роберта Ивановича Рождественского:

Вы живые знайте,
ЧТО С ЭТОЙ ЗЕМЛИ
Мы уйти не хотели
И не ушли.
Мы стояли насмерть
У темной Невы
Мы погибли,
Чтоб жили Вы!

Историческая справка:

Окончилась Великая Отечественная война.

13 сентября 1945 года в газете «Известия» было опубликовано сообщение Чрезвычайной государственной комиссии, которая провела учёт материальных потерь, нанесённых советскому народу немецко-фашистскими захватчиками. «Прямой ущерб выразился в 679 млрд. рублей, а вместе с косвенными – почти 2600 млрд. рублей (в довоенных ценах).

На фронтах и в фашистской неволе погибло более 20 миллионов советских людей (по сегодняшним данным 27 млн.)

«Немецко-фашистские захватчики полностью или частично разрушили и сожгли 1710 городов, посёлков городского типа, более 70 тысяч сёл и деревень. Гитлеровцы разрушили свыше 6 млн. зданий, лишили крова около 25 миллионов человек. Фашистские захватчики уничтожили 31850 заводов и фабрик, затопили и взорвали 1135 шахт, уничтожили или вывезли 239 тысяч электромоторов, 175 тыс. металлорежущих станков. Оккупанты вывели из строя 65 тыс. км железнодорожной колеи, 4100 железнодорожных станций. Варварскому опустошению подверглось сельское хозяйство. Гитлеровцы разорили 98 тысяч колхозов, 1876 совхозов и 2890 машинно-тракторных

станций. На оккупированной территории были уничтожены и разгромлены 40 тысяч больниц, других лечебных учреждений, 84 тысячи школ, техникумов, вузов, научно-исследовательских институтов».

К концу войны уровень народного хозяйства Советского Союза по сравнению с довоенным значительно понизился. Урон, причинённый фашистскими захватчиками нашей стране, превышал потери в период Второй мировой войны всех остальных европейских государств и США, вместе взятых. СССР потерял почти треть своего национального богатства. «Но невозможно посчитать и выразить в цифрах тот великий труд, мысль, талант, которые вложили многие поколения в создание материальных и духовных ценностей, уничтоженных фашистскими извергами».

Мировой империализм под эгидой США строил свои расчёты на экономическом, а следовательно, и политическом ослаблении Советского Союза. Империалисты полагали, надеялись, что пройдут десятилетия, прежде чем ущерб, нанесённый войной, будет восполнен и то лишь при условии финансовой и экономической помощи извне, т.е. от них. Многие буржуазные политики и экономисты пророчили, что СССР утратит свое значение как великая мировая держава. Но они просчитались...

Восстановление районов, освобождённых от оккупантов, и перестройка народного хозяйства нашей страны на мировой лад начались ещё в ходе Великой Отечественной войны. Но в полной мере эти задачи могли быть осуществлены лишь после капитуляции фашистской Германии (8 мая 1945 года Япония подписала акт, означавший её поражение в войне).

«Перестройка экономики происходила в плановом порядке:

- были сокращены военные расходы, увеличились капиталовложения в народное хозяйство;
- произведена перестройка работа промышленности;
- военные предприятия получили плановые задания по выпуску мирной продукции;
- произведено перераспределение рабочей силы, сырья, материалов;

- восстанавливался нормальный режим труда на предприятиях (отменены обязательные сверхурочные работы, установлен регулярный отдых рабочих и служащих, восстановлен 9-часовой рабочий день в промышленности).

Перестройка народного хозяйства на мирный лад в основном завершилась в 1946 году».

18 марта 1946 года Верховный Совет СССР единогласно принял «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 годы», в котором определены основные хозяйственно-политические задачи: «... восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах».

Ведущее место в пятилетнем плане отводилось тяжёлой индустрии (выплавка чугуна, стали, проката, добыча угля, нефти, газа и др.)

Важное место отводилось текстильной промышленности.

Уже в 1948 года объём промышленного производства в СССР превзошёл довоенный уровень, а в 1950 году валовая продукция промышленности превысила довоенный уровень на 73% вместо предусмотренных планом 48%.

Решились сложные задачи восстановления и развития сельского хозяйства. Из года в год возрастала вооружённость сельского хозяйства техникой. В 1949 году оно получило тракторов и других сельскохозяйственных машин в 2,5 раза больше, чем в 1940 году. К 1950 году удалось в основном ликвидировать ущерб, нанесённый сельскому хозяйству войной.

Достойное место в эти трудные годы отводилось науке, новейшим разработкам советских учёных.

Совершенствовалась и укрепилась боевая мощь Советской Армии.

«За пятилетку в городах и рабочих посёлках было восстановлено и построено вновь свыше 100 миллионов квадратных метров жилой площади, в сельских местностях – 2700 тысяч жилых домов.

В целом четвёртая пятилетка явилась важным шагом в развитии материально-технической базы социализма».

Не менее значимо и то, что с 1 июля 1941 года по 1 июля 1945 года в СССР было произведено 108,028 самолётов, 95099 танков и самоходно-артиллерийских установок, 188,1 тысяч орудий, 347,9 тыс. миномётов. Советская промышленность превзошла немецкую не только по количеству, но и по качеству многих видов оружия (немцы также не смогли, не сумели создать реактивный миномёт типа «Катюша» – которому не было равного в артиллерии).

Победа советского народа и его Вооружённых сил в гигантском военном столкновении с империализмом и его наиболее чудовищном порождении – фашизмом – явление закономерное. Источники нашей силы и могущества были заложены в самой природе социалистического общественного и государственного строя, в его великих преимуществах перед антинародным капиталистическим строем. В годы войны ещё более окрепла классовая основа могущества Советского государства – нерушимый союз рабочего класса и крестьянства. С особой силой в годы войны проявилась нерасторжимая дружба и сплочённость советских народов, грудью вставших на защиту своего социалистического отечества – Союза Советских Социалистических Республик. Дружба народов явилась одним из главных источников победы над фашистскими захватчиками.

Единство фронта и тыла, армии и народа – решающее условие победы.

Разгром гитлеровской Германии явился торжеством социалистической идеологии над человеко-ненавистнической идеологией империализма и фашизма.

Величие нашей победы неоспоримо.

С первых дней войны героические сражения Советской армии на фронтах слилась с мощным движением народных мстителей – советских партизан и подпольщиков.

Советские вооружённые силы, изгнав врага из своей земли, беззаветно сражались с немецко-фашистскими войсками во имя освобождения народов порабождённой Европы. Осуществляя свою интернациональную миссию, Советская армия освободила Польшу, Чехословакию, Румынию, Болгарию, Венгрию, Югославию, а также немецкий народ. Советские войска

громили гитлеровцев на севере Норвегии, в Австрии, освобождали территорию Дании – остров Борнхольм.

В Кремле (Детинце) у Вечного огня, символизирующего освобождение Новгорода от немецко-фашистских орд 20 января 1944 года в граните вырезана историческая фраза «В ОСНОВЕ ЖИЗНИ – МУЖЕСТВО НАРОДА И В ПОДВИГАХ БЕССМЕРТИЯ ЕГО».

**Геннадий
Петрович
КОЧЕРГИН**

Генерал-лейтенант авиации

Моим товарищам

110-й ПОЛК

Чтобы границы были нерушимы,
В краю, где Волхов плещет в берега,
Стояли новгородские дружины,
Россию защищая от врага.

Теперь здесь наши самолёты-птицы.
Земля и небо, словно серый шёлк,
Мы любим гарнизон свой, Кречевицы,
Тобой гордимся, 110-й полк.

История преподала уроки,
Впредь не допустим новую беду.
Придёт приказ и, сокращая сроки,
Взлетим полком с десантом на борту.

Преодолеем ПВО, метели,
Никто не дрогнет и не повернёт,
Перед рассветом выйдем точно к
цели,
И там десант в бессмертие шагнёт.

На курс обратный. Степи, перелески,
Без карты знаю Родину мою.
Наш полководец Александр Невский
Нас научил быть храбрыми в бою.

С восходом на крыле сияют блики,
Уходят часовые пояса.
Все в ожиданье; Новгород Великий
И самые любимые глаза.

Полёт окончен. И в улыбках лица,
Вода и небо, словно серый шёлк,
Мы любим гарнизон свой, Кречевицы,
Тобой гордимся, 110-й полк!

КОМАНДИР ЭСКАДРИЛЬИ

Я руки расправил, как крылья,
У света всего на виду.
Я вновь командир эскадрильи,
В полет эскадрилью веду.

Тревожно рокочут моторы,
Я молодость помню свою,
За мною ребята, которых
Никто не заменит в строю.

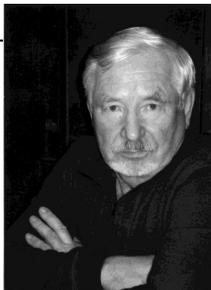
Я их потерял не однажды:
Кто сбит, кто столкнулся с землей,
А я, пусть не самый отважный,
Но все же остался живой.

Они навсегда молодые,
Им годы теперь нестрашны,
И в том, что они не живые,
Есть доля и личной вины.

И груз этот скорбный и тяжкий
До смерти придется носить,
И мне генеральской фуражкой
Седины уже не прикрыть.

Лицо расчертили морщины,
Поблекла в глазах синева,
Но верность крылатой машине
Была и осталась жива.

Шагаю бетонкой под вечер
Остыть от полетных минут.
Идут экипажи навстречу,
Завидуют, честь отдают.

**Александр
Андреевич
ЛУКИН**

*Член Российского межрегионального
Союза писателей, краевед*

**ФРАГМЕНТЫ ИЗ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ
ПОВЕСТИ «МАРШИ РАКЕТЧИКОВ»**

Уходила в прошлое очередная неделя, которую я провёл в лесу. Именно в самых дремучих местах располагались наши ракетные полки, относящиеся к первому поколению. Наша цель пребывания там, в лесу – обеспечить режим постоянной боевой готовности пуска ракет, если поступит боевой приказ на их применение. Немало вскрыто учебных пакетов по тренировке и проведению условных пусков, но не каждый, даже самый волевой офицер, сможет скрыть дрожь при надрезании секретного пакета с пришедшим боевым сигналом, означающим войну, которая с нашей помощью – божьей или дьявольской – будет термоядерной...

Я иду утром на командный пункт вскрыть стартовую позицию, чтобы проверить режим хранения находящегося там боезапаса. Боезапас – это боевые ракеты, скажем так, определённой дальности, предназначенные для уничтожения вероятного противника, т.е. империалистов всех мастей и имеющих для этого чудовищный тротиловый эквивалент. Условия хранения боезапаса очень жёсткие и тщательно фиксируются несколько раз в сутки. Это рутинная и ежедневная обязанность начальника дежурной смены.

Бетонная дорога, по которой я иду для проверки на стартовую позицию, пересекает лес прямой стрелой и выглядит в этот ранний час непривычно пустынной. По боевой тревоге

или учебной (это лучше) по ней устремятся лавиной боевые расчёты стартовых батарей; тут же двинется нескончаемым потоком на старты техника, участвующая при подготовке пуска. Сегодня, как обычно в день смены, будет объявлена тревога для проведения тренировочного занятия с учебной ракетой. Я топаю на стартовую позицию с помощником – механиком хранилища. Это молчаливый добросовестный парень из белорусского села, он своего рода интеллигенция в батарее, ведь он ходит с командиром и не будет сейчас бежать по тревоге со всеми в строю, когда все прибегут на занятие боевых постов уже в «мысле».

Середина мая. Обступивший дорогу лес начинает зеленеть и, наверное, от молодой распускающейся листвы так легко дышится и кажется, обступившие тебя проблемы растворяются в этом прозрачном воздухе, и я успеваю заметить и зелёный лес и яркое голубое небо над нами. Да и настрой в этот день особый – день смены. Через неделю, скорее всего, снова заступать. Семья за год видит меня, в лучшем случае, половину года. Завтра должен быть выходной, но и это не факт – на службе всегда есть недостатки, их всегда надо устранять, устранять и устранять...

Часовой на старте, который заканчивает, видимо, свою смену, с удовольствием общается с нами, живыми людьми – до этого вокруг него был молчаливый тёмный лес, и сдаёт нам целыми печати и пломбы у гигантского полузаглублённого сооружения; больше он ничего не должен знать, что там и для чего. Правда, когда он приедет на родину, он обязательно расскажет, какой он был знаменитый ракетчик и как он лично участвовал в пусках ракет.

Я со своим помощником с большим усилием открываю массивную, очень тяжёлую дверь в огромных воротах хранилища, но, по сути лишь калитку. Обычной и знакомой прохладой встречает нас гулкое пространство хранилища, где отдаётся каждый шаг. Ракеты первого пуска – это колоссальные сигары в несколько десятков метров – замерли на своих транспортных тележках, а дальше, в полусумраке, таятся ракеты последующих пусков. Это и есть боезапас. Дай Бог, чтобы мы никогда

не подали их на старт для боевого пуска!!

А для учёбы у нас, в том числе сегодня, перед хранилищем приготовлена учебная ракета. Вот сейчас будет подан сигнал с командного пункта дивизиона «К бою! Занять боепосты!» и лавина воинов и техники нарушит эту лесную тишину, прибыв сюда, на стартовую позицию, заполнив эту мирную, казалось, поляну среди леса.

По прибытии воинов и техники я доложил о занятии боевых постов. С момента объявления тревоги – каждый воин это знает! – пошла борьба за минуты, и даже за секунды. Некогда передохнуть воину после километрового кросса в полном снаряжении до боевой позиции!

Лихо подкатывает задним ходом к тележке с учебной ракетой «Урал» - молодец, водитель – за считанные минуты ракета из хранилища подана на старт. Теперь пристыковать транспортную тележку с ракетой, эту многометровую малоуправляемую громадину к пусковому столу – это ручная операция командира, зависящая от его опыта и глазомера. Воины облепили ракету – раз-два-взяли! В нужный момент всем напрячься и ... вот – рраз! – с первого захода направляющие тележки с лязгом (а командиру кажется – как в масле) ушли в направляющие пускового стола. Командир доволен, воины ещё больше – не было нескольких тяжёлых попыток!

Закипела работа уже на борту ракеты, хотя она ещё не на пусковом столе, стартовики тянут тяжеленные блоки для подъёма ракеты, электроогневики лезут в приборный отсек.

Но ракету ещё не венчает головная часть – так мы называем основной подарок империалистам – водородную бомбу, обладающую, напомним, чудовищным тротиловым эквивалентом. Стыковочная машина с головной частью, притаившаяся пока в кустах, в укрытии ждёт команды комбата.

– Толя, – кричу я начальнику расчёта, – давай по возможности быстрее стыкуй, ты ведь тоже сменяешься.

Всего несколько минут работы стыковочного расчёта и можно поднимать ракету, она теперь оснащена смертоносным грузом во много Хиросим.

Звучит команда об установке ракеты, сметающая со стар-

та всех не участвующих в этой опасной операции. Через мгновение старт пуст, все в укрытии и одинокая ракета угрожающе начинает подниматься – сначала как бы нацелена на лес, и вот она уже вертикальна, подходит к ферме установщика – специальной машины для установки и снятия ракеты. Управляет ею по моим командам номер расчёта – маленький незаметный солдатик, он может пешком ходить по кабине своего установщика. Ракета, достигнув вертикали, коснулась опорных пят стола, тут же воины кидаются крепить её ветровыми креплениями. По ферме установщика, как матросы в бурю, мчатся: на верхний мостик – наводчики, на средний – двигателисты, заправщики. Задача у наводчиков очень трудная – на огромной высоте, в любую погоду – дождь, ветер, снег они должны выверить прицеливание ракеты, чтобы ракета по азимуту и дальности попала на объект X, правда, мощность заряда такова, что даже приличное отклонение не спасёт империалистов, да и соседние старты на что?

Очередная ответственная и опасная операция – заправка ракеты компонентами ракетных топлив. Нынешние экологи ужаснулись бы, что мы заправляем. Но смею успокоить – ни капли будет не пролито этих сверхагрессивных жидкостей; правда, при обратном сливе всё может быть. Но мы все, включая командира, уже в резиновых костюмах и противогазах – так будет часами до команды «Отбой» – это при любой погоде, в том числе при любой жаре! В любом случае, снимая спецодежду, все мы выливаем – в буквальном смысле! – пот из резиновых сапог! А что представляют наши лица после многочасового нахождения в защитной одежде – это надо видеть, Хичкок отдыхает! Начальник заправочного отделения ходит среди паров окислителя и горючего, как по весеннему бульвару, контролируя при сливе каждую каплю агрессивных жидкостей...

Агрегаты и машины, сделавшие своё дело, постепенно и стремительно покидают старт. Ракета одиноко и угрожающе, как божий перст – а, может быть, дьявольский? – осталась одна с командиром. Воины все в надёжном укрытии. Идут последние настройки системы управления, последние личные контрольные операции комбата. Уходит в укрытие установщик,

последняя громадная машина с уже опущенной фермой. Вот, наконец, доклад с пультов подготовки о готовности систем управления. Это решающий момент для командира: сейчас в пульт пуска за сто пятьдесят метров от ракеты и жать кнопку «Пуск». Ракета стоит одна среди зелёного весёлого леса, мирно шумят во чреве её гироскопы. Солнце забыло свой блик на самой верхушке головной части ракеты...

Но вот когда я всё проверил, то, не теряя ни секунды, собираю все силы, стремительно преодолеваю сто пятьдесят метров до бункера пуска, пусть на мне защитный костюм, мегафон, сумка противогаса, командирская сумка и, по-прежнему, уже не один час противогас на лице, но, извините, я же натренирован, я спортсмен, я альпинист, борец, чёрт возьми! И когда проверяющие приходят и дружной командой набиваются в пульт пуска, я докладываю: «Пуск произведён, замечаний нет,

время пуска ...» На некоторых лицах недоверие, но тут же старший группы инспекторов – полковник сверяет должное мной время с командным пунктом. Я напряжён до последнего мгновения – мало ли что придёт в голову ещё испытать командира. Но нет, всё нормально, что и требовалось Родине, Партии, Правительству!

Я иду к строю, обвешанный не медалями, но теми же командирскими атрибутами и по-прежнему в противогазе и личный состав ещё в противогасах – уже несколько часов! – нельзя снимать, ведь боевая стартовая позиция «заражена» и надо провести дезактивацию... Но я срываю маску, даю команду

Заправка ракеты.
Фото из газеты
«Наша жизнь»
(Гвардейский
район
Калининградской
области)
от 16 июля
2011 г.

снять противогазы, чтобы, наконец, всем глотнуть свежего воздуха. Ракета стоит на столе, но теперь не одиноко – она как правофланговый строя, а рядом, продолжением, выстроились мои воины, разве это не уникальная и не бесценная картина? Эй вы, режиссёры кино, снимайте этот необыкновенный строй, во главе которого поднялась к небу ракета. Она на столе, потому что пуск на этот раз был учебный, но Родина может не сомневаться – боевая ракета также будет отправлена точно во время и точно в цель. Так снимайте этих солдат – они умеют этот делать! Я благодарю своих солдат, они выложились на всё, на что способны, а в ответ единодушно, единогласно прокатывается по лесу: «Служим Советскому Союзу!»

После снятия ракеты и доклада о занятии постоянной боевой готовности идёт построение на смену боевого дежурства. Личный состав дежурной смены – и не только – построен возле обелиска, изображающего в бетоне путь нашей части. Она участвовала в боях под Сталинградом, в Курской битве, в освобождении Белоруссии, а завершила боевые действия на территории Германии. Есть чем гордиться и нынешнему воину в её рядах – ракетчику. Зато вот они и стоят сейчас в строю, ещё не высохшие от пота после своего ратного труда, тем более что рядом с ними в строю есть офицеры, участвовавшие в легендарной стратегической операции по размещению наших ракетных полков на Кубе, оснащённых теми же ракетами, на каких мы только что тренировались...

После отдания приказа и поднятия флага дежурной смены под гимн Союза Советских Социалистических Республик включается марш и стройными рядами – или не очень – вся эта огромная масса начинает движение в сторону казарм или, скажем точнее, в сторону столовой. Но обязательно сразу же следует команда «Запе-вай!», и по всей длине бетонки, рассекающей лес, движутся подразделения, исполняя одновременно каждое свою песню. Все поют на этот раз без принуждения, наоборот, в молодом азарте стараясь перепеть другой строй. Кто этого не испытал, его можно пожалеть – сотни (!) молодых здоровых глоток выплёскивают свою энергию, печатая шаг коваными сапогами по бетонке, и строевые песни эхом перекаत्या-

ются с одного края леса в другой, будоража весеннюю листву.

Этим заканчиваются основные события сегодняшнего дня, если не считать, конечно, ещё одно не менее важное – обед. И, будьте уверены, навряд ли эти воины после сегодняшних занятий страдают отсутствием аппетита. Полюбовавшись на эту воистину раблезианскую картину в солдатской столовой, я иду к себе в офицерскую. Там на обеде я попытался выяснить причину вызова к командиру части, но высказывались разные варианты – от награждения орденом до строгого выговора, а один капитан, между прочим, высказал, как окажется, реальную причину.

Но командир части на этом «совете четырёх» после короткого вступления объявил главное – я выбран командованием, партийной организацией как кандидат на уборку урожая, сейчас формируется батальон, подбираются люди, техника, а в ближайшее время состоится совещание в вышестоящем штабе с инструктажем и постановкой задач.

Я, конечно, был шокирован – знаем мы из разговоров, что это такое «уборка урожая», или, как говорят, отправка на целину, хотя давно уже отправляют не в Казахстан, а в любой район Советского Союза, а всё равно называется «на целину». Я попробовал отказываться, ссылаться на какие-то причины – возраст, здоровье, семья, но аргументы у меня были слабые – проблем у меня со здоровьем не могло быть, по их мнению: они знают, что я спортсмен; в моём семейном поведении ничего интересного не замечено, в том числе и политработниками; с партийной точки зрения репутация безупречна – партийный стаж с курсантских лет, член чего-нибудь обязательно – партбюро, парткома, а то порой и секретарь. Такому человеку и может быть доверена большая честь – выполнять задание государственной важности по уборке урожая. Кто против? Нет.

Пришлось сдаться за неимением весомых аргументов; против меня был самый важный аргумент – у меня была надёжная репутация и был партийный билет в кармане многие годы...

По выходе от командира, я думал как-то об одном – как воспримут дома мою эту новость, ведь им жить без меня, счи-

тай, полгода. С этими мыслями я сидел в КУНГе, набитом, как всегда, до отказа, который увозил нас по лесной дороге, но на этот раз по дороге не на старт, а домой, на старт дорога сегодня другой смене.

– Ну, что, угадал я? – подсел ко мне капитан, стыковавший мне днём головную часть к ракете.

– Да Толя, но я тебе ничего не должен, – остановил я его намёки.

– Но вы сегодня сменились, так что положено... – капитан заглядывал мне в лицо.

– Толя, всё будет у меня нормально, и пятьдесят грамм и всё остальное, – со значением, понятным каждому сменяющемуся с боевого дежурства, ответил я.

Капитан счастливо и многозначительно улыбнулся, я, между прочим, тоже улыбался – про себя. Вот я сейчас еду домой, к семье и кто его знает – может, это уже и есть счастье? Ты знаешь, что у тебя есть дом и в нём тебя очень ждут жена и ребятишки, и неизвестно, кто же больше. Но, чтобы ощущать эти простые вещи как счастье, надо чтобы оно было близким, а на сегодня, а на сейчас это так и есть, что там не говори!

**Владимир
Алексеевич
САМОЙЛЕНКО**

Председатель совета ветеранов НовГУ, гвардии майор

ВОЗДУШНЫЙ ПАРАД В ДОМОДЕДОВО

Личному составу 229 военно-транспортного авиационного полка 12 Минской Краснознамённой военно-транспортной авиационной дивизии посвящается

Опыт боевого применения авиации, полученный воздушным флотом разных стран в годы Первой мировой войны показал, что помимо ведения разведки, нанесение ударов по войскам и объектам на территории противника и борьбы с его авиацией в воздухе, самолёты могут также использоваться для перевозки техники, продовольствия, оружия и десантирования войск.

Становление Военно-транспортной авиации было длительным и сложным. Всей данной работе итог был подведён в полевом уставе Красной Армии, который на кануне Второй мировой войны выделил транспортную авиацию как отдельный вид авиации и определил её основные задачи: транспортная авиация применяется для выброски и высадки воздушных десантов, для перевозки войск на большие расстояния, для транспортировки боевых грузов, в особенности для войск, действующих в тылу противника, и для эвакуации.

Свою зрелость и высокую готовность по выполнению учебных и лётно-боевых заданий военно-транспортная авиация продемонстрировала в воздушном параде на столичном аэропорту Домодедово в ознаменование 50-летнего юбилея Октября.

История отечественной военно-транспортной авиации относится к 1 июня 1931 года. Тогда в Ленинградском военном округе был сформирован первый опытный воздуходесантный отряд (1930), 2 сентября 1931 года на манёврах Киевского военного округа с трёх самолётов АНТ-9 был сброшен парашютный десант в составе 29 красноармейцев. Несколько позднее на сборах высшего начальства Ленинградского военного округа было проведено десантирование стрелкового подразделения парашютно-посадочным способом – впервые в мире.

Для десантирования в те времена использовались наравне с военно-транспортными самолётами планеры Г-63 и Г-64, созданные конструкторским бюро, руководимым Петром Ивановичем Гроховским – талантливым изобретателем и лётчиком-испытателем НИИ ВВС РККА.

Эти планеры могли доставлять к месту высадки, т.е. к месту боевых действий (или учений), где требовалось наращивание сил для закрепления успеха от 17 до 50 человек и полтонны необходимого груза.

В этот же период на вооружение воздуходесантных отрядов стали поступать самолёты ТБ-1, первые в мире металлические тяжёлые двухмоторные бомбардировщики, и при доработке они становились крылатыми машинами двойного назначения – для бомбометания и доставки десанта и грузов. За период с 1928 по 1932 годы авиационная промышленность построила для нужд Красной армии 216 единиц такого типа самолётов.

Год 50-летия Великого Октября явился для нашей авиации своеобразным отчётом народу, партии, Родине о том, как выросли её крылья, как мужает и закаляется современное племя советских лётчиков. Старшее поколение помнит, наверное, тот жаркий июльский день 1967 года, когда в аэропорту Домодедова состоялся большой красочный праздник, ярко продемонстрировавший неустанную заботу Коммунистической партии и Советского правительства о развитии и совершенствовании отечественного воздушного флота. Много пришлось потрудиться организаторам праздника,

личному составу 229 военно-транспортного авиационного полка, в котором мне выпала честь служить, частям обеспечения, чтобы все отделения этого грандиозного праздника проходили профессионально, грандиозно и торжественно.

Несомненно, торжественно, очень точно будет сказано. Вылеты в полковом и эскадрильском порядке совершились с военного аэродрома Горелки под Тулой, где в период Великой Отечественной войны базировался первый отдельный авиационный истребительный полк сражающейся Франции «Нормандия-Неман», четверо лётчиков которого стали Героями Советского Союза.

Маршал авиации С.И. Руденко в своих мемуарах «Крылья Победы» сообщает, что «присутствовавшие на воздушном параде руководители партии и правительства, маршалы Советского Союза, маршалы видов вооружённых сил, Герои Советского Союза и Герои Социалистического труда, адмиралы, конструкторы, иностранные и многие другие гости отметили прекрасную «режиссуру» парада и отличное выполнение всех номеров в воздухе. Исполнители с секундной точностью появлялись над лётным полем Домодедовского международного аэропорта и с минимальными интервалами. Можно только представить себе, какая точность должна быть в расчётах и мастерство пилотирования самолётами и вертолётами, если скорость самолётов в максимуме превышала 800 км/ч. Над подготовкой лётчиков и штурманов много потрудился генерал-полковник авиации Е. М. Гарбатюк со штабом и начальниками служб юбилейного парада.».

Полком командовал полковник Николай Степанович Моргис, позднее – генерал майор авиации, начальник оперативного отдела ВТА ВВС.

Командовал 12-й ордена Красного Знамени ВТАД генерал-майор авиации Борис Яковлевич Яковлев (начальник политического отдела полковник Василий Ильич Шмыков, председатель парткомиссии подполковник Василий Григорьевич Панасенко).

Подготовку инженерно-технического состава, старших

бортовых техников, бортовых техников по авиационно-десантному оборудованию контролировал начальник инженерно-авиационной службы Военно-транспортной авиации генерал-лейтенант – инженер Василий Васильевич Филиппов. С 1969 года В. В. Филиппов – генерал-полковник, инженер начальник Военно-воздушной инженерной орденов Ленина и Октябрьской революции, Краснознамённой академии имени Н. Е. Жуковского, учёный, воспитатель авиационных инженерных кадров.

В те далёкие времена в газетах сообщалось, что красочный парад в Москве на лётном поле Домодедово воочию показал, сколь плодотворны творческие усилия талантливых советских конструкторов, сколь успешен труд рабочих и инженеров отечественной авиационной индустрии, создающих первоклассные самолёты и вертолёты, сколь высок уровень подготовки советских авиаторов.

Готовилась выставка авиационной техники периода Второй мировой войны. В ходе её подготовки произошла серьёзная помеха, о которой необходимо рассказать. На заседании Военного совета Военно-воздушных сил обсуждался вопрос, какие самолёты следовало бы показать в Домодедово как этапные для нашей авиации. Участники Совета вспомнили первый цельнометаллический самолёт А. Н. Туполева – АНТ-2, самолёт дальней разведки РД, на котором ставили рекорды Валерий Павлович Чкалов, Георгий Павлович Байдунков и Александр Николаевич Беляков, а также боевые машины Великой Отечественной войны МиГ-3, Як-1, И-16, И-153, Як-3, Як-9, ЛаГГ-3, Ла-5, Ла-7, Ил-2, Ил-4, Пе-2, Ту-2, По-2.

Через некоторое время журнал «Авиация и космонавтика» сообщил о том, что самые знаменитые советские самолёты будут показаны на выставке в честь 50-летия Советской власти. После данной публикации в штаб по подготовке и проведению парада стали поступать запросы об этой выставке – советские люди проявили огромный интерес к отечественным самолётам периода Великой Отечественной войны 1941–1945 г.г. И тут возникли сложности, даже кон-

фуз. Объявить-то журнал объявил, но оказалось, что многие боевые машины не сохранились, даже единственный в мире по своему назначению и применению штурмовик Ил-2. И тут возник вопрос: как же могло случиться такое?

Много было названо причин, но главная состоит в том, что мы, воюя на превосходных самолётах, не подходили к ним исторически и не пытались увековечить гений конструкторов и рабочих, создавших их.

По данным Центрального архива Министерства обороны СССР, чтобы как-то заполнить пробел в ряду крылатых реликвий нашего народа, маршал Авиации Герой Советского Союза Сергей Игнатьевич Руденко обратился к генеральным конструкторам Яковлеву Александру Сергеевичу, Ильюшину Сергею Владимировичу, Туполеву Александру Андреевичу, Микояну Артёму Ивановичу, Гуревичу Михаилу Иосифовичу, чтобы они воссоздали в металле облик своих боевых творений, и их в виде памятников навечно установили в Монино и Кубинке под Москвой.

Перед открытием выставки члены Военного совета ВВС побывали на ней, осмотрели её уникальные экспонаты. Она зримо и реально обозначила вехи впечатляющего пути развития нашей авиации за 50 лет власти рабочих и крестьян.

Разве можно было пройти мимо первых летательных аппаратов, спроектированных советскими конструкторами и построенных на наших тогда ещё маломощных заводах? Сердечная благодарность создателям скромного труженика неба ПО-2, «небесного тихохода» конструкторского бюро Поликарпова. Несколько десятилетий он служил в трудовом и боевом строю. Нельзя не отдать дани уважения и воздушному ветерану, главному ястребку 1941 года И-16. Воюя на нём, наши лётчики-истребители удостоились звания гвардейцев. Рядом – представители поколения лучших боевых самолётов Великой Отечественной войны и среди них украшенный 62 победными звёздами «Лавочкин» Ивана Никитовича Кожедуба и Ла-5 Александра Николаевича Покрышкина с 59 звёздами на фюзеляже.

На выставке в одном ряду находились самые разные и такие нужные фронту боевые машины, с особой силой появилось великое значение вклада советских конструкторов, тружеников авиационного производства в нашу Великую Победу. В значительной части воздушных армий фронтов были все представленные в Домодедово боевые самолёты, и о каждом можно сказать самые добрые слова. Начать необходимо бесспорно, с легендарного штурмовика С. В. Ильюшина. И здесь необходимо подчеркнуть два момента. Членов Военного совета и других членов делегации парада поразила цифра, сообщенная сотрудниками конструкторского бюро С. В. Ильюшина, о выпуске в годы войны около 39 тысяч штурмовиков. Это рекордное количество построенных самолётов одного типа за всю историю мировой авиации. И второе. Несмотря на прекрасные качества Ил-2 в ходе войны, пытливые беспокойные конструкторы во главе с Сергеем Владимировичем Ильюшиным создали и дали фронту ещё лучшие штурмовики Ил-10. Так же непрерывно улучшался дальний бомбардировщик Ил-4, успешно провоевавший с первого и до последнего дня войны. После окончания Второй мировой войны часть лётчиков штурмовиков были переведены для продолжения службы в Военно-транспортную авиацию, а именно: Герой Советского Союза полковник Николаев – начальник управления кадров; Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Корякин - начальник штаба ВТА ВВС и другие.

Немалый вклад внёс и коллектив конструкторов во главе с Александром Сергеевичем Яковлевым, создавший целую серию знаменитых «яков». По свидетельству маршала авиации С.И. Руденко: «За годы войны наша авиационная промышленность выпустила также огромное количество этих машин. Их число превысило 36 тысяч.

Другой коллектив Семёна Алексеевича Лавочкина – прославился тремя модификациями истребителей, но особенно, необходимо выделить Ла-5 и Ла-7. Только самолётов этих двух типов фронт получил около 16 тысяч.

Из бомбардировщиков наибольшую любовь на фронте

снискали пикировщики Пе-2 Владимира Михайловича Петлякова. Сам конструктор погиб в авиационной катастрофе в 1942 году. После гибели В.М. Петлякова заботу об их усовершенствовании принял на себя Владимир Михайлович Мясичев, прекративший ради этого доводку дальнего высотного бомбардировщика собственной конструкции. Всего пикировщиков Пе-2 было выпущено 12 тысяч.

Большой вклад в создание крылатой боевой техники внёс коллектив А. И. Микояна. Отлично выполнили свой долг перед Родиной конструкторы самолётов, двигателей, авиационного оборудования и вооружения, радиосвязи и радиотехники, фотооборудования, что способствовало завоеванию нашей авиацией господства в воздухе. Низкий им поклон от нынешних поколений.

Среди послевоенных самолётов на выставке выделился внушительными размерами и мощностью стратегический бомбардировщик-ракетоносец 201М с четырьмя турбореактивными двигателями конструкции Героя Социалистического труда В.М. Мясичева.

На модификациях этого самолёта были установлены мировые рекорды высоты и скорости полёта: с грузом 10 тонн самолёт поднялся на 15,6 тысяч метров, с грузом 55 тон – на 13 тысяч метров, с грузом 27 тонн на базе 1000 километров развил скорость 1028 километров в час».

Судьба подарила мне возможность видеть самый огромный в мире сверхдальний и сверхвысотный М-1 на долговечной стоянке, дотрагиваться до его фюзеляжа, шасси на военном аэродроме Дягилево под Рязанью в 1965 году.

Рядом со стратегическими стояли бомбардировщики, истребители, летающие со сверхзвуковой скоростью, оснащённые точнейшей аппаратурой для самолётовождения и штурманского дела, днём и ночью в любых погодных условиях.

Многие выдающиеся творения конструкторских коллективов были показаны в воздухе в день парада. И хотя подмосковное небо 11 июля было мирным, всё происходящее в воздушном пространстве по напряжённости, стреми-

тельности и размаху во многом напоминало фронтовое небо Великой Отечественной войны. Только иными были над лётным полем и праздничными трибунами, людьми, которые пришли посмотреть воздушный парад, самолёты – реактивные, всепогодные, сверхзвуковые, военно-транспортные и, конечно же, вертолёт. И пилотировали их другие лётчики и штурманы – молодые, высокообразованные, с инженерной подготовкой, перенявшие богатейший опыт старших поколений советских авиаторов.

...Методично запели фанфары военного оркестра. И тут же на малой высоте над аэродромом в плотном строю пронеслась пятерка стремительных реактивных фронтовых истребителей МиГ-21СН (натовское определение Fishbed – рыба). Так начался воздушный парад. Машины молниеносно и круто набирали высоту. Словно орудийный залп потряс воздух. На землю обрушилась невидимая грохочущая волна – истребители преодолели звуковой барьер.

А в глубине неба уже появилось ярко видимое на фоне голубого неба слово «Ленин». Его отчеканили в небе лётчики на спортивных самолётах конструкторского бюро А.С. Яковлева, последователями которых стали известные в авиационном мире Як-52. Другая группа аналогичных самолётов вывела праздничное число – «50». В воздухе колонна вертолётов Ми-8 с флагом СССР и всех 15 советских республик. Другая группа винтокрылых машин на стальных тросах несла макеты космических аппаратов, запущенных в просторы Вселенной советскими исследователями космоса. Этот космический кортеж растянулся в воздухе на полкилометра. Ведь более двухсот спутников Земли, автоматических межпланетных станций, космических кораблей стартовали к этому времени с советского космодрома Байконур в Казахстане. Дорога к звёздам, к другим планетам становилась всё шире и надёжней.

Вертолёт ещё и не скрылся за горизонтом, а по уходящей вдаль широкой взлётной полосе уже стартовал краснокрылый, похожий на ракету реактивный истребитель-бомбардировщик Су-15 конструкторского бюро Павла Оси-

повича Сухого. Этот самолёт может развивать скорость, значительно превышающую скорость звука. Потолок, т.е. высота полёта, его более двадцати тысяч метров. Красная стрела энергично вошла в разворот и ошеломила каскадом фигур высшего пилотажа. Лётчик бросал машину с огромной высоты к земле и снова взмывал, круто уходя в зенит, к границе стратосферы.

В короткое время на бетонной площадке у края взлётной полосы зарокотали турбины. Взлетела четвёрка сверхзвуковых истребителей системы «яков». Ведя машины, словно связанные между собой незримыми нитями в строю «ромб», лётчики выполнили пилотаж и стремительно ушли, уступая место в небе своим товарищам. Те впервые показали групповой взлёт и пилотаж семёрки реактивных истребителей Су-15.

Снова в воздухе вертолёты различных типов конструкции Михаила Леонтьевича Миля, способные поднимать десятки тон грузов, десантные подразделения и вести штурмовку боевых позиций противника. Затем всеми цветами радуги расцвели небо купола парашютов 50 спортсменов-парашютисток, выполнивших удивительный по своей красоте групповой прыжок. Пока над Домодедово проходила колонна воздушных лайнеров аэрофлота, возглавляемая Ту-104, первым в мире пассажирским реактивным самолётом и замыкаемая новым, межконтинентальным Ил-62, «девичий десант» успел приземлиться.

График воздушного парада был составлен очень плотно. После приземления и сборки парашютов девушки подбежали к трибунам, а на освободившуюся взлётно-посадочную полосу вырулили для старта самолёты-амфибии морской авиации конструкторского коллектива Георгия Михайловича Бериева «Бе-2», их ещё называют летающими лодками или гидросамолётами.

Через короткий промежуток времени над Домодедово показались отряды крупных самолётов АН-12ПП военно-транспортной авиации, созданные Олегом Константиновичем Антоновым и построенные на Воронежском и Ташкент-

ском авиационных заводах. Достигнув заданного рубежа, началась своеобразная воздушно-десантная операция – с выброской воинов-парашютистов, с выбросом и выгрузкой боевой техники – танков, боевых машин пехоты и десанта, артиллерийских установок, мобильных радиостанций. Места зрителей были расположены так, что с них было прекрасно видно, как из открытых рамп-люков стали отделяться гвардейцы-десантники, как стали работать вытяжные парашютики и мгновенно наполняться воздухом основные купола парашютов Д-5. Белые купола заполнили весь обозримый небосвод. Первые парашютисты уже достигли земляного поля аэродрома, а пространство над ними заполнялось всё новыми и новыми группами воздушной пехоты, готовыми выполнить любые поставленные учебно-боевые задачи, ибо девиз воинов-десантников: «С неба, на землю, в бой!» Выполнив поставленную задачу, турбовинтовые самолёты транспортники легко отрываются от бетонной полосы и один за другим уходят в воздушное пространство, взял курс на аэродром базирования.

Боевая техника воздушно-десантных войск (командующий ВДВ – генерал армии В.А.Маргелов), выбрасывалась и доставлялась к земле парашютными системами, а у самой точки приземления срабатывали ПРС – тормозные устройства платформ, на которых пришвартована тяжёлая техника ВДВ.

В день парада самолёты полка взлетали при соблюдении авиационной традиции. Раздаётся голос командира полка: *«Товарищи офицеры! Флаг Военно-воздушных сил поднимать!»*. Замирают в строю авиаторы. Торжественно и волнующе звучит мелодия нестареющего авиационного марша «Всё выше и выше...», медленно поднимается в утреннее небо золотисто-голубой флаг... и самолёты уходят на задание.

Вслед за самолётами-транспортниками, выполнявшими погрузку техники и десантников на военном аэродроме Ефремово, под прикрытием реактивных истребителей разных типов, проходивших звеньями и патрулирующих небо

над аэродромом, приземлились тяжёлые вертолёты Ми-10 выпуска 1963 года и, не выключая двигателей, буквально за несколько минут десантировали роту десантников посадочным способом. Другой большой отряд винтокрылых труженников неба Ми-8 (1961, Нир – «Бедро») доставили на «поле боя» автомашины, самоходные артиллерийские установки, противотанковые орудия. А затем на «захваченном плацдарме» шло наращивание сил. Один за другим, строго сохраняя заданный интервал, на взлетно-посадочную полосу приземлились большие и мощные военно-транспортные крылатые машины Антонов-12 первой авиационной эскадрильи 229 ВТАП (командир – подполковник Андрей Иванович Шаповал, начальник штаба – майор Иван Гаврилович Корниенко). Среди них Ан-12 ППС, оборудованные групповыми средствами радиоэлектронной борьбы или групповыми средствами помех с новыми подразделениями гвардейцев-десантников и техникой. Из грузовых кабин – фюзеляжей выгружались бронетранспортёры, танки, ракетные установки, медицинское оборудование и палатки. Тут же разворачивались полевые госпитали.

Генерал полковник авиации Пакилев Георгий Николаевич в документальном повествовании «Труженики неба» сообщает: «Возглавил авиационную группу, высадившую десант на лётном поле столичного аэропорта, полковник В. В. Ноздрачёв (в последующем генерал майор авиации. – В.С.), и тысячи зрителей с восхищением наблюдали, как быстро была выгружена военная техника и в считанные минуты воздушные корабли покинули ВВП.».

Парад не имел себе равных по количеству и разнообразию сверхзвуковых, высотных и сверхдальних самолётов – Ту-22М по классификации НАТО «Двойное пламя – Back Fire» и Ту-95 «Медведь», которое присвоено крылатым машинам специалистами по авиации из блока НАТО, они демонстрировались на земле и в воздухе. Была представлена в Домодедово новинка – аппарат вертикального взлёта и посадки Як-128. В настоящее время его заменил палубный истребитель морской авиации Су-33 с системой складывания

крыльев для компактной стоянки в трюме авианосца.

На старте – машина с изменяемой геометрией крыла. Разбег её короток. Поднявшись в воздух, лётчик на глазах у зрителей преобразил самолёт в стреловидную геометрическую конструкцию. Крылья её как бы прижались к фюзеляжу, и, сверкнув хвостовым оперением, машина ушла в зенит.

Над аэродромом звено всепогодных сверхзвуковых перехватчиков необычной аэродинамической схемы. Они способны развивать скорость, превосходящую в несколько раз скорость звука, обладают исключительно высокой скороподъёмностью. А затем всеобщее восхищение вызвала замечательная картина группового высшего пилотажа девятка реактивных истребителей МиГ-19.

Вальжно проплывают над лётным полем бомбардировщики ближнего радиуса действия Ил-28 – НАТО дало им наименование «Бизон». В настоящее время сохранилось два исторических экземпляра Илов, которые размещены на постаментах в Кречевицах и Новоселицах. Один из них, кречевицкий, пилотировал капитан Верходанов, Василий Фёдорович – отец заместителя губернатора Новгородской области И. В. Верходанова.

На линии горизонта возникла группа самолётов достаточно необычной конфигурации – приблизилась с мощным рокотом шестёрка Ил-18 - самого массового самолёта советского гражданского воздушного флота.

С каждой минутой воздушного парада как бы наращался его темп и сила впечатлений. Всё, что видели тысячи и тысячи зрителей, происходило слажено, на огромных скоростях, в большом диапазоне высот – от нулевой отметки – поверхности земли, и до стратосферы, на территории в радиусе в несколько сотен километров. И кроме мастерства лётчиков для этой чёткости и слаженности нужна была исключительно организованная работа всех служб обеспечения полётов – штурманской, связи, инженерно-технической, аэродромной... Свою положительную роль сыграла и психологическая подготовка лётного состава.

В голубой дали возникают самые неожиданные силу-

эты боевых самолётов, проплывают дирижабли различных конструкций. Прошла колонна стратегических бомбардировщиков морской авиации Ту-16 в сопровождении истребителей МиГ-19, обладающей усовершенствованной аэродинамической схемой и современной авионикой (авиационным, электронным и радиолокационным оборудованием, новейшим вооружением).

В заключение праздника авиаторы произвели своеобразный салют. Сверхзвуковые самолёты, промчавшись на большой высоте, преодолели звуковой барьер – и словно удары грома раскатились над зелёным полем Домодедовского аэропорта...

По воспоминаниям маршала авиации, командующего ВТА ВВС Николая Семёновича Скрипко, росли технические возможности Вооружённых сил, а поэтому предъявлялись новые требования и к Военно-транспортной авиации. Для решения этих задач коллектив конструкторского бюро под руководством О. К. Антонова, ставшего ведущим разработчиком самолетов для ВТА, создал стратегически тяжёлый военно-транспортный самолёт Ан-22 «Антей», первый полёт которого состоялся в 1965 году. Авиационные специалисты Ташкентского авиастроительного завода обязались к 50-летнему юбилею запустить серийное производство указанного типа турбовинтовых машин. «Антей» на вооружении транспортной авиации поступили в начале ноября 1967 года в 229-ый авиационный полк, для чего была сформирована четвёртая эскадрилья под командованием подполковника С. Н. Лымаренко.

Ан-22 оснащён четырьмя двигателями ТВД НК-12МА с соосным вращением винтов и с мощностью по 15000 э.л.с., он был первым в мире широкофюзеляжным и крупнейшим для своего времени самолётов-транспортников с максимальным взлётным весом 225 т. На данном типе военно-транспортного самолёта было выполнено 40 мировых рекордных полётов. В боевом строю находится и сейчас.

Много труда пришлось вложить в освоение Ан-22, подготовку его к лётной работе и расширению эксплуатац-

онных возможностей для перевозки больших грузов на значительные расстояния. Выполнение этих задач было возложено на специальную инженерно-техническую группу специалистов Военно-транспортной авиации. В неё вошли инженеры и техники 229 ВТАБ: подполковник В. Н. Засенко, майор А. А. Федоскин, капитаны А. С. Костриков, Ю. К. Захаров и многие другие.

Активно участвуя в подготовке к воздушному параду и принимая участие в нём в группе оперативных действий, мне и моим однополчанам из 229 ВТАП пришлось окидывать мысленным взглядом все этапы становления и развития наших Военно-воздушных сил и понимать, что истоки всех наших побед – в военное и мирное время – во всенародной заботе о воздушном флоте Родины.

В то время радостью было осознавать, что наши самолёты на всех широтах бороздят просторы мирного неба. Значит наследники Великой Победы – лётчики и лётные экипажи, инженеры и техники, механики и авиационные специалисты наземного состава – достойно выполняют свой долг перед российским народом.

¹ В данном очерке мы используем материалы из книги: Руденко С.И. Крылья Победы. М.: Международные отношения; 1985. 400 с.; см. также публикацию: <http://nsvisual.com/2/gin/106/1>

² Руденко С.И. Крылья Победы. М.: Международные отношения; 1985. С. 321-322.

**Сергей Викторович
КАРТАШОВ**

*Заведующий кафедрой
механизации сельского
хозяйства НовГУ*

НОВГОРОДЦАМ

Огонь и холод, снег кружится,
Земля горит, ломая стылый лёд,
На этом пяточке родной землицы
Нас смертушка в объятия возьмёт.

Мы вжались в землю, сердцем грея
Ту пядь земли, где хлеб возрастал.
На этом поле зёрна жизни сеял,
На этой пяди плача умирал.

И занесут снега, и сильно
Злой ветер будет волосы трепать.
Глаза мои когда-то голубые
Достанется лишь воронам клевать.

Придёт весна, и гомон птичий
В живых разбудит радость и покой,
И полотном зелёным, без отличий
Мы зарастём травую-муравой.

РОВЕСНИКАМ

Афганцам

Они до сих пор воюют,
Солдаты локальных войн,
Где ветры Афганцы дуют,
И слышен товарищей стон.

Где горы молчаньем строгим
Встречают не с той Земли,
Горят в кирзачах ноги,
И тухнут костров огни.

Где реки бурливым потоком
Границей живой текут,
И исчисляется сроком
Два года недолгих тут.

Где матерей письма
Читает салага-солдат,
И старшина с загоревшей лысиной
Этому очень рад.

Дружба под солнцем палящим
Соединяет сердца,
И кажутся настоящим
Великие чувства Творца.

Они вспоминают часто
Те сны сроком в двадцать лет;
Там, где стреляли метко
И каша была на обед,

Где не засохли душою
И умереть могли,
Смерть принимали стоя
Или насмерть шли.

Где ошалевшие пули,
Как комариный писк,
Нервы с башки тянули
На солнца огненный диск.

Где после ада пустыни
Они попадали в рай,
И были этому рады,
Живые в тот снежный май.

И мёртвые тоже рады, –
Не отошли назад.
Какие же им награды? –
Душа не попала в ад.

И помнят горы седые
Солдат белокурых кутёж,
Где всех, до последней куры,
От них пробирала дрожь.

Как зачищали аулы,
Спецназовцы-дикари,
И расплавлялись дула,
И реки крови текли.

Они до сих пор воюют
И по ночам не спят,
Ветры Афганцы дуют
В душах русских солдат.

Русский солдат как порох,
Русский солдат – огонь,
Страниц пожелтевших ворох,
Как листьев осенних боль.

* * *

Уткину Виталику, Андрею Фаустову

Он пришёл оттуда молодым, «за двадцать»,
А ушёл в Афган, было восемнадцать.
Даже и не скажешь, всё нормально вроде,
Сразу не узнаешь, кто рядом с нами ходит.

Молодой парнишка, что ему два года?
Но осталась там половина взвода,
Половина роты, да полоска неба,
Да в горах колючих островочки снега.

Он такой же вроде, но неправда это,
И с войной в душе ходит он по свету.
Не жалей, не надо, и не плач при нём,
На груди награда запеклась огнём.

Уж рубцами раны заросли на теле,
Матери афганов рано поседели;
Поцелуем долгим их весна встречала,
Для кого-то жизнь началась сначала.

Содержание

От составителя

1 раздел

«Во имя жизни и любви»

Владимир Александрович Кулагин

Проводы

Царица полей

Пушки бьют

Во имя жизни и любви

Евдоким Евдокимович Русаков

Без вести пропавший

Красная книга

Антонин Фёдорович Чистяков

Трудодни

Рисунок

Игорь Александрович Таяновский

Вечный огонь в Новгородском кремле

Баллада о берёзе

Посылка

Иван Георгиевич Александров

Сапёры

Новгород

2 раздел

«Не приведи Господь ее испытать»

Игорь Исаевъ

Начиналась гражданская война

Геннадий Александрович Игнатъев

Дважды был расстрелян

Сергей Вперёдсмотрящий

Владимир Иосифович Березовский

Вот пуля просвистела...

Врата

Леонид Иванович Воробьев

Союз нерушимый

Александр Алексеевич Кочевник

Цена ордена

Юрий Николаевич Фабричнин

Блокадная баллада

Шоколад

Людмила Болгова

Около войны

Валерий Анатольевич Емельянов

Россия

Соловей

Мечты

Случай в редакции

Разговор с соловьём

Анатолий Власович Жуков

Стихи о войне

Гарри Залманов Берсон

«Проверено: военная цензура»

Любовь Патрикеева

Шурочка

3 раздел

«И в жизни новой, непохожей»

Татьяна Львовна Верхорубова
Чистяков

Антонин Фёдорович Чистяков
Сушилово

Геннадий Александрович Игнатъев
Счастливая звезда Алексея Самойленко
(очерк семейной хроники)

Александр Алексеевич Кочевник
Трофей
Это - человек!

Евгений Власович Жуков
«И в жизни новой, непохожей»

Владимир Рувимович Исаков
Кадры хроники 1941 года

Валерий Валентинович Люлюкин
Стихи

Анатолий Николаевич Молоканов

Диалог перед встречей

Виктор Семёнович Кутковой

Весеннее утро композитора Быстракова

4 раздел

«Мы слышали лишь войны отголосок...»

Сергей Викторович Мехреньгин

В последнем шаге
Короткий разговор

Юрий Николаевич Фабричин

Солдат
Свадебная баллада
Во дворе
Память

Виктор Карпушкин

В глазах ветеранов (цикл, посвящённый 70-летию
Победы в Великой Отечественной войне)
В нашем городе
В глазах ветеранов
В этом лесу...
Смог бы?
В крайнем случае
Для тех, кто повыше

Юлия Летова

Дню Победы посвящается...

Арина Борисова

Новгороду

Артём Межурецкий

Страницы семейной славы

Рассказчики из Пестова:

Дмитрий Бараев

Под Старой Руссой пропал

Егор Глушаков

Через память к миру

Елизавета Грекова

О славной жизни боевой

Екатерина Денкс

«Мы помним, мы гордимся!»

Валерия Дубовицкая

Мой прадед на фронтах Великой Отечественной
войны

Илья Забугорнов

Учитель, командир, ветеран

Дарья Крылова

Великая труженица

Александра и Максим Лашкины

Наша прабабушка-житель
блокадного Ленинграда

Илья Лукьянов

За мирное небо спасибо тебе!

Елизавета Ньорба

Ефрейтор Рупасов

Анастасия Одноволик

Хлеб для партизан

Ангелина Тихомирова

«Как-нибудь живите, пока идёт эта проклятая война...»

Елизавета Удальцова

«Там день один, как год тяжёл»

Кирилл Финогенов

Память сердца жива

5 раздел

«Наследники Великой Победы»

**Владимир Алексеевич Самойленко,
Дарья Чекманова, Олег Пластолец**
Орден Отечественной войны. История учреждения
и боевой путь

Геннадий Петрович Кочергин
110-й полк
Командир эскадрильи

Александр Андреевич Лукин
Фрагменты из автобиографической повести
«Марши ракетчиков»

Владимир Александрович Самойленко
Воздушный парад в Домодедово

Сергей Викторович Карташов
Новгородцам
Ровесникам
Посвящение

ВО ИМЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

Сборник стихов и прозы

Выпуск 12

Составитель
Шадурский Владимир Вячеславович

<http://www.novsu.ru/org/litclub>
litklub@novsu.ru

Оригинал-макет подготовлен
В.И. Березовским

Подписано в печать 20.04.2015
Формат: 60 × 84/16
Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 10,4
Тираж 200 экз.
Заказ № 6733

Отпечатано в ЗАО «Новгородский технопарк»
173003, Великий Новгород,
ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41,
тел.: 73-17-05